Ч. Айтматов атындагы тил жана адабият институту
Кол жаз... фондусу
Инв. № 5327/1
Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясы
Гуманитардык жана экономикалык илимдер бөлүмү

Тюркология. (1)

Местоимение – ?

(из материалов
с Кудайбергеновой)

4-818.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ "ОШО(Л)", "УШУ(Л)"

Изучение материалов языка древнетюркских рунических памятников позволяет отметить древнее наслоение в составе указательных местоимений; количественное пополнение их отчасти произошло за счет сложения компонентов и звуковых чередований, которые, как известно, являются одним из старейших способов происхождения слов. В современном киргизском языке, а также и других, относящихся к кыпчакской группе, имеются указательные местоимения ошо(л) - тот, та, то и ушу(л) - этот (при указании на предмет менее близкий, чем обозначаемый местоимением бул, бу, и менее далекий, чем обозначаемый местоимением ошол, ошо)[1]. Как показывают материалы, которые изучены нами, указательные местоимения ошо(л) и ушу(л) не являются изначальными, так как они отсутствуют в языках енисейско-орхонских памятников. В то время в роли местоимения ошо(л), имевшего значения "тот, та, то" (когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент не видим)[2] употреблялось местоимение ол(тот; он), находящееся функционально в близком отношении с ним. Как показывают материалы, появление этих местоимений падает на поздний период, они встречаются в языках средневековых письменных памятниках тюрков, в частности в "Дивану" Махмуда Кашгарского, в сочинении Юсуфа Баласунского (XI в) и других, в то время они еще не стали место-

---

1. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь, с.814.
2. Юдахин К.К. Ук. соч., с.585.

именами в полном смысле этого слова, скорее всего находились на стадии становления и выступали в значении усилительной частицы (см. ниже).

Из сравнения и сопоставления фактов родственных языков следует еще один немаловажный вывод о том, что указательные местоимения ошо(л) и ушу(л) не носят тотальный характер, так как они отсутствуют в сибирском регионале тюркских языков. В последних в значении ошо(л) и ушу(л), такие как в языках рунических памятников древних тюрков, выступает лично-указательное местоимение ол. Например: хак. ол книга агылча (личн.мест. алт. ол балкта; ада-энези анча балаы ...; онызы чш неме ошкош ...;[4] тув. ол дайынны кондунун дээн чуве ийин - (Про) ту войну рассказывал сам конду[5]. Из этих примеров видно, что сибирские тюркские языки в отношении существования указательных местоимений ошо(л) и ушу(л) остались на том уровне что было характерно языку рунических памятников древних тюрков, которые ограничили себя использованием только лексемой ол. В то время как остальные тюркские языки (кипчакская, огузская и карлукочагилская группы) в дальнейшем своем развитии пополнили состав указательных местоимений с интересующими нас словами, т.е. с

---

3. Хакас тили, для 5-6 классов, Абакан, 1980, с.66.

4. Алтай тили, учебник для 5-6 классов, Горно-Алтайск. 1974, с. 120-121.

5. О р г у К. Тыва дил, лексика, фонетика, морфология, Кызыл, 1960, с. 94.

ошо(л) и ушу(л). Исходя из рассмотренных соотношений состава указательных местоимений можно сказать, что приобретение местоимений ошо(л) и ушу(л) киргизским языком относится к его тяньшанскому периоду развития, когда он находился в соседстве языками Средней Азии и Казахстана.

После небольшого исторического вводного, так сказать, слова переходим к рассмотрению вопроса семантики и морфологического анализа вышеупомянутых местоимений каждого в отдельности.

I. Ошо(л) . В "Древнетюркском словаре" значение местоимения ошул, которое структурно близко к киргизскому ошо(л), определено "тот, этот" без какой-либо дифференциации на пространственный и временной признаки: ошул огулнуң ыдлуғ чырағы кök эрди (ЛОК.) - лицо того мальчика было голубым (ДТС.372); ошу - вот: кенe ошу йығачнық тупын e турду (ЛОК.) - и вот стал (он сам) под тем деревом (ДТС.372); ср. Ол эр ол э ге баргаи (тот мужчина ходил в тот дом; (МК.П, 53; ДТС. 366) = кирг. Ал киши ошол үйгe баргаи и др.

В то время как в современных тюркских языках, в частности киргизском, в значении названного местоимения содержатся и пространственное и временное оттенки, которые академиком К.К.Юдахиным лаконично сформулированы следующим образом: "ошол - то же, что ошо; ошо - тот, та, то (когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент не видим)", которое внешнем отношении оппозиционно к местоимению "ушу(л), означающее этот (при указании на предмет менее близкий, чем обозначаемый местоимением бул, бу, и менее далекий, чем обозначаемый местоимением

ошол, ошо)"[6]. В этом описании охвачены все нюансы, т.е. значения и тонкие оттенки киргизских местоимений ошо(л) и ушу(л), которые не требуются в комментариях, по этому ограничимся фактами: Ошол кучдон ушул кун - с тех пор и по сей день. Ошол эле бетте - на той же странице. Ошол эле жерде - на том самом месте. Ошол эле калды - Только это и осталось. Кийиз кимдики болсо, билек ошонуку (погов.) - чей войлок, того и руки. Ошо жилы жазында - Весной того года и др.

В этимологическом словаре Э.В.Севортяна, составленном на основе обширнейшей литературы,учитывающей достижения тюркологической науки высказана мысль о составности морфологической структуры местоимения ошол, ошал, оша, и ее мы разделяем полностью: "Ош - указательная частица "вот" (Буд. I, ДТС.) (то, о чем говорилось выше, что известно собеседнику - анафорическое местоимение)[7]: Ош муидаг кыл - Делай вот так (МК. I). Тогчын кун ош батар - Появившееся солнце вот заходит (МК.II). Олум тутты бардым келир ош сенде - смерть схватила (меня), и я отправился, вот придет (она) и к тебе (ОВИ)[8]. Как видно, усилительная частица ош , надо полагать, сначала присоединилась к словам без относительно имен и глаголов, по -видимому, в

---

6. Юдахин К.К. Ук. работа, с.585.

7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные), с.492.

8.Древнетюркский словарь, с.372. Местоимение ошбу переведено А.М. Щербаком в значении "вот этот", "ошул - "вот тот" что нам кажется более точным, чем этот содержится в ДТС. (см.А.М.Щербак.Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Туркестана, М.-Л., 1961,с.128.

дальнейшем развитии могла сочетаться только с местоимениями качестве препозитивной частицы с чем и было обусловлено в последствии стать его составной частью сложных указательных местоимений. Следы такого исторического процесса развития зафиксированы в языках средневековых письменных памятниках: ошбу - этот; шуңкарнуң аңагусы ошбу турур - это изображение ястреба (ЛОК.); ҡолда ошбу айғыр ат кезден йиту ҡачты кетти (ЛОК.) - в дороге этот жеребец исчез (ДТС7 372).

Как видно из приведенных примеров, а также из значения усилительной частицы ош киргизское местоимение ошол в соответствии со значениями своих компонентов, из которых оно сложилось (из ош + ол), в начале своего существования, вероятно, означало "вот тот". Но в дальнейшем развитии из семантической ее структуры выпал оттенок усиления, передоваемый прежде препозитивом ош в составе местоимения ошол . На современном этапе развития в последнем не чувствуется указанный его прежний оттенок, но тем неменее улавливается лишь его значение тот - о котором говорили раньше и который в пространственном отношении стоит дальше, чем обозначаемым ушу(л).

Таким образом, подитоживая всего выше изложенного можно резюмировать, что современное указательное местоимение типа киргизского ошо(л) (в других ошал, ошул , оша и т.п.) исторически сложилось из сочетания компонентов ош + ол[9] : из них

---

9. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка, с. 100. Наряду с таким расчленением имеется и другое типа.

ош - указательная частица (Э.В.Севортян), анафорическое местоимение (ДТС: 372) + ол (древнее указательное местоимение), что в целом не вызывает сомнение и такое толкование общепринято в тюркологии. При этом необходимо отметить, что элемент ош в составе местоимения ошол (и ушул и других) в литературе, посвященной к исследованию данного разряда лексики, остался и продолжает оставаться неъясненным. По этому в заключении этого подраздела нам хотелось бы попытаться проанализировать его на материале тюркских и монгольских языков.

Нам представляется, что указательная частица ош, участвующая в составе местоимения ошо(л), видимо исторически восходит к лексеме ол (тот, та, то). Обще известно, что чувашскому конечному сонорному звуку "л" соответствует в других тюркских языках глухой шумный, щелевой "ш". Например: чув. кел - зима, тюрк. кыш (то же самое);! чув. вал - тот, тюрк. ол, ошо(л) и др. Присутствие начального "в" в чувашском вал нас не должно смущать, так как тюркские некоторые слова с гласным началом соответствуют чувашскому с согласным началом: ср. тюрк. он - десять и чув. вун (то же самое) и многие другие. Чередование звуков "л" и "ш" спорадически встречается также и в тюркских и монгольских языках. Например: кирг. таанш - знакомый, ср. монг. таниш - знакомый, приятель; кирг. таш - камень, ср. монг. чулуу(н), туи-нань коло - то же самоеписьм. = монг. = лдс// =лдс (афф. глаголов взаимного залога), которий соответствует тюркскому =ш; письм. =монг. золгалду - встретиться друг с другом от золга - встретить; кирг. жолугуш (тоже самое)

Ю. П о п п е Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка, М.-Л., 1937, с. 142.

и многие другие, в которых чередование звуков л ш не вызывает сомнение. Научный интерес представляет и то, что чередование или соответствие выше указанных согласных звуков можно встретить между древних и современных тюркских языков. Для этого достаточно ~~и некоторых киргизских~~ как их сравнить древнетюркские йоккыш - уничтожить и современное киргизское йок кыл (то же самое): Ол сүг анта йоккышдымыз - То войско мы там уничтожили (КТ.32). үчегүн кабышып сүлелим аны йоккышалым - объединившись втроем, отправимся в поход и уничтожим его (Тон.21)[II] и др. Исходя из таких и подобных им звуковым чередований мы склонны допустить мысль, что указательная частица "ош" исторически и путем чередования звуков л ш произошла от функционально идентичного с ней местоимения "ол", имеющее также указательное значение "тот", реже как личное "он, она", т.е. ол ош. Такому историческому переходу способствовало и другое обстоятельство. А именно: известно, что язык в процессе своего развития всемерно старается избегать аналогичных формантов или лексем, часто приводящих к запутыванию в повседневной речевой практике. Для этой цели, нам думается, что от древнего указательного местоимения ол позже отпочковалась усилительная частица ош, так как в языке тюрков имелось потенциальная возможность переход звуков "л" в "ш" и наоборот весьма

II. М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 32, 34, ...

вероятно, унаследованный и тунгусо-маньчжурской группы, от общеалтайской семьи языков. По всей видимости, так была устранена длительность двух сонорных звуков "л" в составе "парно-повторного" слова ол + ол , в которых один из плавных звуков "л" на каком-то этапе развития средневековых тюркских языков изменился в глухой шумный "ш" и тем самым было обеспечено громкость произношения новообразованного звукового комплекса ош , с одной стороны, и возможность сочетаться его со своим первообразным корневым словом - источником ол : ол ош + ол ошол.

Правомерность возведения усилительной частицы ош к указательному местоимению ол, нам кажется, может быть подтверждена еще фактом самих тюркских языков, имеющим прямое отношение к затронутому вопросу. Дело в том, что в древнетюркском языке лексема бу кроме местоименного значения "этот" в парно-повторном употреблении выступало как усилительная частица: бу бу - вот этот, вот это (ДТС. 129; подр.см. подраздел указательное местоимение бул в настоящей работе). Следы такого усиления выраженногопарно-повторным способом, сохраняются по сей день. Например: кирг. кызыл=кызыл алма алып келди - букв.он принес красные красные яблоки, в которых парно-повторное слово означает значение много и к тому же перекрасных яблок. Все эти факты, нам кажется, в достаточной мере свидетельствуют возможной связи компонентов ош и ол участвующие в составе указательного местоимения ошол.

В связи с изложенным следует отметить, что новообразованная указательная частица ош не сразу стала участвовать в сос-

таве указательного местоимения "ол" в функции его препозитивной. Как показывают факты языка средневековых памятников, в начальном периоде своего появление оно имела широкое применение, и как препозитивная частица могла сочетаться также с другими местоимениями, существительными, употребляться даже при глаголе (примери см.выше). Но со временем она, т.е. ош , стала необъемлимой составной частью указательного местоимения ошо(л).

2. Ушу(л). Выше номере возможности мы подробно проанализировали указательное местоимение ошо(л), которое как по своем морфологической структуре, так и по семантике находится в родственной связи с местоимением ушу(л). Данное обстоятельство значительно облегчает задачу описания местоимения ушу(л), поэтому ограничимся лишь с некоторыми замечаниями, носящими исторического характера. С этой точки зрения прежде всего следует отметить, что местоимение ушу(л), также как его оппозиционная пара ошо(л), возникла значительно позже, в эпоху языка средневековых тюркских письменних памятников. Так как в предыдущем подразделе шла речь о региональном распространении и семантике этого местоимения, основное свое внимание мы сосредаточим на его морфологическую структуру.

Указательное местоимение ушу(л), как отмечалось выше, очень схожо с местоимением ошо(л) как по форме, так и по содержанию. Это свидетельствует о том что они образованы одним и тем же способом. Различия их состоят в огласовках гласных, а также и в оттенках значений. А именно: местоимение ошо(л) оз -

начает "тот, та, то" и употребляется "когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент не видим". В то время как местоимение ушу(л) означает "это" и употребляется при указании на предмет менее близкий, чем обозначаемый местоимением бул, бу, и менее далекий, чем обозначаемый местоимением ошол, ошо": ушул жерде - здесь. Ушул сөзүңө ким ишенет? - кто же поверит этим твоим словам? Ушунубуз - тот из нас или то наше. Калгыз барып, жоо сайган, же ушунун бекен балалык? (фольк.) - Разве то, что я отправился один и разил врагов, является ребячеством? [12]

Мы полагаем, что такими тонкостями в оттенках местоимения ошо(л) едва ли обладали в начале своего, возникновения. Выше отмеченные семантические различия, очевидно, результат дальнейшего их развития, и они появились из семантического соотношения, основанного на значения первых компонентов сложного местоимения ош + ол, уш + ол, в которых вариация гласных "о" и "у", или иногда как их называет внутренней флексцией, в сочетании с соседствующими согласными "ш" в виде ош - и уш - породила указанные различия в оттенках их значении в плане времени пространстве.

В киргизском языке вариация гласных звуков чаще всего проявляется в звукоподражательных и образных словах. В этом разряде лексики, как правильно отмечает Б.М.Юнусалиев, гласные фонемы употребляются для передачи силы звука. Из них гласные

---

12. Юдахин К.К. Ук. работа, с. 585,8 П.

заднего ряда "а" и "ы" указывают чаще всего на силу подражаемого звука; широкий, верхний подъем "а" употребляется при сильном и более или менее чистом звуке, узкий "ы" - при слабом звуке [13]. Это явление распространяется также и на образные слова, связанные со световым проявлением. Например, срав. таро, и, тыро (звукоподр.), жалт и жылт (образные слова) и т.п. Из этих слов таро и жалт, в которых употреблен гласный широкого подъема "а" означает сильный звук подражаемого явления и полное проявление вспышки, в то время как тыро и жылт, в которых участвует узкий "ы" означает слабый звук и вспышку с меньшим огнем.

Учитывая этих и подобных им фактов, охватывающих других подвидов лексики, нельзя ли рассматривать частицу уш, участвующую в составе местоимения ушул, как лексема возникшая путем вариации гласных звуков для обозначения того, что оппозиционно по значению с ош и ошол. Сравните: ошбу - вот этот и ушбу - именно этот; ошол - вот тот (который дальше) и ушул - именно тот, тот самый, вот это (который ближе). Нам кажется, между отмеченными двумя разрядами лексики есть какая-то общность очевидно, основанная на вариации гласных звуков.

Местоимение ушу(л), также как ошо(л), исторически состоит из морфологических элементов уш + ол, из них уш, также как ош, очевидно, является усилительной частицей, которая в свое время была определена еще Махмудом Кашгарским и служила для усиления какого-нибудь слова в высказывании. Частица уш в отличие отдругих частиц стоит перед словом, с которым она

---

13. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология, часть I (развитие корневых слов). Фрунзе, 1959, с. 165.

связана: Уш келдүүм бу - Я только что пришел (I,72). Уш ундат ким - Сделай именно так (I,72)[14]. Что касается элемента ол, то он исторически является указательным местоимением. Как видно из фактов, извлеченных "Из Дивани" Махмуда Кашгарского, препозитивное употребление усилительной местоименной частицы уш была предопределено за долго до слияния указательного местоимения ушу(л) и со временем она стала неотъемлемой частью последней тем самым заняло место в системе данного разряда лексики.

Сама же частица уш, также как частица ош, очевидно, исторически представляет собой фонетически измененную форму ул, отпочковавшуюся от древнейшего указательного местоимения ол, следы которой сохранены в лексемах уш (усилительная частица, см. выше) и улар (они) равно значные с частицей ош и формой множественного числа 3-го лица местоимения олар.

Конечный сонорный звук "л" в составе предполагаемого ул, очевидно, перешел в глухой шумный "ш" и образовалась усилительная частица уш, ставшая впоследствии составной частью указательного местоимения ушул : ул уш + ол ушул.

Примечательно то, что в "Древнетюркском словаре", охватывающим материалы УП-ХШ вв. отсутствует лексема ул, но за то

---

14. М а х м у д К а ш г а р и. Диван лугатит турк, I том, Ташкент, с.72; см. еще: Г.А. А б д у р а х м а н о в, Ш. Ш у к у р о в. Грамматический очерк староторкского языка XI века приложенный к Дивану лугатит турк, индекс - лугат, составленный Г.А б д у р а х м а н о в ы м и С.М у т а л л и б о в ы м, Ташкент, 1967, с.505.

зарегистрирована усилительная частица уш и его фразеологическое выражение ушбу идентичное с ошбу[15] (ДТС.617).

Данное обстоятельство заставляет нас думать, что не происходила ли частица уш путем внутренней флекции от усилительного препозитива ош восходящего в свою очередь к указательному местоимению ол. В последующей эпохе по всей видимости после XIII в., от последнего (т.е. от "ол" ?), вероятно, таким путем вариации гласных или внутренней флекции отпочковалось местоимение ул, из сочетания его с известным уже препозитивом уш, видимо, возникло слово ушу(л).

В заключении нам хотелось бы остановиться на то, что усилительные частицы уш и ош, участвовавшие в составе указательных местоимений ушу(л) и ошо(л), исчезли без следно или они удержались в структуре некоторых слов кроме в отмеченных местоимениях? На этот вопрос мы склонны ответить положительно, так как частицы, имевшие в свое время широкое распространение не могут быстро исчезнуть безследно. Есть основание полагать, что местоименные слова соотносимые с прилагательными такие как киргизские оноңдой(такой, этакий; так), ушундай(так; такой) образованы из сочетания ош, уш и анда : ош анда оноңдой,

---

15. Местоимения ушбу с усилительным значением было характерно также и староузбекскому языку: ушбу каганинц черичи ... кепкеп эрдилер эрди (Ун. 35-36) - Вот этого кагана было много войск (солдат).
Ушбу чанца кам бир кишн бир кишидан сорса (Ш. тар.34) - Если один спросит у другого именно в тот момент и др.(Г.Абдурахманов, Ш. Сукуров. Узбек тилинцг тарихий грамматикаси, с.97).

уи андаг уиуидай. Такому же способу обязаны также и слова мидай (так, такой) мидаг бу андаг, тигидей (такой, как тот) тигидег тиги андаг), тетигидей(такой, как вон тот) тетигидег тетиги андаг) и др.

Выше было отмечано, что в письменно-монгольском языке склонение указательного местоимения тере (тот) происходит от основы тегун[1], к которой присоединяются аффиксы косвенных падежей, и в связи этим было высказано мнение о том, что тюркские (киргизское) дейктическое местоимение тиги//тегe (последняя тот., башк. форма) берет свое начало от упомянутой монгольской склоненной основы.

Указательное местоимение те употребляемое в киргизском языке, так же как форма тее (вон, вон тот), в свете изучения фактов монгольских языков становится ясным, что оно также имеет общее с монгольским, хотя оно, те, в отличие от тее чаще всего функционирует в качестве усилительной частицы при указательного местоимения тиги; тетиги, тететиги = теетиги (примери и значения см. выше); из них лексема тее с долгими гласними "ее" исторически, также как тувинское дуу//дүү//тоо//тее (тот) образовано от тегe // тиги. Что касается киргизского указательного местоимения те с краткими гласним, употребляемое однократно или парно-повторно с целью усиления дальности видимого предмета, как показывают факты монгольских языков, отпочковалея от всеобщего монгольского местоимения те (тере). Об этом неопро-

---

1. см. П о п п е Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка, с. 82; О и ж е. Монгольской словарь Мукаддимат ал - адаб, с.77.

веркимо свидетельствуют следующие факты, зарегистрированные в монгольских языках, расположенных в КНР. Дело в том, что в монгорском, дунсянском и баоанском языках, развивавшихся вне связи с другими монгольскими языками и сохранившие в себе некоторые архаичные черты ... указательное местоимение (тэр) при всеобще монгольском тэрэ означает "тот" и оно выступает в качестве основы склонения для всех косвенных падежей, тогда как современном монгольском, бурятском, калмыцком языках наблюдается иная картина[1].

В монгольских языках, в частности письменно-монгольском указательные местоимения энэ - этот и тэрэ - тот подчиняются единому типу склонения: в именительном падеже энэ, тэрэ, но во всех косвенных падежах они имеют склоняемую основу эгүүн =, тэгүүн =. Проанализируя эти слова, профессор Г.Д.Санжеев пишет, что "само указательное местоимение в номинативе состоит из э + не. Таким образом, как будто бы сам собой вытекает вывод, что некогда в монгольских языках и диалектах первоначально образовалось два падежа: прямой с показателем =не, =на (почему в западномонгольской средневековой речи аккузатив наличествовал в виде энэни?) и косвенный с показателем =гүн, на основе которого (косвенного падежа) образовались после все падежи, кроме именительного"[1]. Из этой выдержки видно, что Г.Д.Санжеев допускает возможность в ранние времена существование две основы

---

1. Тодаева Б.Х. Баоанский язык, с.51.

1. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, том I, с. 154.

одна для номинатива, другая для косвенных падежей, которая не имела самостоятельного употребления в виде отдельного слова, но она, очевидно, всегда предшествовала аффиксальным элементам, выступая в качестве морфологической основы. Эта плодотворная идея Г.Д.Санжеева о существовании в монгольских языках двух падежа, кажется, применима также для тюркских языков по части раскрытия причины ряда несоответствий именительного падежа, т.е. номинативного употребления, с его основами в косвенных падежах в области местоимений или при нарушении его с аффиксальными элементами. Для этого достаточно сравнить следующие: бу ~ муи = // мин =: минда, миндан, минча (ср.-орх. бунча), минцай (древ. тюрк. мунцаг); ол ~ ан =: андан, анда, анда-санда, анча, андай, андистан, ана-мына; ошо ~ ошон: он ~ ондо, ошондон, ошончо, ошондустан, ошондой; тиги ~ тигин: тигинче, тигинчелик, тигинден, тигине, тигинде, тигиндей, тигиндеси и многие другие.

Из приведенных примеров видно, что на самом деле каждое местоименное слово имеет по две основы типа бу ~ муи = // мин =, ол ~ ан =, ошо ~ ошон =, ушу ~ ушун, тиги ~ тигин = из которых вторая пара этих слов служит морфологическими основами целого ряда производных лексем и словоформ. Отсюда следует вывод о том, что некогда в тюркских языках также как в монгольских, не существовали ли две основы одна для номинативного употребления, другая для косвенных падежей, кроме именительного, которая в известной мере послужила морфологической, так сказать, вторичной основой для производных слов местоименного порядка.

Возвращаясь к склоняемым основам, оканчивающим на =гуи в словах эгуи=, тегуи=, следует отметить, что морфологический элемент =гуи монголоведами признается морфемой с усилительным значением[1]. На основе этого можно сделать вывод, что элемент =ге // = ги в тюркском (киргизском, казахском, татарском) указательном местоимении тиги // теге исторически восходит к монгольской вероятно, усилительной частице =гуи, которая в дальнейшем развитии на почве тюркских языков составила неотъемлемую часть лексемы тиги // теге. В пользу идеи о том, что выше упомянутый элемент =ге // =ги является усилительной частицей говорит также диалектное выражение киргизского языка в котором морфема гу имеет то же самое значение:

мунагу - вот это, тегиногу - вон тот, оногу - вон тот (в таласском говоре кирг. языка) и др.

---

1. см. К о т в и ч В. Исследование по алтайским языкам, М., 1962, с. 150; Т о д а е в а Б.Х. Баошаньский язык, с.52.

УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ ТИГИ(Л)

В киргизском языке, как в тюркских языках Южной Сибири, имеется указательное местоимение тиги, которое означает "тот, вон тот; он, вон он" и употребляется когда речь идет о том, что или кого мы видим [16]; по своему значению он противоположен к местоимению ошо (тот, та то), которое употребляется когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент невидим, т.е. последнее приобретать анафорическое значение. Примеры на тиги: тиги жак - та сторона; тиги үй - вон тот дом; тиги жерде - там, вон там и др. Нам думается, что появление этого местоимения, видимо, связано с аналогичным с ним древним местоимением ол. После того как последнее перешло в разряд личных местоимений и ослаблен его прежнее указательное значение вероятно, на его место стало употребляться слово тиги с тем же указательным значением, вправда с некоторыми оттенками, отличающими от семантики местоимения ол.

Если по части существования местоимения ошол и ушул киргизский язык примыкает к тюркским языкам Средней Азии и Казахстана, то по наличию местоимения он составляет обобий регион вместе с Южно-Сибирскими тюркскими языками. В названной группе языков интересующее нас местоимение имеет следующие фор-

---

16. Д а х и н К.К. Указанная работа, с.731.

ми: кирг. как. тиги, тув. доо//дээ//дуу//дүү (тот, вон,тот), алт. ту//ту ол (вон тоо)[17]: кор, ту ол келип йат - смотри, вон он идет. Указанное местоимение, кроме, так сказать, енисейской группе тюркских языков имеется также и в башкирском и татарском в форме теге, но его нет в тюркских языках Средней Азии Казахстана, с которыми соседствует киргизский. Следовательно, если не принимать во внимание монгольского языка, то центром распространения этого местоимения приходится считать языки енисейскую группу тюркских языков, включая в ее состав и киргизский; что касается татарского и башкирского, то они, видимо, представляют зону затухания. Это этнографическое данное указывает также на миграционное направление отмеченного данного явления, которое идет с северо востока на запад, т.е. из Южной Сибири на Волгу через Центральный Тянь-шань.

В киргизском языке наряду с местоимением тиги к употребляется и форма его с исходом на "л" : тигил и она участвует во всех киргизских указательных местоимениях и употребляется на равне с их, так сказать, сокращенными формами и по значению нет семантического различия между бу - бул, ошо - ошол, ушу - ушул, тиги - тигил.

Примечательно то, что киргизское тиги, указывающее на

---

17. Б о с к а к о в Н.А. Очерк грамматики ойротского языка, приложенный в Ойротско-русском словаре, М., 1947, с.253.

предмет, который мы видим, может иметь при себе усилительные частицы, представляющие собой фонетически измененную форму или являющиеся сокращением звукового комплекса упомянутого местоимения. В таких случаях местоимение тиги вместе с усилительными частицами указывает на самый дальний предмет, который находится в обозрении говорящего: тиги - тетиги, тететиги, тээтиги. В последнем звукосочетание тээ с долгими гласными образовано от тиги и по этому признаку оно составляет общее с тувинским местоимением дээ//дее//дуу//дүү, имеющим в составе тоже долгие гласные. Примеры из киргизского языка:

Тө ойдо жайыгып жал - скот, пасущийся в той вон низине. Тээ алыста - Там вон далеко-далеко. Тээ Акчокуну ашып кетти - Они перевалили за тот вон (перевал) Акчоку. Тээ тиги - Вон тот. Тээ тиги жерде - Вон там. Тетиги үйдө - Вон в том доме; тети/-гинде - вон там; тетеңиги (или тете бериги) - вон - вот тот и многие другие. В приведенных примерах тээ, те, а также и тете в тетеңиги все они восходит к местоимению тиги, из них последнее, т.е. тете в тетеңиги является парно-повторной формой первого слога анализируемого местоимения. Данное обстоятельство интересно тем, что оно указывает на возможность образования сложного местоимения из повторения того же компонента из которого состоит первообразное местоимение. Этот факт, нам кажется, подтверждает также вероятность происхождения местоимения ошол и ушул от основного те их компонента ол путем повторения последнего, который при отложении подвергся к частичному фонетическому изменению.

Вышеназванное тюркское местоимение (т.е. тиги) монгольского происхождения. Дело в том, что значение "тот" в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийском)[18] передается указательным местоимением тар, в письменно-монгольском - тере. По последнее для косвенных падежей имеет суплетивную, склоняемую основу, тегүүн-,[19] которая, видимо, была воспринята тюрками в форме тиги (кирг., хак., шор.), дее(тув.), ту (алт.) в зависимости от фонетической особенности каждого конкретного языка в отдельности. Следовательно, тюрками было заимствовано не самое монгольское местоимение (т.е. тере), а его склоняемая основа[20], но тем не менее все они имеют общеалтайский характер языка. Наличие местоимения в киргизском языке, по всей вероятности, хронологически относится к до тяньшанскому его периода, когда еще киргизы находились на одной территории с предками алтайцев, тувинцев, хакасов или имели с ними тесные контакты.

В заключении отметим, что происхождение регионального тюркского слова тиги//теги от склоняемой основы тегүүн- монгольского указательного местоимения тере, нам кажется, в достаточной мере подтверждает правомерность нашего предположения относительно происхождения тюркского местоимений бен, сен от склоняемой основы типа бене, чене(бесписьменная форма

---

18. Константинова О.К. Эвенкийский язык, М.-Л., 1964, с. 132.

19. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка, с. 82, 77.

20. см. еще: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка, с. 131-132.

род. падежа от бе - я, че - ты), в которых на почве древних тюркских языков произошло изменение на границе корня и предшего аффикса (см. еще раздел "личные местоимения").

Киргизские указательные местоимения не ограничиваются с выше рассматренными. В нем еще имеется лексема береги (//береки) и означает "этот, вот этот": береги бала - вот этот ребенок; бериндже - вот здесь, вот сюда поближе и др.

Названное местоимение, также как остальные, входящие эту группу разряда лексики, может иметь при себя местоименную усилительную частицу тээ или тете о составе которых мы останавливались в предыдущем подразделе. Местоимение береги в сочетании с указанными частицами указывает на дальний предмет который виден говорящему. В таких случаях значение местоимения значительно усиливается: тээ береги // тете береги - вон тот; тээберегн//тээберекн - вон тот; тээберегн керугнеи анамдин эшигн(фольк.) - вон то, что видиется, это дверь моего батюшки. Тээберегн туу жондо келе жаткан кишн, бастырганина карагандда Аскарбек Табаев болсо керек - Вон всадник, который едит по самым гребне горы, судя по манерам езди, кажется он Аскарбек Табаев и др.

Рассматриваемое местоимение по значению близко к лексеме тигн, то и другое указывает на дальний предмет, который находится в полезрении, обозрении говорящего: тээберегн почти идентично по словам тетигн//тээтигн.

Местоимение береги, прилагательное берки (находящийся по эту сторону, ближе сюда), вероятно, оба имеют этимологическую связь с наречием бери - сюда, а последнее в свою оче-

редь с лексемой бу(это). Общность этих слов обнаруживается в семантической близости и структурном сходстве: бу, бе=; возможно, такое образование:

бу бе= + ри бери + ки берии,

бет бе + т, ср. ары + кы арыы;

бери + рак + ы берирэги береги (в перед последнем для краткости произношения, вероятно, выпал один из схожих звуковых сочетаний "ри", "ре").

После выяснения исторического положения элемента =гу, =эгу остается только констатировать, что морфема =ги, =эги, участвующая в составе указательного местоимения бэрэги (разг. берегу), тээбереги, тетереги // тетерегу, мунэгу, оногу и т.п. суть одно и то же , в начале своего существования, вероятно, она выступала в роли усилителя, уточнителя, но затем, в дальнейшем своем развитии, этот оттенок стерлось, а сама сохранилась в морфологической структуре указанных киргизских местоимений.

На основе определения морфологического элемента =гу, =эгу киргизское местоимение береги можно расчленить на составные части следующим образом:

бе - ре - ги бе бу? ; =ре =ра // =рэ -

аффикс древнего направительного падежа, ср. а - ры (туда, дальше), бе - ри(сюда); древ. т. ташра - в наружу; =ги =гун (монгольская усилительная морфема, участвующая в составе склоняемой основы; см. выше).

К вопросу алтайской теории

I. „Нанайский язык... относится к тунгусо-маньчжурской семье языков, которая, в свою очередь, по ряду признаков должна быть включена вместе с монгольскими и тюркскими языками в более обширную семью алтайских языков. В этой языковой общности, если иметь в виду не типологические, а материальные соответствия, тунгусо-маньчжурские языки, а среди них особенно маньчжурский, ближе стоят к монгольским языкам, чем к тюркским. Впрочем, вопрос о генетическом родстве всех так называемых „алтайских" языков до сих пор не получил в науке окончательного решения[1]" (В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, том первый, М.–Л., 1959, стр. 3. предисловие).

Ч. Айтматов атындагы тил жана адабият институту
Кол жазмалар фондусу
Инв. № 5327
Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясы Кыргызгтардык жана экономикалык илимдер бөлүмү

Стр. нояб. нояб., а до 1936 г. дефис его называли гонтц) ерин или ко) звери.
(языком)

1. Родство так называемых алтайских языков является очень серьезной гипотезой, которая в настоящее время всеми нами принята, но она все же имеет значимость только гипотезы, которая до сих пор полно еще не доказана. Большинство дано, что даже после

появления в свет ценной посмертной работы Г. И. Рамстедта (см. наш. работы) мы все не имеем родство алтайских языков считать безусловно доказанным в соответствии с научно обоснованными фактами, так, как доказано, например, родство финно-угорских языков или родство этих языков с самодийскими" (Л. Лигети. Рецензия на книгу Г. Д. Санжеева. жур. Вопр. языкознания, 1955, № 5. стр. 134).

× × ×

территория

Расселение нанай на обширной территории, охватывающей в пределах СССР Нанайский, Комсомольский, Кур-Урмийский районы Хабаровского края и Пожарский район Амурского края.

Территория расселения нанайцев граничит с территориями других родственных народностей: эвенков (на западе и северо-западе), негидальцев (на севере), ульчей (на северо-востоке), орочей (на востоке), удэ (на юго-востоке). (Краткий нанайско-русский словарь, стр. 5.); нанай < на най — земля человек, т. е. местный человек стр. 8 Ч. (Грамм.).

II. «Эвенкийский язык по принятой классификации относится к северной подгруппе тунгусо-маньчжурской группы языков. Эта подгруппа объединяет языки эвенков, негидальцев, эвенов и солонов с онкоралы. В тунгусскую подгруппу входят языки нанайцев, ульчей, ороков, орочей, удэ и маньчжуров. Тунгусо-маньчжурские языки близки монгольским и тюркским, с которыми они объединяются в одну семью алтайских языков»
(Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь, М., 1958, стр. 643, Грамматический очерк эвенкийского языка).

x x x

2 Граница тайги, в которой расселены эвенки, на западе доходит до обь-Енисейского водораздела, на востоке – до тихоокеанского побережья, включая северные районы Сахалина. На севере граница проходит по водоразделу между реками, впадающими в моря Северного океана и реками, впадающими в Нижнюю Тунгуску... На юге она проходит по водоразделу между Ангарой и реками Подкаменной Тунгуской и Нижней Тунгуской, включая верховья реки Чуны, северное Прибайкалье... (там же, стр. 641.).

См. на обороте *)

эвенкийских говоров по бассейнам притоков Амура и названиям под названиями Солонов и онкоралы.

* В настоящее время в колхозах, находящихся на окраинах расселения эвенков, последние живут вместе с представителями инородческих народов:

— в Туруханском и Эвенкийском районах Красноярского края — с селькупами, кетами, ненцами;

— в Таймырском (Долгано-ненецком) национальном округе Красноярского края — с долганами, якутами и нганасанами;

— в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской области — с хантами и селькупами;

— в Якутии — с якутами;

— в Бурят-Монголии — с бурятами;

— в Нижнем Приамурье — с нанайцами, с удэ (по реке Кур, притоку Нижней Тунгуски), с ороками (по реке Умнин, с эвенами и якутами в Аяно-Майском районе Хабаровского края, в Верхнем Приамурье — с монголами, на Сахалине — с якутами и ороками, и всюду — с русскими. Таким образом, почти все эвенки двуязычны, а многие из них и трехязычны. (Там же, словарь, стр. 643–644.)

XXX

X X
X

Н. М. Мелиоранский о гипотезе урало-алтайской общности предостерегает от поспешных заключений о генетической общности урало-алтайской семьи языков. Н. М. Мелиоранский призывал к тщательному изучению фактического материала, к составлению частных сравнительно-исторических грамматик, к изучению чувашского и якутского языков, рано обособившихся от остальной семьи языков (Кононов. Н. А. Н. М. Мелиоранский и отечественная тюркология, журн. Советская тюркология, вып. 1, 1970, стр. 22).

X X
X

об алтайской теории см. статью Баскакова Советская тюркология, вып. 1, 70 гг.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ УЧЕНЫХ О ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КИРГИЗОВ

"История киргизской ССР", т.I, Фрунзе

Во второй половине XIX в. мектебы на территории Киргизии развивались в большей мере, чем в первой... Ввиду того, что у киргизов-кочевников мектебы обычно помещались в юртах, учебная администрация Туркестанского края затруднялась определить количество этих "передвижных мектебов". Например, начальник Иссык-Кульского уезда Семиреченской области 8 июня 1876г. сообщал главному инспектору училищ Туркестанского округа: "Частных местных школ в уезде 12, из них 3 калмыцких и 9 киргизских... Всех учащихся в этих школах - 131 мальчик..." Более подробные сведения о мектебах имеются по кочевым волостям Пишпекского и Пржевальского уездов на I января 1913г. Так, например, в 21 чисто киргизской кочевой волости Пишпекского уезда с населением 109200 человек было 59 мектебов с 1182 мальчиками и 131 девочкой, так что в среднем на каждую волость с населением 5200 человек приходилось менее трех мектебов с 22 учащимися в каждом. В 28 волостях Пржевальского уезда с населением 104000 человек имелось 128 мектебов с 2276 мальчиками и 42 девочками; в среднем на каждую волость с населением 4000 человек приходилось менее чем по 5 мектебов с 18 учащимися в каждом. Наиболее организованные мектебы на территории Киргизии были преимущественно в оседлых поселениях. Большинство таких мектебов было на юге Киргизии, там, где преобладало узбекское население, и на севере ее, в городах Токмаке, Пишпеке, Пржевальске, где проживали определенные группы местного оседлого населения (татары, узбеки, уйгуры, дунгане и отчасти киргизы). По данным 1914г. только на юге Киргизии, в Ошском уезде, насчитывалось 229 мектебов с

3170 учащимися (в том числе женских-33 с 511 ученицами). /Стр. 550,551/.

Окончившие мектебы умели лишь механически читать те книги, по которым учились, и выводить буквы или списывать с оригинала... отдельные одаренные мальчики, неплохо усвоившие арабский алфавит, тайком от муллы пытались изложить с его помощью свои простые мысли приспособить его к киргизскому языку, так как муллы запрещали писать "вольные слова".(стр.552)

В начале XX в. (в 1901-1902гг.) на территории Киргизии, в городах Пишпеке, Токмаке и Пржевальске, появились первые новометодные школы. В этих школах были введены в курс обучения общеобразовательные предметы. Организаторами и первыми учителями этих школ являлись представители татарской интеллигенции, и обучение в них велось в основном на татарском языке. В 1908г. в новометодном мектебе "Экбаль" ("Прогресс") в г.Токмаке обучалось: татар - 36, узбеков - 30, дунган - 9, кашкарцев - 5, киргизов - 200... Мектеб "Экбаль" постепенно сделался как бы центром подготовки учителей для школ всей Северной Киргизии. Отсюда и отправлялись некоторые учащиеся на курсы повышения и в высшие медресе Казани и Уфы. (стр.556)

В Пишпеке при татарской мечети существовала мужская новометодная школа, в которой новый метод был введен с 1902г. В 1912-1914гг. здесь обучалось 120 человек, 30 из них - татары, а остальные 90 - узбеки и киргизы. Обучение на всех отделениях велось на татарском языке...

В женской новометодной школе г.Пишпека в 1912-1914гг. училось 70 девушек (50 из которых были татарки и 20 - киргизки)...

Татарский мужской мектеб при татарской мечети в г.Пржевальске перешел на новый метод обучения с 1901г. В 1914г. в нем обучалось 77 татарских, 28 киргизских и сартказлыцких, 24 дунганских и узбекских мальчика.

В январе 1909г. в Пржевальске был открыт новометодный мектеб мусульманского просветительного и благотворительного общества. Здесь обучалось бесплатно 30 человек - дети бедных людей и сироты которые жили при школе в интернате, организованном на средства общества. Учителями этой школы были киргизы Тюпской волости Осмонбек Минкеев, Бектемир Чемчин, окончившие курс в Пржевальском татарском мектебе. Учебники выписывали из Казани. (стр.556).

Новометодные школы в гуще киргизского населения открываются несколько позднее. Так, например, в 1909г. в Чон-Кемине открылась новометодная школа, называвшаяся "Шабдания" (в помещении, построенном сыном манапа Шабдана Самудином). В мектебе "Шабдания" училось более 150 человек из Кемина, а также из Кочкорки, Джумгала и Чуйской долины. В этой школы учились сын Исак Шайбеков, ныне заслуженный учитель и пенсионер Абдраим Чункелеев, старейший учитель, ныне покойный Доолетканы Калдибеков и др. Учебные принадлежности для мектеба "Шабдания" выписывались из Казани и Оренбурга.

В 1912г. открылся мектеб манапа Канаата в верхней части Кочкорской долины. В этом мектебе учились дети киргизов ближайших волостей. Обучением велось учителями-киргизами по новому методу.

В новометодном мектебе манапа Калпа ажы в Куртке на Нарыне в 1914г. училось около 30 киргизских мальчиков, в большинстве своем это были сыновья состоятельных людей, а также некоторые дети бедняков: в их числе были Абдылда Арапбаев - ныне засл.учи-

тель, А.Чоробаев - ныне народный акын (стр.557).

В мектебе в местности Туура-Суу Тонской волости, инициатором организации которого являлся манап Сагаалы, обучение велось также по новому методу. Учителем здесь работал Эшеналы Арабаев, получивший образование в медресе Казани и Уфы.

Новометодные мектебы открывались и в других местах Киргизии.

Как мы видим, новометодные мектебы в Киргизии получили довольно значительное распространение перед самой Октябрьской революцией... Новометодные школы по методу обучения детей грамоте стояли гораздо выше старометодных. В них детей учили читать, писать, считать, давая наряду с религиозным воспитанием сведения по истории и географии отдельных стран. (стр.557-558).

Перед Октябрьской революцией на территории современной Киргизии существовало 16 русско-туземных школ. В них обучалось около 750 человек, из них 670 - дети метного населения, в том числе 614 мальчиков и 56 девочек (стр.562).

Все эти факты говорят о том, что до революции среди киргизов были грамотные люди.

К.К.Юдахин. Киргизский язык. В кн."Киргизско-русский словарь", М., 1940.

"До Октябрьской социалистической революции грамотные киргизы (а их было немного) пользовались крайне слабо приспособленным к киргизскому языку арабским алфавитом и писали, подражая образцам, так называемого, чагатайского (древнеузбекского) языка. От этого периода до нас дошли три книги.

В первые годы революции языком преподавания в школах и языком

письменности были татарский и казахский (в Северной Киргизии) или татарский и узбекский (в Южной Киргизии). Только с 1923г. появляются первые учебники на киргизском языке и киргизский язык начинает занимать свое место в киргизской школе и в официальной переписке (стр.6).

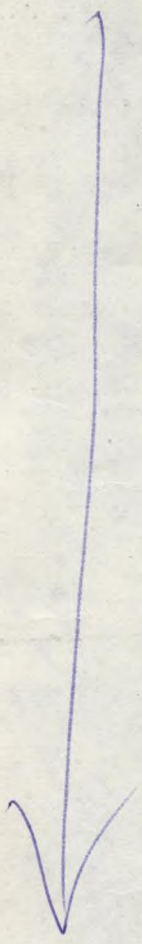
Д.Ш.Шукуров. Из истории киргизского языка. "Труды Института языка, литературы и истории", вып.Ш, Фрунзе, 1952.

Дж.Ш.Шукуров в Центральном историческом архиве Казахской ССР (г.Алма-Ата) нашел три документа. Автор, анализируя текст этих документов, отмечает: "...документ написан на староузбекском письменном языке. Так мог написать и узбек, и уйгур, и каракалпак, и туркмен, и казах, и киргиз. Ответ(или намек на него) могут дать нам только детали. Обратимся к ним.

I) В тексте есть явно киргизская поговорка - Бак ниц ози чолде болс да кози колд . Среди узбекских и уйгурских поговорок подобной не встречается. 2) В этой поговорке встречается союз да вместо м. 3) Глагол кыйыкла в значении "притеснять", "обижать" в узбекском, уйгурском языках отсутствует. 4) Необычно для узбекского языка оформление кимсине (кимисине) вместо кимисиге. 5) В другой фразе имеется слово йосин (жоосун). Ни в одном из среднеазиатско-тюркских языков, кроме киргизского, слово "враг" не имеет этой формы: узб. йаги, уйг. йеги. Это слово в форме жоосун возможно только для киргиз (стр.70, 71).

Исходя из подобных языковых фактов, автор делает вывод, что первые два документа написаны киргизом (1854 и 1861-1862гг.); третий документ по языку и орфографии представляет из себя турецко-татарско-киргизскую смесь, а писцом был татарин (стр.70-72).

"Таким образом,- пишет автор,- на основании документальных данных мы можем установить наличие переписки киргизов уже в 1854, а к 1861-1862гг. можем отнести документ, написанный киргизом". (стр.72).

И.А.Батманов. Киргизский язык и письменность до образования киргизской нации. В кн. "Формирование и развитие киргизской социалистической нации", Фрунзе, 1957 г.

I. "Своеобразные исторические условия, в которых находился киргизский народ накануне Великой Октябрьской социалистической революции, наложил свой отпечаток на процесс развития киргизской письменности и на соотношение языка этой письменности и народно-разговорной речи.

Говоря о письменности киргизского народа, многие авторы вкладывают в этот термин различные значения. Одни под наличием у киргизов письменности в дооктябрьский период разумеют использование в практических целях того или иного алфавита, наличие представления о письме и (правда, весьма небольшого числа) грамотных лиц среди киргизов.

Другие под письменностью понимают такой письменный язык, который должен был отражать особенности народно-разговорной речи.

Различное значение, вкладываемое в понятие киргизской письменности, приводило к противоречивым утверждениям о времени ее возникновения. Киргизы до Октябрьской революции пользовались буквенным письмом, имели письменность, но такую, которая не отражала существенных особенностей их языка.

Необходимо четко разграничить два понятия: письменность и письм нный язык, или, иначе, письменность и ее язык. Известно, например, что арабы, иранцы и тюркские народы пользовались, а арабы и иранцы пользуются и теперь арабским алфавитом, но язык их письменности различен.

Памятники письма, принадлежащие киргизам и относящиеся к периоду с IX по XIX в., еще не найдены, но мы не сомневаемся в том, что со временем они найдутся.

Наиболее ранние материалы, свидетельствующие о том, что киргизы пользовались буквенным письмом в период образования киргизской народности, относятся к середине XIX в. Это были документы, составленные в 1854 и 1862 гг.

Они были написаны арабским алфавитом. Язык документов "староузбекский", но отдельные слова и грамматические формы в текстах говорят о том, что писали их киргизы или лица, говорившие по-киргизски[I]. Необходимо отметить, что эти документы были изложены не на киргизском языке.

I. Об этом см. Д. Шукуров. Из истории киргизского языка. "Труды ИЯЛИ КирФАН СССР", вып. П. Фрунзе, 1952 г.

Впрочем, это отнюдь не является доказательством того, что среди киргизов не было грамотных людей, т.е. что они не владели письменностью.

Тот или иной народ, не имевший оформленного литературного языка, мог пользоваться для практических целей какой-либо системой письменности. Вероятно, так обстояло дело у киргизов в XIX веке; оформившегося письменного киргизского языка, судя по известным пока (но, конечно, весьма неполным!) материалам, тогда не было, киргизы писали деловые бумаги на узбекском или татарском языках, но среди киргизов было некоторое число лиц, владевших арабской грамотой, следовательно, грамотных людей.

Сведения о наличии среди киргизов людей, пользовавшихся арабским алфавитом, простираются до 60-х годов XIX в., но арабский алфавит среди киргизов был распространен и значительно раньше. В указанный период киргизы учились грамоте у узбеков и (позже) у татар. Впоследствии среди киргизов увеличилось число учителей, обучавших детей и юношей грамоте. Вероятно, усиленное распространение арабского алфавита на территории Киргизии было связано с завоеванием ее кокандским ханом и усилившимся насаждением в связи с этим ислама среди киргизов.

И все же число грамотных лиц составляло незначительный процент к общему числу населения. Даже в XX веке, накануне Октябрьской революции, из местного населения было около 2 % грамотных.

Обучение грамоте первоначально связывалось с овладением догматами мусульманской религии, чтением корана. В этом процессе

совмещалось светское и начальное духовное образование. В одних случаях лица, получившие такую подготовку, становились служителями культа, в других случаях оставались лишь грамотеями, использовавшими письмо в практических целях; наконец, были и такие, которые совмещали деятельность ревнителей ислама со светской деятельностью, движимой религиозными представлениями. Поэтому и духовные лица, муллы, и грамотеи назывались одним именем "молдо" (мулла).

Еще в XIX в., как отмечали Н.Ильминский[1] и П. Мелиоранский казахские муллы (молдо) старались писать на испорченном языке, засоренном арабизмами, персизмами, малопонятным народу.

Об этом писал П.М.Мелиоранский (называя тогда казахов киргизами):

"Грамотность и письменность между киргизами развита еще очень мало. Для писем киргизы употребляют арабский алфавит, которым с давнего времени пользуются их учителя / - татары и бухарцы. Как мы увидим ниже, арабский алфавит мало пригоден для изображения звуков, входящих в состав тюркских наречий; поэтому и киргизская речь не может быть достаточно точно изображена арабскими буквами. Кроме того, киргизы учились и учатся грамоте у татар, которые внушают им, что их язык есть язык испорченный, нечистый (на норму при этом принимается нередко даже и не татарский, а османский или джагатайский язык), и учат их стараться "украшать" свой "бедный" язык словами, заимствованными из священного языка арабского или персидского. Вследствие этих -то

---

1. Н.Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. "Ученые записки Казанского Университета", 1861, стр.147

причин киргизские "молды" (муллы) и грамотеи начинают писать уже действительно "испорченным" и "нечистым" киргизским языком, который часто становится даже малопонятным их "необразованным" соплеменникам. Мы видим, таким образом, что письменный киргизский язык значительно отличается от разговорного"[I].

Эта тенденция несколько позже нашла свое выражение и в Киргизии. (стр. 56-59)

2. "Незначительное число грамотных людей среди киргизов, пользуясь арабским алфавитом, могло писать на киргизском языке (по своему произношению) только частные документы, личные заметки, стихи, которые распространялись лишь в рукописном виде, а это приводило к тому, что - круг их читателей был сужен, и они не могли иметь широкого распространения. (стр. 60.)

Х.К.КАРАСАЕВ. Кыргыз орфографиясынын тарыхынан. В сб. "Тюркологические исследования", Фрунзе, 1970 г.

I. "Кыргыз эли араб тамгасын колдоно баштаган мезгилден тартып, Октябрь революциясына чейин кол менен жазылган официалдуу документтерди, адабий чыгармалардын кол жазмаларын калтыргандыгы жана бир нече китепче чыгарылгандыгы кептен бери эле коомчулукка белгилүү. Жыл сайын улам жаңы кол жазмалар табылып жатканындыгы кийинки мезгилдерде басма беттеринде кебүрөөк айтыла турган болду" (73-бет).

2. "Ырас, мындан 100-150 жыл илгери араб тамгасын кыргыздар өзүнүн тилинин тыбыш өзгөчөлүгүнө ылайыктай албагандыгы, коңшулаш жашаган башка түрк элдеринин орфографиясын ээрчип жазгандыгы белгилүү, анткени кыргыздын уруулары бир гана эл менен эмес, бир нече эл менен экономикалык байланышта болгон, араб тамгасын окуган алгачкы бирин-серин адамдар ошол коңшу элдин тилинде окуп, ошол элдин тилинде түзүлгөн китеп менен сабатсыздыгын жойгондугунда талаш жок. Бирок, ошондой болсо да, өзүнүн колу менен жазган документтерде жана адабий чыгармаларда өз эне тилинин өзгөчөлүгүн киргизбей койгон да эмес. Мындайлар "Чагатай тилинде жазылган" деген документтерден ачык эле көрүнүп турат" (74-бет) Мындан кийин автор араб алфавити менен падыша өкмөтүнө жазылган каттардын биринен, Молдо Нияздын кол жазмасынан айрым үзүндүлөрдү келтирип, аның тилине талдоо жүргүзүп, аларда кыргыз тилине гана тиешелүү сөздөр, сингармонизм жана тыбыштардын ээрчишүү закондору (түзүү, сырдаш, руу (уруу ж.б.) кездешерин айтып келип: "Демек", бул келтирилген фактылардан Россия өкмөтүнө жазган каттарды кыргыздын өз адамдары жазгандыгы жана кыргыз тилинде жазылгандыгы талашсыз", - деген корутундуга келет. /75,76-беттер./

Б.М.Юнусалиев. Отражение диалектных особенностей в сапетах Молдо Нияза. В сб."Тюркологические исследования", Фрунзе, 1970г.

По рассказам свидетелей, Молдо Нияз ырчы родился в долине р.Шаймардан в 20-х годах XIX столетия - умер,примерно,в 1896г.

I. Дореволюционные киргизские письменники, в том числе и Молдо Нияз, пользовались арабским алфавитом. Распространение арабского алфавита сопровождалось проникновением мусульманской религии, так как грамоте детей обучали прежде всего для того, чтобы они могли читать религиозные книги (например, "Коран" на староарабском языке) /стр.50/.

2. Известно, что до революции родные языки среднеазиатских народов не преподавались в школах. Тот, кто учился в мектебах, где весь процесс обучения сводился к заучиванию начертания и произношения арабских букв и слов, а затем заучиванию текстов религиозных и правоучительных книг на арабском и персидском языках, считался грамотным (киргизы таких людей называли молдо...). Такой молдо (грамотей), научившийся арабской письменности, сам, без чьей-либо помощи, применял арабский алфавит для письма и чтения на родном языке. Так поступали в течение многих веков все народы Средней Азии, в том числе и киргизы. Однако многие среднеазиатские письменники в написании арабо-иранских заимствований ориентировались главным образом на орфографические нормы арабского и персидского литературных языков, а в правописании других слов и отчасти грамматических форм находились под влиянием вековых тради-

ций книжного "чагатайского" (литературного) языка, полностью не совпадающего ни с одним из живых тюркских языков.

В орфографических приемах Молдо Нияза также видны эти влияния... (стр.53).

3. Несмотря на довольно сильное влияние книжного чагатайского а также изучавшихся в школе арабского и персидского языка, язык исследуемой рукописи в целом характеризуется общекиргизскими и диалектными чертами в фонетике, грамматике и лексике. Любой, кто умеет правильно читать текст и знаком с современными данными киргизских диалектов, без труда заметит, что памятник написан живым разговорным киргизским языком (стр.56).

Для подтверждения этого положения проф.Б.М.Юнусалиев приводит из рукописи ряд общекиргизских признаков в области фонетики, морфологии, лексики (стр.56-71).

В конце своей статьи автор пишет: "На основании изложенного выше фактического материала можно прийти к следующим общим выводам:

I. Санаты Молло Нияза написаны на киргизском языке с отражением фонетических, морфологических и лексических особенностей юго-западного (ичкилийского) диалекта.

2. Изучаемая рукопись является еще одним подтверждением наличия письменных памятников киргизского народа в XIX в. (стр.72).

В.М.Плоских, С.К.Кудайбергенов. Ранние киргизские письменные документы. "Известия АН Киргизской ССР", № 4, I968, Фрунзе

В данной статье с лингвистической стороны рассматриваются три документа: письма киргизских биев племени бугу западно-сибир-

ским властям, датированные августом 1825 года.

Авторы статьи пишут: Все три документа написаны не без влияния среднеазиатского литературного языка (т.е. "чагатайского"). Наличие у помянутых документах характерных черт староузбекского или уйгурского языков объясняется тем, что тюркские народы "не только приняли арабский алфавит, но и подражали с рабской точности учителям своим..." (В.В.Радлов). Некоторые фонетические особенности указанных языков могли быть восприняты киргизскими писцами от своих узбекских или уйгурских учителей-мулл. Далее авторы статьи, анализируя текст писем, выделили фонетические и грамматические особенности, характерные для киргизского языка. Например, 1) в начале слова наряду с буквой й встречается и ж: "арык элинин йакты бийлери жыйылыб окудук". 2) Падежные окончания после аффикса принадлежности третьего лица оформлены по нормам киргизского языка: "кийтыб чыгышында" (вместо "чигишида"), "аларын тамгаларын" (вместо "тамгаларни"). 3) Причастие настоящее-будущего времени также оформлено по нормам киргизского языка: "Аксув, Турпан, Кашкарга бара турган болсо" (вместо "боредиган") и т.д.

Исходя из подобных языковых фактов, авторы статьи пишут: Как видно из документа, писец, как бы он ни придерживался установленных канонов среднеазиатского литературного языка и ни подражал своим учителям, все же в тексте использует элементы родного, киргизского языка. На основании приведенных данных мы склонны считать что и этот документ написан киргизом. (стр.81-82).

А.Алтмышбаев. Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними, Фрунзе, 1958.

"В дореволюционной Киргизии не было письменности в прямом

смысле слова, не было ни одного печатного органа. В настоящее время в республике издается 89 газет, 29 журналов. В 1956 году в Киргизии было издано 539 книг с общим тиражом 3165 тысяч экземпляров (стр.70).

см. еще: 1) К.К. Юдахин. Киргизско-рус. словарь, новое издание

2) Юлских ....

Ап. ком. 200, II здание.

Литература

для курсовых работ студентов II курса дневного отделения

I. Араб-иран филологиясы кыргыз сөздөр (Абдулаев Ч.)

1. К. К. Юдахин. Кыргызско-русский словарь (новое издание).
2. Б. Юнусалиев. Кыргызская лексикология, часть 1, 1959, 219-230-бет.
3. Б. Орузбаева. Кыргыз адабий тилинин негизги этапы жана негизги жанрлары, 1968, 40-51-бет
4. С. Кудайбергенов. Иран филологиясы кыргыз мектептеринде, Ленинчил газетасы, 26/III 1963.
5. Акылбекова З. об арабских заимствованиях в кыргызском языке, сб. Материалы по общей тюркологии и дунганскому языку, Фрунзе, 1964.
6. С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке, М. 1945.
7. Г. Мусабаев. Современный казахский язык, Алма-Ата, 1959.

x x
x

II. Көтөү дилинин адабий нормасы жөнүндө (Абилов).

1. А.А. Юлдашев. Вопросы формирования единых норм башкирского национального языка, Труды Института языкознания, том X, 1960.

2. О норме казахского языка.

3. О норме уйгурского лит. языка, Культура речи, М., 19

III. Көтөү дилиндеги одуочбуктук =ган формасы (Абдукаипов)

1. Д.С. Усенбаев. Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке, Автореферат канд. диссертации, М. 1954.

2. С.Н. Иванов. Синтаксические функции формы на =ган в современном узбекском лит. языке. Л., 1957, Автореферат канд.

3. С. Кудайбергенов. Автобиография жана көптөгөн адамдар, „Мугалимдер жөнүндө жомоктор", 1956, №3.

4. Мусаев К.К. О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1956.

5. Мусаев К.К. О глагольно-именных формах на -ган, -ген ..... , Известия АН КазССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, вып. 1 (6).

6. Мусаев К. Форма на -ган в современном казахском языке (к вопросу о грамматических омонимах), Изв. АН КазССР, серия филологии и искусствоведения, 1961, вып. 1 (17).

7. Грамматики тюркских языков (Дмитриев, Гаджиев, Кононов и др.). см. еще:

8. Көптөгөн бишкин грамматикасы, морфология, тогузунчу класс үчүн (автограф).

9. Мусаралиев М. Көптөгөн бишкин грамматикасы. изв. АН. Кирг.,

К спряжению

По енисейским памятникам.

Еще в енисейский период получили оформление две группы формантов для спряжения сказуемого.

Во-первых, к именам, глагольно-именным формам и, если судить по косвенным данным, к условной форме на = сар присоединялись личные местоимения. Это - весьма древний прием - еще одно наглядное подтверждение того, что многие аффиксы спряжения произошли из личных местоимений - Ларр.

Учин Кулуг Тюрюг бен (3) - Я Учин Кюлюг Тюрюг.

Как видно из судженского памятника (N 47, из Минусинска), вместо „бен" могло присоединяться и „мен": Кыргыз олгы мен - Я сын кыргыз = я киргиз (это - диалектная черта). Биклямаз биз (32) - мы не возвышаемся.

Вместе с этим, в архаических текстах встречаются и = мыз, = миз вместо = биз: барбырмыз - мы идем т. п. Это образование имеет аффиксальный характер.

Билчрсиз - вы знаете.

Во-вторых, уже отразился и во второй (более краткий) ряд личных окончаний (из тех местоимений), присоединявшихся к

Напр. тув. Бмен ада мен — я обедаю
сен ада сен — ты обедаешь
ол ада
Бис ада бис — мы обедаем
силер ада силер — вы обедаете (вместо „сиз")
олар адалар.

Еще:
мен баар мен — я пойду
сен баар сен — ты пойдешь
ол баар — он пойдет
Бис баар бис — мы пойдем
силер баар силер — вы пойдете
олар баарлар — они пойдут.

[Кыёкасон айканда, сибир тюрк диалектинин ичинен тува бичи арбын сөздөрдүн пеана эдип ~~сөз~~ дин чакчурунун пеактаётты болуша (аталучук) байтарлы диалектин белгисин сакчап калган — С. К.].

1-лицо един. числа.

Ен. бен или мен
Тув. мен (произн. и „вен")
кир. =мын // =мин // =мун // =мүн
алт. =мын // =мин, =бым // =им (при гласных именных образованиях
хак. =бын // =бин (после глухих =пын // =пин,
после губных — =мын // =мин),
а также =м, =бым // =им —
при гласных именных образованиях.

шорск. = был // = бым // бум // = бум, ÷ пым // пим // = пум // = пум, = мын // = мин // = мун // = мун — при именах; Во безударном глагольно = именных формах употребляется: = м, = бм // = им, = (с)ым // = (с)им и в некоторых случаях — первый бит.

2-л. ед. числа.

Бн. (сен)

Тув. сен

Кир. = сын // = син // = сун // = сун

Алб. = зын // = зин (= сын // = син — после глухих), а также = ын // = ин — при значительной части глагольно = именных форм.

Хак. = зын // = зин // = сын // = сын.

Шор. = зын // = зин // = зун // = зун = сын // = син // = сун // = сун, = н (сен полбоган — ты не был)[1].

1-лицо мн. числа.

Бн. биз и = быз, = миз

Тув. бис (прошл. и вис).

Кир. = быз // = быз (фонет. вариантами).

Алт. = ибыс // = ибис (при именах: быс, = пыс, однако в совр. языке часто опускается). В 3-й форме на «и = а-тон» имеет уп. и = ык // = ик: бодатоныс — мы идем).

---

1. Дьяконова. Грамм. шор. яз., стр. 183.

хак. = быс, ≠ пыс = мыс (последние две – после губных согласных).

шор. = быс, пыс, = мыс (после губных согласных).

2 – лицо мн. числа.

бен. (сиз, сизлер)

тув. силер, силерлер

кир. = сыз, = сыздар, = сыңар (арх. вар.).

алт. = ыгар // = игер. В ареальном ведении встречается в фольклоре при именах = сыгар // = сигер.

хак. = зар // = сар : сірер парбасар – вы не пойдете.

шор. = заар // = саар.

В кир. и алт. языках основная форма аффикса 1-л. ед. ч. сохраняет „м" из местоимения „бен". (кир. барамын, бардыбасамын). Вместе с этим получает распространение и сокращающаяся форма: барам, келем. В алт. яз. такие уп. и эта форма: бардым (– я ходил).

Процесс сокращения = мын в = м начался еще в енисейский период, т.к. в памятниках (правда, очень редко) встречается „алынлыңыхм – я был взять" и т.п. В шорском и хакасском языках этот предикативный аффикс

= бим.

1. л. ед. числа может быть приведен к местоимению „бен". Что же касается других фонетических вариантов данного аффикса в этих двух языках, то они имеют часто комбинаторный характер. (такие как хак. =мын// =мин, шор. =мын// =мин или =мын и т. п. употр. после носовых сог.: хак. мин парджаҳмын – я езжу, пойду; но мин парча дырбын – я ~~не~~ иду в данный момент; мин ҳакастын. однако в хак. яз. есть и форма на „=м": мин пармам – я иду в данный момент, мин алгам – я взял. Видимо это остаток того диалекта, в котором вместо „бен" употреблялось „мен".

Шорск.: мен ажгыбын; менмин Обь глаголы =имянных формах в шорском употребляется =бм: мен нанарбым – я вернусь. и с ассимилировавшимся м>с: мен кӧрбесим – я не буду смотреть. диалект. =к– =бын > =к – кын: карголек – бым > карголеккин.

---

1. См. Дыренкова. Грамм. шорского языка, стр. 140, 141, 188,

В кир., хак., алт. и шорском языках древнему сен соответствует аффр. с тем же гласным с зад-не-язычным „Ҳ" и озвонченным с >з в последних двух языках: ен., тув. сен // кир. сыҳ // хак., шор., алт. зых.

Древнесенисейский период при оформлении аффр. 1-л. ед. ч. числа =мыз из местоимения биз прошло удлинение б>м, но и употребляется еще оформлант „биз". Он не сохранился в тувинском языке, а в остальных четырех языках превратился в аффрикс, сохранив исходный начальный „б" (с последующими комбинаторными вариантами). В чзб. языке ~~алт~~ зоб аффрикс =быз>=мыз, =биз: узб. боламиз.

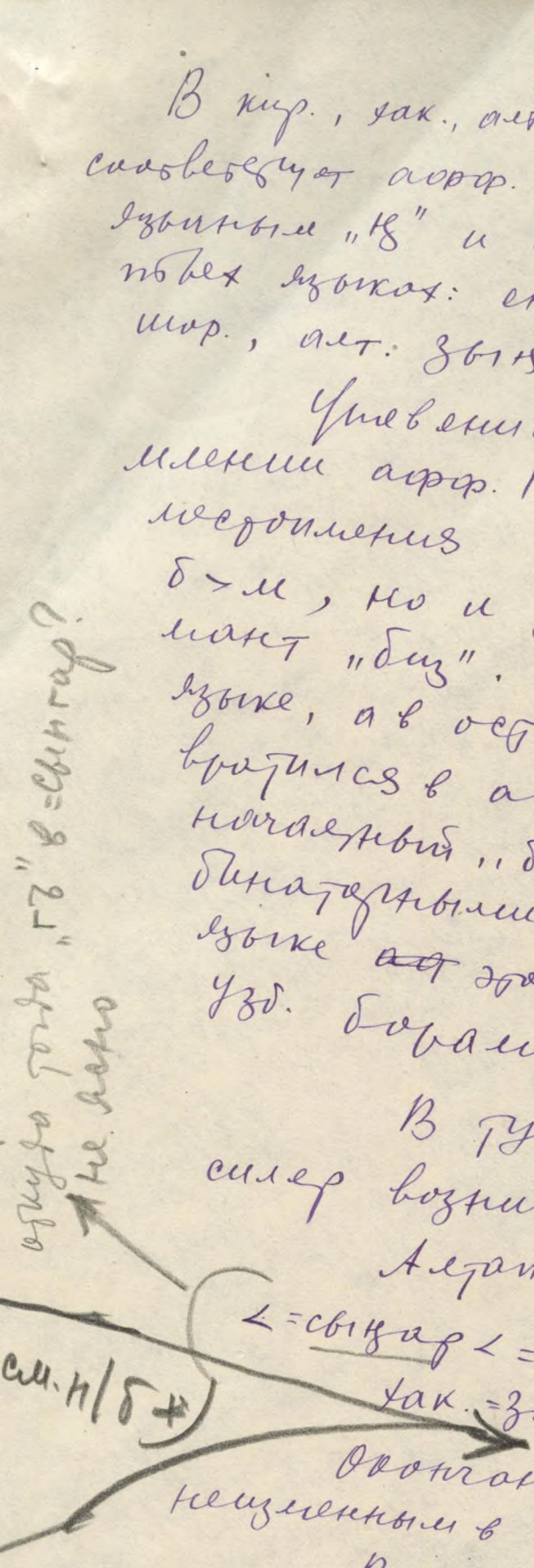
В тувинском ед. формант силер возник из сизлер.

Алтайск. =сыгар, =быгар <=сыңгар <=сыңнгар <=сыңнар;

хак. =зар и =заар <=сыңар.

Окончание 1-л. ед. числа остался неизменным в тюркских языках.

В енисейском употреблялось две параллельных формы 2 л. ед. числа: =гъ и =ҳ. Первая из них в этом значении в рассматриваемых языках утрачена, а может быть и вообще не употреблялось у предков их носителей.[5]

В языке памятников при превращении морфемы „быз" в аффикс, по-видимому, прошло, как уже указывалось, изменение б > м. В тувин., хакасском, шорском языках это изменение не произошло: устойчо сохранилось звучная основа „быз", получившая лишь комбинаторную вариативность б > в в тувинском...

В киргизском, как и во многих других тюркских языках, вм. = быз указателей = к: кир. бардык, узб. бардик, турк. бардык, азерб. бардык, татар., кум. бардык.

Ен. афф. = быз появляется в мор. и ряде других языков при вежливом обращении к одному лицу. В тувин., шорск., хакасском и алтайском языках эта форма не получила распространение и заменена образованиями на = быр и = гар, восходящими к = ы + = лар:
= ы - (л) ар > = быр; = ы (л) ар > (н) гар > = гар. В шорском прошло сближение: = ды - гар > = дар.

(Бурлаков, Арагачи, Бабушкин. Древняя и современная енисейка, стр. 193-199).

1. Но не исключено и другое объяснение: = к - (л) ар > гар.

XX

Спряжение по тувинскому языку

По грамм. тувинского языка выписан.

I = ды: ал-ды-м. ал-ды-выс
ал-ды-н ал-ды-нар
ал-ды- ал-ды-лар

II = ган: мен алган мен ашкон бис
сен алган сен ашкон силер
ол алган. ашкон (нар).

III = олтур ан-тыр мен олтур бис
ап-тыр сен олтур силер
олтур - олтур (лар).

Можно убрать дополнительно по наклонениям и временам

[тув. мен чыдыр мен — я лежу
мен инженер мен
сен инженер сен; иссл. по срав. грамм. тюрк. яз. II, 305].

По МК.

I. ол менің оглум ол[1] (МК. I, 41).
Түн күнің карышыб ол (МК. I, 354).
ол мунда ол. (факсимиле, 211). Ахалых, 27.

II. Сен качан барса сен (МК. III, 156).
сен барса сен (МК. I, 120;
см. выше. 33).

III Мен йа курдук
мен аҙар ҙамар (мал. ск) бердук
биз йа курдук
биз ардук
ол келдук
олар ҙагка ордук
олар эшке кирдук (МК. II, 50-52,
56).

---

1. ср. выше. тув. Мал хавуда чор ол – скот пасется на пастбище. Тур. Ол турк. ол – он турок. баш. Хасн изыусы ул – Хасан писатель (см. исследование по срав. грамматике тюркских языков, часть II, морфология, стр. 265).

К спряжению (аффр. лица).

По турецкому языку

§ 451. Личные аффиксы I категории.

ед. число:

1. л. = (й)ым // = (й)им // = (й)ум // = (й)үм

2. л. = сын // = сен // = сун // = сүн

3. л. имеет „нулевой" лич. аффикс.

мн. число:

1. л. = (й)ыз // = (й)из // (й)уз // = (й)үз

2. л. = сыныз // = синиз // = сунуз // = сүнүз

3. л. присоединяется аффр. мн. число = лар.

Личные аффиксы восходят к личным местоимениям.

Аффр. = (й)ым ... восходит к личному местоимению бен — я, который претерпел следующие фонетические изменения: начальный согласный б > в > w[1] > й (в по турецкой орфографии: в > в > w > у — с. к.): среднеязычный звонкий спирант й

---

1. В рукописи „Араба филолога" ...

(т.е. у – с.к) удерживается, когда афф. присоединяется к гласным основам, и полностью редуцируется при присоединении с согласными основами. Таким образом, бен > = (й)ын // = (й)ин // = (й)ун // = (й)ун, т.е. самостоятельное слово бен превратилось в аффикс, в силу чего и утратило сравнительно звуковой состав и стало подчиняться закону гармонии гласных; такие формы этого аффикса, т.е. с конечным „н", сохранились в памятниках старой тюркской литературы. В диалектах, вероятно, под влиянием исторически преобладавшей губной огласовки носовой сонорный „н" > губной носовой „м".[1]

Афф. 2-л. ед. числа восходит к личному местоимению сен – ты.

Афф. 1-л. мн. числа = (й)ыз... восходит к личному местоимению биз – мы, в котором начальный согласный „б" прошел бы те же фонетических изменений, что и однородный ему согласный в местоимении бен.

---

1. О переходе н > м в конце

Аффр. 2. л. мн. числа = сыныз ... представляет собою форму двойственно = множественного числа от аффр. 2-л. ед. числа = сын + = ыз; в старых тюркских текстах аффр. 2-л. мн. числа встречается в форме = сыз ... т-е. полностью совпадает с личному местоимению сиз — вы.

§ 452. Личные аффиксы II категории:

	ед. число	мн. число
1. л.	= м	1. л. = к
2. л.	= н	2. л. = ныз // = низ // = нуз // = нүз
3. л. без аффр.		3. л. аффр. = лар.

Как видно из этой таблицы, личными аффиксами II категории являются аффиксы принадлежности (§ 100)[1]; исключением является аффр. 1-л. мн. числа = к, который, с известной долей вероятия, можно возвести к древнему аффр. = кун // = гун, который, возможно, в свою очередь, восходит к древнетюркскому слову күн — народ. (А. Н. Кононов. Грамматика современного тюркского языка, § 451, 452).

---

1. Н. А. Баскаков (Карачаевский язык, II, 442-43; см. еще: сб. „Акад. В. А. Гордлевскому"

Предикативные аффиксы или аффиксы сказуемости шорского языка

1-л. ед. числа: =бым (~бын) ~ бим (~бин) ~
=пым (~пын) ~ пим (~пин) ~
=мым (~мын) ~ мим (~мин).

Примечание: В отдельных сочетаниях (по говорам): =кым ~ =ким: Козонак-кым – Я – зайчонок (есмь); кöрчелек-ким – я еще не смотрел; =сым ~ =сим: кыс-сым – Я – девица; пис абказак-кыс-мы еще не сеяли; Сокращенный аффикс: =ым ~ =им ~ =м (в говорах); факте: аффикс =мым ~ =мим ~ =мын ~ =мин (в положении аффикса =бым ~ =бын литературного языка); напр.: кипси-мим ~ кипсим-мин;

2-л. ед. числа: =зын ~ =зин ~ =сын ~ =син.

1. л. мн. числа: =быс ~ =бис ~ =пыс ~ =пис.

2. л. мн. числа: =заар ~ =сар (~ =заар ~ =саар).

сущ. и (б.ж.) мен аңчы-бым (~бын) – я охотник
сен аңчы – зын
пис палыкчыпыс
силер (~ сиер) хакассар

Мз. V Бо колхозтың председательи сензин-ле? – Ээ, менимим (~мин ~ менимим); (ср. мен нанарын – я вернусь.
(Л. Б. Дьяченкова. Грамматика шорского языка, § 90, стр. 140–141).

Личные и притяжательные аффиксы по Баскакову

Нельзя видеть кобегорию принадлежности в этой группе усеченных личных аффиксов, напр. в формах прошедшего времени: мен алды – м, сен ал-ды-ң, ол ал-ды и т.д., так как в современных языках следы наличия аффиксов 3-л. в данных формах нет, точно так же, как нет и форм притяжательных местоимений в определении, т.е. формах типа менің ал-ды-м – мое взятие.

Более того, в невалевых языках в формах прошедшего времени вовсе отсутствуют показатели лица и парадигма спряжения этой формы состоит только из личного местоимения и формы на = ды II = ді без показателя лица.

Так по сообщению С.Е. Малова, формы на = ды II = ды в сарыг-уйгурском диалекте новоуйгурского языка превращены в следующем виде: мен алды-м взял, сен алды – он взял, ол алды – он взял и т.д.

ал сам < ал сарман < алыг сарман

(ф. соотв. формы у МК.)

Вторым доказательством того, что усеченные аффиксы этого типа являются личными, а не притяжательными, может быть то,

что тенденция превращения полных аффрикатов в усеченные наблюдается не только в названных выше формах, но и в некоторых языках это замещение распространяется и на другие формы глагола, а в другом языке – на все глагольные формы.

Замещение полных личных аффрикат усеченными аффрикатами характерно, напр., для следующих глагольных и именных форм в туркменском языке:

а) =ар : 1-л. ал-ар-ын (вм. алармын)
2-л. ал-ар-сын
3-л. ал-ар.

б) бар : 1. л. ал-барын (вм. ал-бар-мын) (– я беру)
2-л. ал-бар-сын
3-л. ал-бар.

в) 1. л. мен ишчи дир-ин
2-л. сен ишчи дир-сиң
3 л. о л ишчи дир.

Множ. число. (бис!)
1. л. гал-ар-ыс (вм. ал-ар-мыс)
ал-бар-ыс (вм. ал-бар-мыс)
ишчи дир-ис (вм. ишчи дир-миз).

Еще более последовательно употребление усеченных личных аффиксов в алтайском языке, имеющем по несколько вариантов каждой личной формы, указывающих на постепенный процесс редукции этих афф..

а) на = гон.

1-л. чыккан-бын. (эта форма сущ. в совр. лит. языке и вероятно в челканском диалекте);

чык-кан-ым — уп. в лит. языке и в качестве личной формы и в качестве притяжательной формы, различая ударением, т.е. чык-кáн-ым — я вышел
чык-кан-ы́м — мой выход.

Мн. ч. 1-л. чык-кан-быс (в телеутском диалекте)
чык-кан-ыбыс // чык-кан-ык

б) на = ар. Ед. число

1. л. бар-ар-ым — я пойду
2. л. бар-ар-ың — ты пойдешь
3 л. бар-ар.

Мн. число

1-л. бар-ар-ыбыс — мы пойдем
2 л. бар-ар-ыгар — вы пойдете
3. олор бар-ар. — они пойдут.

(И многие другие глагольные формы — С. К.)

в) настоящее = будущее время типа „барадым"

ед. число

1. л. бар-а-д-ым < бар-а-тур-ур-мын

2. л. бар-а-д-ың

3. л. бар-а-т.

мн. число

1. л. бар-а-д-ыбыс // бар-а-д-ык

2. л. бар-а-д-ыгар

3. л. олар бар-а-т // бар-а-ды-лар.

(и мн. другие формы)

Кыскаван алфавида, Н. А. Баскаков так имянын кыскарган түрүн (типа - ал-ды-м, ал-ды-ң) фонемдык имлеердин тыкан деген пикирдин кагык, бирок жалпы эле так имло менен фонемдык имлеердин ар дайгарын тыкканды тык фонемдайт

(Баскаков Н. А. Система сочетания или изменения слов по лицам. в кн. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, часть II, стр. 267-270).

11.

Категория сказуемости

По родственной тюркам:

1. тұрурман	1. тұрурмыз // тұрурбыз (мы есмы)
2. тұрурсан	2. тұрурсыз
3. тұрур	3. тұрурлар

Мен саңга ашык тұрурман
сен менің анам тұрурсан.
Биз тюрк халкы тұрурбыз.

В современных тюркских языках именные сказуемые обычно состоят из двух элементов (имя + афф. сказуемости: тюрк + мен), а глагольное из трех элементов (основа глагола + показатель времени + афф. сказуемости = личные показатели): бол-а-ман.

Конструкция типа ашык тұрурман выявляет, что в исторической плане спряжение имен и глаголов полностью совпадало, так как форма ашык тұрурман < ашык + тұрур + мен принципиально не отличается от формы бол-а-мен, т.е. имеет в своем составе те элементы, из которых состоит forma finita (личные формы глагола).

Кононов. Родословная тюркмен, 1958, 128–129-бб.

ол.

Ивенеон

ол менің обыдым ол (МК. I, 41)

Ғн кынчя картыдың ол (МК. I, 354)

ол мұнда ол (Орақшылықта, 211/Ахалды.) 27.

сен качан барса сен (МК. III, 156)

сен барса сен (МК. I, 120).

см. сүр. сл. 33.

мен йа кудук

бызйа кудук

олар бачка отдук

ол келдук.

оларенка кудук

бызат дук.

мен адырбачар (мал-ек) бердук

(МК. II, 56, 50–52)

алғ. тұр. хак. = дыг ғар ∠ = дыг + (л) ар

т. е. об явной форме

II лица прошед. вр.?

(С. К.)

ғл. = дыңғар ∠ = дың-ң + (л) ар

Стрэтение — перепсан

1. Жемлектные накленение:

1л. основа глагола + ай//ей (< = гай) +
показатель лица = ын// = ин < мон.
есть и форма с показателем 1-го лица
= м: Тендрим бэрсе сизлэрге бэрейим
тедч.

обвинительная форма:

основа глагола + мон < = майын < = ма +
= йа + = ын: боллан лдч.

1. л. мн. число: 1) алын < = а < = гай + лын:
ай-алын; [ср. кыр. ай-а = ыл(к).
2) = алы < = алын - : ай-алы.
Конотов. Розов. туркмен.

эрмиш яв. здесь. синонимом модальности на эркен Кон. Род. Турк. 149.

= мын > = ым:

шир. полгам — полганым.
полганым (~ мын), полганын (~ ым)
ф. полгамын.

182. Те: = мын > = (м) ым > = ым. булар, бир
§ 122. тамынан, так мынын кыскартылып
кар собсо, жинчи тамынан аффикс
тук ~~так мынын~~ дан-тык мынын
айланыу процесси кар собсо.

Спряжение по наклонениям по Кононову „Родословная туркмен...".

I Желательное наклонение

1-е лицо: =айын (< =гай) + показатель лица =ын (< мын):
огуз имне барайын.

1-е лицо мн. числа: =алым (< =гай) + =лык (кир. =алык: бар-алык - ск): айталык;
=алы: айталы стр. 151.

Желательное накл. мындан башкача тюрк, каалоо маанисинде = гай могосу аркылуу да берилген: барсай тёре-„пусть идёт", - сказал он. Бузук огланларындан бир кишини падшах кылгайлар, икки кишини кутермечейлер - Пусть они делают государем кого-нибудь из потомков бузуков, двух человек (на царство) пусть не поднимают (стр. 151, § 91); барсай - сан (§ 91); кылгай - мын (§ 91)

II Изъявительное наклонение

1. I Категория обкон чак на = ып (тыр).

... в отличие от прошедшего категорического времени, эта форма передает действие, совершившееся в прошлом, но выявляемое в „настоящем как результат или следствие": Кол ач ва арык болуптурмусмуш: Мы кол ач тока арык болуптурбуз. Кардлар хан ойлуптурмуш, хан ойлуптур (§ 77).

2. II определенный интерперфект ... передает действие, совершившееся или совершавшееся в определенный момент в прошлом:

Мен ишни кылатурур эрдим — Я (тогда) делал дело: Ол вакта халк тогрунда отзыва карайтурур эрдилер. Бир неча киши лашкерин сонгында келетурур эрдилер, несколько человек, шли позади войска. (Бизге келе ясат-а-I элек-ск). (§ 78*).

[кырг. бара жатат элек; барат элем

деген сөз = т < турур, о чем см. выше, по Кононову § 78, Footnote-Text-Ende].

3. III Настоящее = Будущее время II:

Дей турурман — Я скажу;

Абу-л-гази хан айтатурур. Кыпчак кан кара сув тек акатурур (§ 73); ф. мк. эйт сунг акатурур; (= т < турур — ск).

3-203.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ "ОШО(Л)", "УШУ(Л)"

Изучение материалов языка древнетюркских рунических памятников позволяет отметить древнее наслоение в составе указательных местоимений; количественное пополнение их отчасти произошло за счет сложения компонентов и звуковых чередований, которые, как нам кажется, являются одним из старейших способов происхождения слов. В современном киргизском языке, а также и других, относящихся к кипчакской группе, имеются указательные местоимения ошо(л) - тот, та, то и ушу(л) - этот (при указании на предмет менее близкий, чем обозначаемый местоимением бул, бу, и менее далекий, чем обозначаемый местоимением ошол, ошо)[1]. Как показывают материалы, которые изучены нами, указательные местоимения ошо(л) и ушу(л) не являются изначальными, так как они отсутствуют в языках енисейско-орхонских памятников. В то время в роли местоимения ошо(л), имеющего значения "тот, та, то" (когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент не видим)[2] употреблялось местоимение ол(тот; он), находящееся функционально в близком отношении с ним. Как показывают материалы, появление этих местоимений падает на поздний период, они встречаются в языках средневековых письменных памятниках тюрков, в частности в "Диване" Махмуда Кашгарского, в сочинении Юсуфа Баласунского (XI в) и других, в то время они еще не стали место-

---

1. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь, с.814.
2. Юдахин К.К. Ук. соч., с.585.

имениями в полном смысле этого слова, скорее всего находились на стадии становления и выступали в значении усилительной частицы (см. ниже).

Из сравнения и сопоставления фактов родственных языков следует еще один немаловажный вывод о том, что указательные местоимения ошо(л) и ушу(л) не носят тотальный характер, так как они отсутствуют в сибирском регионале тюркских языков. В последних в значении ошо(л) и ушу(л), также как в языках рунических памятников древних тюрков, выступает лично-указательное местоимение ол. Например: хак. ол книга агылча (личн.мест. алт. ол балага; ада-энези анча балаын ...; онызы чын неме ошкош ...;[4] тув. ол дайынны хомдунуң дээн чувэ ийин - (Про) ту войну рассказывал сам хомду[5]. Из этих примеров видно, что сибирские тюркские языки в отношении существования указательных местоимений ошо(л) и ушу(л) остались на том уровне что было характерно языку рунических памятников древних тюрков, которые ограничили себя использованием только лексемой ол. В то время как остальные тюркские языки (кипчакская, огузская и карлукочагилская группы) в дальнейшем своем развитии пополнили состав указательных местоимений с интересующими нас словами, т.е. с

---

3. Хакас тили, для 5-6 классов, Абакан, 1980, с.66.

4. Алтай тили, учебник для 5-6 классов, Горно-Алтайск. 1974, с. 120-121.

5. О р г у К. Тыва дыл, лексика, фонетика, морфология, Кызыл, 1960, с. 94.

ошо(л) и ушу(л). Исходя из рассмотренных соотношений состава указательных местоимений можно сказать, что приобретение местоимений ошо(л) и ушу(л) киргизским языком относится к его тяньшанскому периоду развития, когда он находился в соседстве языками Средней Азии и Казахстана.

После небольшого исторического вводного, так сказать, слова переходим к рассмотрению вопроса семантики и морфологического анализа вышеупомянутых местоимений каждого в отдельности.

I. Ошо(л) . В "Древнетюркском словаре" значение местоимения ошул, которое структивно близко к киргизскому ошо(л), определено "тот, этот" без какой-либо дифференциации на пространственный и временной признаки: ошул огулнуң еңлуги чырагы кек эрди (ЛОК.) - лицо того мальчика было голубым (ДТС.372); ошу - вот: кене ошу йыгачның тупин е турду (ЛОК.) - и вот стал (он сам) под тем деревом (ДТС.372); ср. Ол эр ол э ге барган (тот мужчина ходил в тот дом; (МК.П, 53; ДТС. 366) = кирг. Ал киши ошол үйгө барган и др.

В то время как в современных тюркских языках, в частность киргизском, в значении названного местоимения содержатся и пространственное и временное оттенки, которые академиком К.К.Юдахиным локанично сформулированы следующим образом: "ошол - то же, что ошо; ошо - тот, та, то (когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент не видим)", которое вмысловом отношении оппозиционно к местоимению "ушу(л), означающее этот (при указании на предмет менее близкий, чем обозначаемый местоимением бул, бу, и менее далекий, чем обозначаемый местоимением

ошол, ошо)"[6]. В этом описании охвачены все нюансы, т.е. значения и тонкие оттенки киргизских местоимений ошо(л) и ушу(л), которые не требуются в комментариях, по этому ограничимся фактами: Ошол кундон ушул кун - с тех пор и по сей день. Ошол эле бетте - на той же странице. Ошол эле жерде - на том самом месте. Ошол эле калды - Только это и осталось. Кийиз киидики болсо, билек ошонуку (погов.) - чей войлок, того и руки. Ошо жылы жазында - Весной того года и др.

В этимологическом словаре Э.В.Севортяна, составленном на основе обширнейшей литературы, учитывающей достижения тюркологической науки высказана мысль о составности морфологической структуры местоимения ошол, ошал, оша, и ее мы разделяем полностью: "Ош - указательная частица "вот" (Буд. I, ДТС.) (то, о чем говорилось выше, что известно собеседнику - анафорическое местоимение)[7]: Ош мундаг кыл - Делай вот так (МК. I). Тогмыш куни ош батар - Появившееся солнце вот заходит (МК.П). Өлүм тутты бардым келир ош сене - смерть схватила (меня), и я отправился, вот придет (она) и к тебе (ОВН)[8]. Как видно, усилительная частица ош , надо полагать, сначала присоединилась к словам без относительно имен и глоголов, по -видимому, в

---

6. Ю д а х и н К.К. Ук. работа, с.585.

7. С е в о р т я н Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные), с.492.

8. Древнетюркский словарь, с.372. Местоимение ошбу переведено А.М. Щербаком в значении "вот этот", "ошул - "вот тот" что нам кажется более точным, чем этот содержится в ДТС. (см. А.М.Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана, М.-Л., 1961, с. 128.

дальнейшем развитии могла сочетаться только с местоимениями качестве препозитивной частицы с чем и было обусловлено в последствии стать его составной частью сложных указательных местоимений. Следы такого исторического процесса развития зафиксированы в языках средневековых письменных памятниках: ошбу - этот; шунқарнун ацағуси ошбу турур - это изображение ястреба (ЛОК.); жолда ошбу айғыр ат кезден йиту қачты кетти (ЛОК.) - в дороге этот жеребец исчез (ДТС7 372).

Как видно из приведенных примеров, а также из значения усилительной частицы ош киргизское местоимение ошол в соответствии со значениями своих компонентов, из которых оно сложилось (из ош. + ол), в начале своего существования, вероятно, означало "вот тот". Но в дальнейшем развитии из семантической ее структуры выпал оттенок усиления, передоваемый прежде препозативом ош в составе местоимения ошол . На современном этапе развития в последнем не чувствуется указанный его прежний оттенок, но тем неменее улавливается лишь его значение тот - о котором говорили раньше и который в пространственном отношении стоит дальше, чем обозначаемым ушу(л).

Таким образом, подитоживая всего выше изложенного можно резюмировать, что современное указательное местоимение типа киргизского ошо(л) (в других ошал, ошул , оша и т.п.) историческим сложилось из сочетания компонентов ош + ол[9] : из них

---

9. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка, с. 100. Наряду с таким расчленением имеется и другое типа.

ош - указательная частица (Э.В.Севортян), анафорическое местоимение (ДТС: 372) + ол (древнее указательное местоимение), что в целом не вызывает сомнение и такое толкование общепринято в тюркологии. При Этом необходимо отметить, что элемент ош в составе местоимения ошол (и ущул и других) в литературе, посвященной к исследованию данного разряда лексики, остался и продолжает оставаться необъясненным. По этому в заключении этого подраздела нам хотелось бы попытаться проанализировать его на материале тюркских и монгольских языков.

Нам представляется, что указательная частица ош, участвующая в составе местоимения ошо(л), видимо исторически восходит к лексеме ол (тот, та, то). Обще известно, что чувашскому конечному сонорному звуку "л" соответствует в других тюркских языках глухой шумный, щелевой "ш". Например: чув. хел - зима, тюрк. кыш (то же самое);! чув. вал - тот, тюрк. ол, ошо(л) и др. Присутствие начального "в" в чувашском вал нас не должно смущать, так как тюркские некоторые слова с гласным началом соответствуют чувашскому с согласным началом: ср. тюрк. он - десять и чув. вун (то же самое) и многие другие. Чередование звуков "л" и "ш" спорадически встречается также и в тюркских и монгольских языках. Например: кирг. таанш - знакомый, ср. монг. танил - знакомый, приятель; кирг. таш - камень, ср. монг. чулуу(н), туи-мань жоло - то же самоеписьм. = монг. = лда// =лде (аффф. глаголов взаимного залога), который соответствует тюркскому =ыш; письм. =монг. золгалду - встретиться друг с другом от золга - встретить[10], кирг. жолугуш (тоже самое)

---

10. П о п п е Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка, М.-Л., 1937, с. 142.

и многие другие, в которых чередование звуков л ш не вызывает сомнение. Научный интерес представляет и то, что чередование или соответствие выше указанных согласных звуков можно встретить между древних и современных тюркских языков. Для этого достаточно ~~и нынешних киргизских~~ йок их сравнить древнетюркские йоккыш - уничтожить и современное киргизское йок кыл (то же самое): Ол суг анта йоккыщдымыз - То войско мы там уничтожили (КТ.32). учегун кабышып сулелим аны йоккышалым - объединившись втроем, отправимся в поход и уничтожим его (Тон.21)[II] и др. Исходя из таких и подобных им звуковым чередований мы склонны допустить мысль, что указательная частица "ош" исторически м путем чередования звуков л ш произошла от функционально идентичного с ней местоимения "ол", имеющее также указательное значение "тот", реже как личное "он, она", т.е. ол ош. Такому историческому переходу способствовало и другое обстоятельство. А именно: известно, что язык в процессе своего развития всемерно старается избегать аналогичных формантов или лексем, часто приводящих к запутыванию в повседневной речевой практике. Для этой цели, нам думается, что от древнего указательного местоимения ол позже отпочковалась усилительная частица ош, так как в языке тюрков имелось потенциальная возможность переход звуков "л" в "ш" и наоборот весьма

II. М а л о в С.Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 32, 34, ...

вероятно, унаследованный и тунгусо-маньчжурской группы, от общеалтайской семьи языков. По всей видимости, так была устранена длительность двух сонорных звуков "л" в составе "парно-повторного" слова ол + ол , в которых один из плавных звуков "л" на каком-то этапе развития средневековых тюркских языков изменился в глухой шумный "ш" и тем самым было обеспечено громкость произношения новообразованного звукового комплекса ош , с одной стороны, и возможность сочетаться его со своим первообразным корневым словом - источником ол : ол ош + ол ошол.

Правомерность возведения усилительной частицы ош к указательному местоимению ол, нам кажется, может быть подтверждена еще фактом самих тюркских языков, имеющим прямое отношение к затронутому вопросу. Дело в том, что в древнетюркском языке лексема бу кроме местоименного значения "этот" в парно-повторном употреблении выступало как усилительная частица: бу бу - вот этот, вот это (ДТС. 109; подр.см. подраздел указательное местоимение бул в настоящей работе). Следы такого усиления выраженногопарно-повторным способом, сохраняются по сей день. Например: кирг. кызыл=кызыл алма алып кейди - букв.он принес красные красные яблоки, в которых парно-повторное слово означает значение много и к тому же перекрасных яблок. Все эти факты, нам кажется, в достаточной мере свидетельствуют возможной связи компонентов ош и ол участвующие в составе указательного местоимения ошол.

В связи с изложенным следует отметить, что новообразованная указательная частица ош не сразу стала участвовать в сос-

таве указательного местоимения "ол" в функции его препозитивной. Как показывают факты языка средневековых памятников, в начальном периоде своего появление оно имела широкое применение, и как препозитивная частица могла сочетаться также с другими местоимениями, существительными, употребляться даже при глаголе (примеры см.выше). Но со временем она, т.е. ош , стала необьемлимой составной частью указательного местоимения ошо(л).

2. Ушу(л). Выше номере возможности мы подробно проанализировали указательное местоимение ошо(л), которое как по своем морфологической структуре, так и по семантике находится в родственной связи с местоимением ушу(л). Данное обстоятельство значительно облегчает задачу описания местоимения ушу(л), поэтому ограничимся лишь с некоторыми замечаниями, носящими исторического характера. С этой точки зрения прежде всего следует отметить, что местоимение ушу(л), также как его оппозиционная пара ошо(л), возникла значительно позже, в эпоху языка средневековых тюркских письменных паиятников. Так как в предыдущем подразделе шла речь о региональном распространении и семантике этого местоимения, основное свое внимание мы сосредаточим на его морфологическую структуру.

Указательное местоимение ушу(л), как отмечалось выше, очень схожо с местоимением ошо(л) как по форме, так и по содержанию. Это свидетельствует о том что они образованы одним и тем же способом. Различия их состоят в огласовках гласных, а также и в оттенках значений. А именно: местоимение ошо(л) оз -

начает "тот, та, то" и употребляется "когда речь идет о том, чего или кого мы в данный момент не видим". В то время как местоимение ушу(л) означает "это" и употребляется при указании на предмет менее близкий, чем обозначаемый местоимением бул, бу, и менее далекий, чем обозначаемый местоимением ошол, ошо": ушул жерде - здесь. Ушул сезуңе ким ишенсин? - кто же поверит этим твоим словам? Ушунубуз - тот из нас или то наше. Калгыз барып, жоо сайган, же ушунун бекен балалык? (фольк.) - Разве то, что я отправился один и разил врагов, является ребячеством? [12]

Мы полагаем, что таким тонкостями в оттенках местоимения ошо(л) едва ли обладали в начале своего, возникновения. Выше отмеченные семантические различия, очевидно, результат дальнейшего их развития, и они появились из семантического соотношения, основанного на значения первых компонентов сложного местоимения ош + ол, уш + ол, в которых вариация гласных "о" и "у", или иногда как их называют внутренней флексией, в сочетании с соседствующими согласными "ш" в виде ош = и уш = породила указанные различия в оттенках их значении в плане времени пространстве.

В киргизском языке вариация гласных звуков чаще всего проявляется в звукоподражательных и образных словах. В этом разряде лексики, как правильно отмечает Б.М.Юнусалиев, гласные фонемы употребляются для передачи силы звука. Из них гласные

---

12. Юдахин К.К. Ук. работа, с. 585,814.

заднего ряда "а" и "ы" указывают чаще всего на силу подражаемого звука; широкий, верхний подъем "а" употребляется при сильном и более или менее чистом звуке, узкий "ы" - при слабом звуке [13]. Это явление распространяется также и на образные слова, связанные со световым проявлением. Например, срав. таре, и, тыре (звукоподр.), жалт и жылт (образные слова) и т.п. Из этих слов таре и жалт, в которых употреблен гласный широкого подъема "а" означает сильный звук подражаемого явления и полное проявление вспышки, в то время как тыре и жылт, в которых участвует узкий "ы" означает слабый звук и вспышку с меньшим огнем.

Учитывая этих и подобных им фактов, охватывающих других подвидов лексики, нельзя ли рассматривать частицу уш, участвующую в составе местоимения ушул, как лексема возникшая путем вариации гласных звуков для обозначения того, что оппозиционно по значению с ош и ошол. Сравните: ошбу - вот этот и ушбу - именно этот; ошол - вот тот (который дальше) и ушул - именно тот, тот самый, вот это (который ближе). Нам кажется, между отмеченными двумя разрядами лексики есть какая-то общность, очевидно, основанная на вариации гласных звуков.

Местоимение ушу(л), также как ошо(л), исторически состоит из морфологических элементов уш + ол, из них уш, также как ош, очевидно, является усилительной частицей, которая в свое время была определена еще Махмудом Кашгарским и служила для усиления какого-нибудь слова в высказывании. Частица уш в отличие от других частиц стоит перед словом, с которым она

---

13. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология, часть I (развитие корневых слов), Фрунзе, 1959, с. 165.

связана: Уш келдугум бу - Я только что пришел (I,72). Уш ундат кил - Сделай именно так (I,72)[14]. Что касается элемента ол, то он исторически является указательным местоимением. Как видно из фактов, извлеченных "Из Дивани" Махмуда Кашгарского, препозитивное употребление усилительной местоименной частицы уш была предопределено за долго до сложения указательного местоимения ушу(л) и со временем она стала неотъемлемой частью последней тем самым заняло место в системе данного разряда лексики.

Сама же частица уш, также как частица ош, очевидно, исторически представляет собой фонетически измененную форму ул, отпочковавшуюся от древнейшего указательного местоимения ол, следы которой сохранены в лексемах уш (усилительная частица, см. выше) и улар (они) равно значные с частицей ош и формой множественного числа 3-го лица местоимения олар.

Конечный сонорный звук "л" в составе предполагаемого ул, очевидно, перешел в глухой шумный "ш" и образовалась усилительная частица уш, ставшая впоследствии составной частью указательного местоимения ушул : ул уш + ол ушул.

Примечательно то, что в "Древнетюркском словаре", охватывающим материалы УП-ХШ вв. отсутствует лексема ул, но за то

I4. Махмуд Кашгари. Дивану лугатит турк, I том, Ташкент, с.72; см. еще: Г.А. Абдурахманов, Ш. Шукуров. Грамматический очерк старотюркского языка XI века приложенный к Дивану лугатит турк, индекс - лугат, составленный Г.Абдурахмановым и С.Муталлибовым. Ташкент, 1967, с.505.

зарегистрирована усилительная частица уш и его фразеологическое выражение ушбу идентичное с ошбу[15] (ДТС.617).

Данное обстоятельство заставляет нас думать, что не происходила ли частица уш путем внутренней флекции от усилительного препозитива ош восходящего в свою очередь к указательному местоимению ол. В последующей эпохе по всей видимости после XIII в., от последнего (т.е. от "ол"), вероятно, таким путем вариации гласных или внутренней флекции отпочковался местоимение ул, из сочетания его с известным уже препозитивом уш, видимо, возникло слово ушу(л).

В заключении нам хотелось бы остановится на то, что усилительные частицы уш и ош, участвовавшие в составе указательных местоимений ушу(л) и ошо(л), исчезли без следно или они удержались в структуре некоторых слов кроме в отмеченных местоимениях? На этот вопрос мы склонны ответить положительно, так как частицы, имевшие в свое время широкое распространение не могут быстро исчезнуть безследно. Есть основание полагать, что местоименные слова соотносимые с прилагательными такие как киргизские ошондой(такой, этакий; так), ушундай(так; такой) образованы из сочетания ош, уш и андаг : ош андаг ошондой,

---

15. Местоимения ушбу с усилительным значением было характерно также и староузбекскому языку: ушбу каганинц черири ... кёпкёп эрдилер эрди (Ун. 35-36) - Вот этого кагана было много войск (солдат).
Ушбу чакда хам бир киши бир кишидан сорса (Ш. тар.34) - Если один спросит у другого именно в тот момент и др.(Г. А б д у р а х м а н о в, Ш. Ш у к у р о в. Узбек тилинцц тарихий грамматикаси, с.97).

уш андаг ушундай. Такому же способу обязаны также и слова мындай (так, такой) миндаг бу андаг, тигиндей (такой, как тот) тигиндег тиги андаг), тетигиндей(такой, как вон тот) тетигиндег тетиги андаг) и др.

Выше было отмечано, что в письменно-монгольском языке склонение указательного местоимения тере (тот) происходит от основы тегун[I], к который присоединяются аффиксы косвенных падежей, и в связи этим было высказано мнение о том, что тюркские (киргизское) дейктическое местоимение тиги//теге (последняя тат., башк. форма) берет свое начало от упомянутой монгольской склоняемой основы.

Указательное местоимение те употребляемое в киргизском языке, так же как форма тээ (вон, вон тот), в свете изучения фактов монгольских языков становится ясным, что оно также имеет общее с монгольским, хотя оно, те, в отличие от тээ чаще всего функционирует в качестве усилительной частицы при указательного местоимения тиги; тетиги, тететиги = тээтиги (примеры и значения см. выше); из них лексема тээ с долгими гласными "ээ" исторически, также как тувинское дуу//дуу//тоо//тее (тот) образовано от теге // тиги. Что касается киргизского указательного местоимения те с кратким гласным, употребляемое одинарно или парно-повторно с целью усиления дальности видимого предмета, как показывают факты монгольских языков, отпочковался от всеобщего монгольского местоимения те (тере). Об этом неопро-

---

I. см. П о п п е Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка, с. 82; О н ж е. Монгольской словарь Мукаддимат ал - адаб, с.77.

верхимо свидетельствуют следующие факты, зарегистрированные в монгольских языках, расположенных в КНР. Дело в том, что в монгорском, дунсянском и баоанском языках, развивавшихся вне связи с другими монгольскими языками и сохранившие в себе некоторые архаичные черты ... указательное местоимение тэр (тэр) при всеобще монгольском тэрэ означает "тот" и оно выступает в качестве основы склонения для всех косвенных падежей, тогда как современном монгольском, бурятском, калмыцком языках наблюдается иная картина[1].

В монгольских языках, в частности письменно-монгольском указательные местоимения энэ - этот и тэрэ - тот подчиняются единому типу склонения: в именительном падеже энэ, тэрэ, но во всех косвенных падежах они имеют склоняемую основу эгүүн =, тэгүүн =. Проанализируя эти слова, профессор Г.Д.Санжеев пишет, что "само указательное местоимение в номинативе состоит из э + не. Таким образом, как будто бы сам собою вытекает вывод, что некогда в монгольских языках и диалектах первоначально образовалось два падежа: прямой с показателем =не, =на (почему в западномонгольской средневековой речи аккузатив наличествовал в виде энэни?) и косвенный с показателем =гүн, на основе которого (косвенного падежа) образовались после все падежи, кроме именительного"[1]. Из этой выдержки видно, что Г.Д.Санжеев допускает возможность в ранние времена существование две основы

---

1. Тодаева Б.Х. Баоанский язык, с.51.

1. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, том I, с. 154.

одна для номинатива, другая для косвенных падежей, которая не имела самостоятельного употребления в виде отдельного слова, но она, очевидно, всегда предшествовала аффиксальным элементам, выступая в качестве морфологической основы. Эта плодородная идея Г.Д.Санжеева о существовании в монгольских языках два падежа, кажется, применима также для тюркских языков по части раскрытия причины ряда несоответствий именительного падежа, т.е. номинативного употребления, с его основами в косвенных падежах в области местоимений или при нарушении его с аффиксальными элементами. Для этого достаточно сравнить следующие: бу – муи = // мын =: мында, мындан, мынча (ен.=орх. бунча), мындай (древ. тюрк. мундаг); ол – ан =: андан, анда, анда-санда, анча, андай, андыстан, ана-мына; ошо – ошон: ош – ондо, ошондон, ошончо, ошондуктан, ошондой; тиги – тигин: тигинче, тигинчелик, тигинден, тигине, тигинде, тигиндей, тигиндеси и многие другие.

Из приведенных примеров видно, что на самом деле каждые местоименные слова имеют по две основы типа бу – муи = // мын =, ол – ан =, ошо – ошон =, ушу – ушун, тиги – тигин = из которых вторая пара этих слов служит морфологическими основами целого ряда производных лексем и словоформ. Отсюда следует вывод о том, что некогда в тюркских языках также как в монгольских, не существовали ли две основы одна для номинативного употребления, другая для косвенных падежей, кроме именительного, которая в известной мере послужила морфологической, так сказать, вторичной основой для производных слов лексического порядка.

Возвращаясь к склоняемым основам, оканчивающим на =гун в словах эгун=, тегун=, следует отметить, что морфологический элемент =гун монголоведами признается морфемой с усилительным значением[1]. На основе этого можно сделать вывод, что элемент =ге // = ги в тюркском (киргизском, хакасском, татарском) указательном местоимении тиги // теге исторически восходит к монгольской вероятно, усилительной частице =гун, которая в дальнейшем развитии на почве тюркских языков составила неотъемлимую часть лексемы тиги // теге. В пользу идеи о том, что выше упомянутый элемент =ге // =ги является усилительной частицей говорит также диалектное выражение киргизского языка в котором морфема гу имеет то же самое значение:

муногу - вот это, тетиногу - вон тот, оногу - вон тот (в таласском говоре кирг. языка) и др.

---

1. см. К о т в и ч В. Исследование по алтайским языкам, М., 1962, с. 150; Т о д а е в а Б.Х. Баоаньский язык, с.52.

УКАЗАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ ТИГИ(Л)

В киргизском языке, как в тюркских языках Южной Сибири, имеется указательное местоимение тиги, которое означает "тот, вон тот; он, вон он" и употребляется когда речь идет о том, что или кого мы видим [16]; по своему значению он противоположен к местоимению ошо (тот, та то), которое употребляется когда речь идет о том, чего или кого им в данный момент невидим, т.е. последнее приобретать анафорическое значение. Примеры на тиги: тиги жак - та сторона; тиги үй - вон тот дом; тиги жерде - там, вон там и др. Нам думается, что появление этого местоимения, видимо, связано с аналогичным с ним древним местоимением ол. После того как последнее перешло в разряд личных местоимений и ослаблен его прежное указательное значение вероятно, на его место стало употребляться слово тиги с тем же указательным значением, вправду с некоторыми оттенками, отличающими от семантики местоимения ол.

Если по части существования местоимения ошол и ушул киргизский язык примыкает к тюркским языкам Средней Азии и Казахстана, то по наличию местоимения он составляет обобый регион вместе с Южно-Сибирскими тюркскими языками. В названной группе языков интересующее нас местоимение имеет следующие фор-

---

16. Щ д а х и н К.К. Указанная работа, с.731.

мы: кирг. как. тиги, тув. доо//дее//дуу//дүү (тот, вон, тот), алт. ту//ту ол (вон тоо)[17]: кор, ту ол келип йат - смотри, вон он идет. Указанное местоимение, кроме, так сказать, енисейской группе тюркских языков имеется также и в башкирском и татарском в форме теге, но его нет в тюркских языках Средней Азии Казахстана, с которыми соседствует киргизский. Следовательно, если не принимать во внимание монгольского языка, то центром распространения этого местоимения приходится считать языки енисейскую группу тюркских языков, включая в ее состав и киргизский; что касается татарского и башкирского, то они, видимо, представляют зону затухания. Это этнографические данные указывает также на иммиграционное направление отмеченного данного явления, которое идет с северо востока на запад, т.е. из Южной Сибири на Волгу через Центральный Тяншань.

В киргизском языке наряду с местоимением тиги к употребляется и форма его с исходом на "л" : тигил и она участвует во всех киргизских указательных местоимениях и употребляется на равне с их, так сказать, сокращенными формами и по значению нет семантического различия между бу - бул, ошо - ошол, ушу - ушул, тиги - тигил.

Примечательно то, что киргизское тиги, указывающее на

---

17. Баскаков Н.А. Очерк грамматики айнского языка, приложенный в Айнско-русском словаре, М., 1947, с.253.

предмет, который мы видим, может иметь при себя усилительные частицы, представляющие собой фонетически измененную форму или являющиеся сокращением звукового комплекса упомянутого местоимения. В таких случаях местоимение тиги вместе с усилительными частицами указывает на самый дальний предмет, который находится в общении говорящего: тиги - тетиги, тететиги, тээтиги. В последнем звукосочетание тээ с долгими гласными образовано от тиги и по этому признаку оно составляет общее с тувинским местоимением доо//дее//дуу//дүү, имеющим в составе также долгие гласные. Примеры из киргизского языка:

Те ойдо жайылган мал - скот, пасущийся в той вон низине. Тээ алыста - Там вон далеко-далеко. Тээ Ачкокуну ашып кетти - Они перевалили за тот вон (перевал) Ачоку. Тээ тиги - Вон тот. Тээ тиги жерде - Вон там. Тетиги үйдө - Вон в том доме; тети/-гинде - вон там; тететиги (или тете бериги) - вон - вот тот и многие другие. В приведенных примерах тээ, те, а также и тете в тететиги все они восходит к местоимению тиги, из них последнее, т.е. тете в тететиги является парно-повторной формой первого слога анализируемого местоимения. Данное обстоятельство интересно тем, что оно указывает на возможность образования сложного местоимения из повторения того же компонента из которого состоит первообразное местоимение. Этот факт, нам кажется, подтверждает также вероятность происхождения местоимения ошол и ушул от основного те их компонента ол путем повторения последнего, который при отпоковании подвергся к частичному фонетическому изменению.

Вышеназванное тюркское местоимение (т.е. тиги) монгольского происхождения. Дело в том, что значение "тот" в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийским)[18] передается указательным местоимением тар, в письменно-монгольском - тере. По последнее для косвенных падежей имеет супплетивную, склоняемую основу, тегүүн=,[19] которая, видимо, была воспринята тюрками в форме тигн (кирг., хак., шор.), дее(тув.), ту (алт.) в зависимости от фонетической особенности каждого конкретного языка в отдельности. Следовательно, тюрками было заимствовано не самое монгольское местоимение (т.е. тере), а его склоняемая основа[20], но тем не менее все они имеют общеалтайский характер языка. Наличие местоимения в киргизском языке, по всей вероятности, хронологически относится к до тяньшанскому его периода, когда еще киргизы находились на одной территории с предками алтайцев, тувинцев, хакасов или имели с ними тесные контакты.

В заключении отметим, что происхождение регионального тюркского слова тигн//теги от склоняемой основы тегүүн- монгольского указательного местоимения тере, нам кажется, в достаточной мере подтверждает правомерность нашего предположения относительно происхождения тюркского местоимений бен, сен от склоняемой основы типа бене, чене(басанская форма

---

18. Константинова О.К. Эвенкийский язык, М.-Л., 1964, с. 132.

19. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка, с. 82, 77.

20. см. еще: Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка, с. 131-132.

род. падежа от бе - я, че - ты), в которых на почве древних тюркских языков произошло изменение на границе корня и прежнего аффикса (см. еще раздел "личные местоимения").

Киргизские указательные местоимения не ограничиваются с выше рассматренными. В нем еще имеется лексема береги (//береки) и означает "этот, вот этот": береги бала - вот этот ребенок; беринде - вот здесь, вот сюда поближе и др.

Названное местоимение, также как остальные, входящие эту группу разряда лексики, может иметь при себя местоименную усилительную частицу тээ или тете о составе которых мы останавливались в предыдущем подразделе. Местоимение береги в сочетании с указанными частицами указывает на дальний предмет который виден говорящему. В таких случаях значение местоимения значительно усиливается: тээ береги // тете береги - вон тот; тээбереги//тээбереки - вон тот; тээбереги керүнгөн анамдин эшиги(фольк.) - вон то, что виднеется, это дверь моего батыра. Тээбереги туу жондо келе жаткан киши, бастырганина карагандар Аскарбек Тобаев болсо керек - Вон всадник, который едит по самым гребне горы, судя по манерам езди, кажется он Аскарбек Тыбаев и др.

Рассматриваемое местоимение по значению близко к лексеме тиги, то и другое указывает на дальний предмет, который находится в полезрении, обазрении говорящего: тээбереги почти идентично со словам тететиги//тээтиги.

Местоимение береги, прилагательное берки (находящийся по эту сторону, ближе сюда), вероятно, оба имеют этимологическую связь с наречием бери - сюда, а последнее в свою оче-

редь с лексемой бу(это), Общность этих слов обнаруживается в семантической близости и структурном сходстве: бу, бе=; возможно, такое образование:

бу бе= + ры бери + ки берии,

бет бе + т, ср. ары + кы аркы;

бери + рак + ы беришеги береги (в перед последном для краткости произношения, вероятно, выпал один из схожих звуковых сочетаний "ри", "ре").

После выяснения исторического положения элемента =гу, =егу остается только констатировать, что морфема =ги, =еги, участвующая в составе указательного местоимения береги (разг. берегу), тээбереги, тетереги // тетерегу, мунегу, онегу и т.п. суть одное и то же , в начале своего существования, вероятно, она выступала в роли усилителя, уточнителя, но затем, в дальнейшем своем развитии, этот оттенок стерлось, а сама сохранилась в морфологической структуре указанных киргизских местоимений.

На основе определения морфологического элементы =гу, =егу киргизское местоимение береги можно расчленить на составные части следующим образом:

бе - ре - ги бе бу? ; =ре =ра // =ре -

аффикс древнего направительного падежа, ср. а - ры (туда, дальше), бе - ри(сюда); древ. т. ташра - в наружу; =ги =гун (монгольская усилительная морфема, участвующая в составе склоняемой основы; см. выше).

Ч. Айтматов атындагы тил жана адабият институту
Кол жазмалар фондусу
Инв. № 5327(2)
Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясы
Гуманитардык жана экономикалык илимдер бөлүмү

Тюркология (2)

~~Тюркология~~ -?

(Из материалов
С. Кудайбергенова)

АННОТАЦИЯ

на работу С.Кудайбергенова "Тюркские числительные". В названной работе автором проанализированы морфологические структуры количественных числительных I-9 и 20-70. Работа выполнена в плане общей алтайистики и она может служить учебным пособием по истории киргизского и других тюркских языков.

С.Кудайбергенов

7 июня 1978г.

Всего 50 страниц

ОТЗЫВ

на работу С.Кудайбергенова на тему "Тюркское числительное"(Исторический очерк) 46 страниц в машинописи).

В советской тюркологической науке вопросы исторической грамматики начали разрабатываться лишь с недавнего времени, а что касается киргизского языкознания, то они в связи с отсутствием письменных памятников продолжают оставаться неразработанными по сей день. Но тем не менее создание исторической грамматики безписьменных языков является одной из актуальных задач современности.

Киргизский язык в своем историческом развитии, как средство общения тоже прошел определенный этап, начиная с момента появления его носителей, сначала в виде диалекта племенного объединения, сложившегося впоследствии в язык народности и затем - нации, который получил всестороннее развитие в советской эпохе. Таков путь его развития в общих чертах.

За период своего существования киргизский язык как в составе тюркской семьи алтайских языков, так и самостоятельно, соприкасался с самими различными этническими группами, которые оставили свои следы в его лексическом составе и грамматическом строе.

Рецензируемая работа доктора филологических наук С.Кудайбергенова представляет собой одну из первых попыток исторического освещения частного вопроса морфологического строя тюркских языков вообще и киргизского в частности. Она посвящена историческому анализу количественных числительных тюркских языков и выполнена в плане общей алтайистики. Работа автора появляется как раз в тот момент, когда идет широкий обмен мнениями относительно вопроса генетического родства алтайских языков. Хотя она изложена автором в научно-популярной форме без полемики, но тем не менее своим острием направлена на вышеназванную общую проблему. Таким образом, указанная работа автора посвящена одной из актуальных тем общей тюркологии и имеет большое практическое значение.Ибо как показывает многолетняя преподавательская практика в высших учебных заведениях,которая проводится

нами среди самих гущ студентов, элементы историзма, имеющие место в лекциях вызывают живой интерес к изучению родного языка. Под этим углом зрения рецензируемая работа полезна для учащихся старших классов и она необходима также для аспирантов и преподавателей школ. Короче говоря, она представляет как раз тот материал, который можно прочесть в широких кругах высших учебных заведений и киргизских школ республики, куда приходится выезжать лекторам-языковедам.

Теперь несколько слов по содержанию самой работы.

Как было отмечено выше, работа выполнена в плане общей алтайистики, и подвергнуты морфологическому анализу тюркские количественные числительные - наименования единиц с I- по IO и названия круглой десятки с 20- по 90 и сто. Как известно в тюркологии эти числительные обычно рассматриваются как корневые слова, нерасчленяющиеся на составные морфемы, на данном этапе их развития. Но автор рецензируемой работы, изучив и сопоставив материалы монгольских и тунгусо-маньчтурских языков, устанавливает общность первичных корней числительных в названных группах алтайских языков и вместе с тем расчленяет на составные элементы их общей морфологической структуры: то-р-т, до-р-бэн (4); гучин, гутин, отуз (30); кы-р-к, хойор, хорин (20); йе-ги-р-ме (20), ал-ты, йе-ти (6,7); сеги-з, то-гу-з (8,9) и многие другие.

Проанализировав морфологические структуры, автор правильно приходит к выводу, что количественные числительные исторически образованы морфологическим, реже синтаксическим способами. В морфологическом же способе большую роль сыграли показатели множественного числа, которые в силу функциональной идентичности приклеивались к первичным корням, и тем самым создавались цельные слова - числительные. Такой обстоятельный и мотивированный морфологический анализ, а также и их этимология несомненно вызовет большой научный интерес для языковедов и читателей. Нам кажется, что они найдут много полезного по истории формирования данного разряда лексики.

Исходя из задачи, которая была поставлена перед автором, работа написана в научно-популярной форме и она расчитана, впервую очередь, на студенческую аудиторию и учителей школ республики. Еще раз подчеркиваем, что работа имеет и теоретическое и практическое значение.

Вышеуказанные значительные достижения, имеющиеся в работе, дают достаточное основание рекомендовать ее к печати и вместе с тем советую автору разработать в будущем те вопросы, которые отмечены в конце рукописи.

К.К.Сартбаев, член-корреспондент АН Кирг.ССР,
доктор филологических наук,профессор

15.III.1978г. Сартбаев

О Т З Ы В

на рукопись С. Кудайбергенова на тему "Тюркское числительное" /Исторический очерк/, 56 страниц в машинописи.

В киргизском языкознании исследования, посвященное к историческому освещению частей речи, до настоящего времи отсутствует, исключение составляет рецензируемая рукопись С. Кудайбергенова. Автор в своей рукописи останавливается на исторической структуре количественных числительных, являющихся одним из видов числительных, и их рассматривает на фоне общей алтаистики. очень важно отметить, что он расчленяет на морфологические элементы числительных таких, как: бир, эки, уч, төрт, беш, алты, жети, сегиз, тогуз, а также названия круглой десятки: жыйырма, отуз, кырк, элүү, алтымыш, жетимиш, сексен, токсон, жуз. Во всех рассматренных случаях он устанавливает общие корни указанных слов в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков.

Вместе с тем, на основе изучения фактов он указывает на древнейший контакт предков голубых тюрков и представителей енисейских языков и роль последних в возникновении и формировании тюркских числительных. Глубокое изучение фактов языка по затрагиваемому вопросу позволило автору прийти к интереснейшему выводу, что в далеком историческом прошлом , весьма возможно в начале нашей эры, отдельные этнические группы так называемых енисейских языков влились в состав древнейших предков тюркских народов. Такой исторический подход несомненно вызовет большой интерес к изучению фактов родного языка.

Исходя из поставленной задачи перед работой, которая расчитана на слушателей среди населения, в первую очередь на учащихся старших классов школ, а также и студентов высших учебных заведений, автор в популярной форме излагает историческую морфологию и этимологии количественных числительных.

Рукопись автора вполне заслуживает рекомендации её к печати.

М. МУРАТАЛИЕВ, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
ИЯЛ АН Кирг. ССР.

30/III 78 год.

Введение

4 Х Экз.

15 -

~~С.Кудайбергенов~~

К происхождению некоторых грамматических форм в алтайских языках

Проблема генетического родства так называемых алтайских языков, к которым относятся тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, еще не получила своего историко-лингвистического освещения. Пока мы располагаем лишь диаметрально противоположными точками зрениями отдельных ученых-языковедов и то вскользь высказанными в связи с рассмотрением частных фактов грамматики и лексики выше названных языков. Насколько нам известно, проблема генетической общности алтайских языков, как таковая специально пока не рассматривалась, хотя она заслуживает специального изучения. ~~В связи с этим, нам кажется, было бы интересным и полезным открыть дискуссию по этому вопросу на страницах журнала "Советская тюркология" с привлечением самых широких слоев специалистов, в первую очередь, историков, археологов, этнографов.~~

Вопрос, которому мы посвящаем эту работу, отнюдь не ставит цели освещения вопросов генетического родства алтайских языков. ~~В ней будет изложена история двух грамматических форм, которые красной нитью проходят во всех подгруппах алтайских языков. При этом~~ Но по мере изучения гражданской истории будет предпринята посильная попытка вкратце изложить вопросы этнического и зонального контакта далеких исторических предков алтайских народов, касающегося периода до сложения их племенных союзов.

Из исторических источников известно, что в III-I в.в. до н.э. в степях Центральной Азии господствовал хуннский племенной союз кочевников. В то время другие племенные союзы, расположенные по соседству с ними, не играли активной роли на международной истори-

ческой арене, в связи с чем упоминание о них до распада хуннского союза кочевников или отсутствует.

Как сообщает специалист по истории хуннов Л.Н.Гумилев, сложение хуннских родов в державу произошло приблизительно в III в.до н.э.[1] Держава хуннов при шаньюе Модэ, который пришел к власти в 206 г.до н.э. занимала обширную территорию и достигла наивысшего могущества. На Западе границей хуннских владений были города-государства Восточного Туркестана, на востоке р.Ляохэ в верховьях которой кочевали племена дунху, монгольского происхождения; на севере владения хуннов достигли озера Байкала; на - юге Китай (территория современной провинции Шаньси, Ордос и Алашань), граница с ним шла вдоль Великой стены.

Этническая принадлежность хуннов до сих пор остается не выясненной, но тем не менее в хуннском объединении, как сообщают историки, преобладала тюркская речь, о чем будет немного ниже, в то время как сяньбийцы в начале своего сложения и существования были монголоязычными. Об этом красноречиво свидетельствует сообщение монгольских историков: племенная группа дунху и вышедшие из нее племена ухуань, сяньби, жужани и ответвления сяньби - мужун, тоба, хайвэнь, кумоси, шивэй и киданьи, по данным источников, связаны между собой общим этническим происхождением, сходством обычаев, языка и литературы... Эта группа племен, как показывают новейшие исследования, вероятно, монгольского происхождения и многоязычная.[3]

1.Л.Н.Гумилев.Хунны в Китае, М.,1974,стр.15.

2.История Монгольской Народной Республики, издание второе, М.,1967,стр.79.

3.Там же, стр.75.

Таким образом, становится ясным, что эти две большие группы племенного объединения различны в языковом отношении: в хуннском обществе преобладала тюркская речь, а в сяньбийском - монгольский язык: "сяньбийцы пользовались монгольским языком, но диалекты его сильно разнились и заимствования из тюркского и китайского языков"...[1]

В то время тюрки еще не сложились в общий племенной союз, а язык, который позже получил название тюркский, существовал. Это говорит о том, что в некоторых случаях язык может возникнуть гораздо раньше общеплеменного объединения. В данном случае так было с тюркским и монгольским племенами и их языками.

Как увидем ниже, языковые взаимосвязи и общность алтайских народов, особенно тюрко-монгольских, восходят к древнему историческому времени, когда еще несформировались и не сложились в единый племенной союз тюрки и монголы. Дело в том, что в I в. н.э. часть хуннов после разгрома их племенем сяньби, слилась с последним и была ими ассимилирована, что отразилось на языке сяньби.[2] После разгрома в 93 г.н.э. северных гуннов и слияния их с племенем сяньби этнический состав последнего изменился. С этого времени под сяньби надо подразумевать не только дунху, но и хуннu, т.е. сяньби стали этнически неоднородным племенем. Это смешение двух племен, как отмечалось выше, нашло свое отражение и в языке[3] (подчеркнуто нами - С.К.).

Из исторических источников известно, что после того, как поединок хуннов и сяньбийцов закончился в пользу последних, хунны

---

1. Л.Н.Гумилев. Хунны в Китае, стр.34.
2. История Монгольской Народной республики, издание второе, стр.75.
3. Там же, стр.83.

образовали четыре ветви, из которых третья, наиболее инертная, осталась на родине и (именно они - подчеркнуто нами - С.К.) смешались с победителями, вследствие чего в сяньбийском языке оказалось огромное количество тюркских слов.[I] Таким образом, в свете исторических данных смело можно утверждать, что тюрко-монгольская языковая общность и этническое смешение их древнейших предков восходят к хунно-сяньбийскому периоду II-III вв. нашей эры. Данное обстоятельство мы считаем первым историческим этапом этнического контакта протомонголов и прототюрков.

Этническое смешение древнейших предков тюрков и монголов наблюдалось и позже, накануне сложения тюркского военно-политического союза племен.

Второй этап этнического контакта тюркоязычных и монголоязычных племен, весьма вероятно, произошел в период господства жужаней, с которыми с конца IV в. до первой половины VI в. далекие исторические предки тюркоязычных племен находились в тесной экономической связи и жили по соседству, что не могло не отразиться как в языке их, так и в этнонимах.

Исторические сведения о жужанах впервые встречаются в IV в. нашей эры. В тот период жужане обитали южнее Гоби. Они относились к монголоязычным племенам и в этническом отношении были ближе к сяньби. Политический центр жужаней со ставкой кагана находился около Хангайских гор. В состав Жужанского каганата входили Монголия, Западная Маньчжурия, и восточная часть современного Синь

I. Л.Н.Гумилев. Хунны в Китае, стр.27.

зян-Уйгурского автономного района. Владения жуаней в У в. простирались на юге до Гоби, на Севере - до Байкала, на Западе - до Харашара и на востоке - до Кореи.[1]

В 30-х годах У века предки тюкю в большом количестве жили в Южной части излучины р. Хуанхэ на территории современной провинции Ганьсу. После разгрома их государства Пинлян в конце 30-х годов У века Китаем предки тюкю откочевали в горы Гаочана, находящиеся к северо-западу от Турфана (нынешнее название их Богдо-ола), которые славились богатством железа. Здесь тюкю, как и обитавшие поблизости некоторые племена теле, занимались кузнечным делом. В этих местах они и приняли наименование "тюркют" или "тюкю".[2] Что касается телесцов, откочевавших также с юго-востока, с западного района Ордоса, в долину Иртыша, в IV в. обитали на севере, в Джунгарии, и распространились до западной Монголии, вплоть до Селенги.[3]

Таким образом, из всего выше сказанного можно заключить, что с конца IV и У вв. определенная часть племен теле и тюкю задолго до сложения их в единый военно-политический союз обитали на предгорьях монгольского и русского Алтая в широком смысле этого слова. С конца IV века до первой половины VI в. алтайские тюркские племена были подчинены военно-административному объединению монголоязычных жуаней.[4] Подвластных алтайских племен

---

1. История Монгольской Народной Республики, издание второе, стр. 84.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней, том первый, Древняя Сибирь, Л., 1963, стр. 269; см. еще: История Тувы, том I, М., 1964, стр. 59-60.
3. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, М. 1967, стр. 13, 16.
4. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М.-Л., 1953, стр. 80.

жжани эксплуатировали в качестве ремесленников по производст оружия и других металлических изделий.[1] Контакты, которые длились в течение полутравеков, несомненно оставили следы в языке и, возможно, этнические.

Третий этап этнического контакта древнейших предков представителей тюркоязычных объединений с историческими предками монголоязычных племен непосредственно связан, как нам кажется, с историей рода, основавшего военно=политическое племенное объединение „тюркют", а в китайской передаче -тюкю". "Это и есть так называемые древние тюрки. Отсюда произошло название тюркской группы языков"[2] Известно, что в истории Центральной Азии и Южной Сибири играли большую роль в УI-УIIвв. н.эры тюкю и теле - два крупных племенных объединения[3], - и они положили начало сложению тюркского военно=политического племенного союза. Из этих перечисленных племенных объединений в данном случае нас больше интересует история происхождения или обоснования объединения тюкю, которое имеет непосредственное отношение к нашей теме.

При внимательном изучении исторических источников и из сопоставления фактов и событий выясняется, что тюкюйское объединение, которое в дальнейшем развилось в племенной союз и легло в основу древних тюрков как один из его этнических компонентов, оказывается обязано своим происхождением сяньбийскому племенному союзу. Этот момент, который часто оставался вне поля зрения многих историков, получил свое отражение в одной из работ Л.Н.Гумилева. Он, как историк, основательно изучивший

1.История Монгольской Народной республики, издание второе, стр.84.

2.История Сибири с древнейших времен до наших дней, том первый, Древняя Сибирь, стр.267.

3. см.Л.П.Потапов.Очерки истории алтайцев,М.-Л.,1953,стр.13

первоисточники по истории хуннов, пишет по затронутому вопросу, что "Среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими северного Китая, находились пятьсот семейств Ашина, обитавших в Западной части Шэньси, отвоеванной в IУ в. у китайцев хуннами и сяньбийцами. Когда в 439 году тобасцы победили хуннов и присоединили хэси к империи Бэй, то князь Ашина с пятьюстами семействами бежал к жуаньцам и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жуаньцев".[1] Род Ашина с этнической стороны принадлежал к сяньбийцам: "В 439 году сяньбиец Туфа Чань Ни увел небольшую группу своих соплеменников в Центральный Тибет, а другой сяньбиец, Ашина, с отрядом из "пятисот семей" откочевал в Восточный Алтай. Обе группы беглецов дали начало могучим державам средневековья: Тибетской империи и Тюркскому каганату" (курсив наш - СК). Предгорья монгольского Алтая, куда попали беглецы, были населены племенами, происходившими от хуннов и говорившими на тюркских языках. С этими аборигенами слились дружинники князя Ашина и наделили их именем, "тюрк" или "тюркют".[3] Надо полагать, продолжает ученый свое рассуждение, что к середине УI века члены рода Ашина и их спутники были совершенно отречены и сохранили следы монголоязычия лишь в титулатуре, которую принесли с собой.[4]

Нам кажется, что выше приведенные выдержки не нуждаются в каких-либо комментариях. Из дальнейшего хода исторических событий известно, что основатель Бумын, подпредводительством которого было завоевано освобождение древних тюрков от подчинения жуаней, происходил из рода Ашина. Правители как первого, так и

1. Л.Н.Гумилев. Древние тюрки, стр.22.
2. Л.Н.Гумилев. Хунну в Китае, стр.235.
3. Он же. Древние тюрки, 24.
4. Там же, стр.24.

второго тюркского каганатов в преобладающем большинстве случаев выходили из рода Ашина. Иначе говоря, род Ашина представлял собой в известной степени династию тюркских каганов. Члены рода Ашина "пятьсот семейств" на первых порах своего пребывания в тюркоязычной среде безусловно общались между собой на монгольском языке. Но в дальнейшем они усвоили тюркский язык и ассимилировались тюрками, ибо через сто лет, т.е. к 546 году, когда последние выступали уже как народ, они вместе с местным населением, преимущественно выходцами из Алтая, представляли единое целое, которое вошло в историю под названием "тюрк" или "тюркют".

По нашему мнению, заслуживает особого внимания утверждание о том, что этнический состав сяньби сильно изменился в связи с большим притоком хуннов и с конца I в.н.э. "под сяньби надо подразумевать не только дунху, но и хунну".[1] Следовательно в тот период сяньби представляли собою некое промежуточное звено, совмещающее в себе элементы монгольской и тюркской речи. По словам Л.Н.Гумилева, сяньбийский язык, т.е. древнемонгольский был межплеменным языком, когда к VI в. тюрки вышли на арену истории всем его представителям он был понятен и пользовались ими.[2] Это этническое смешение как бы дало начало общности древнемонгольского и древнетюркского языков, но в дальнейшем в силу сложившихся исторических обстоятельств их кратковременный "супер этнос" в тюркской языковой среде прекратился. На этом основании, с долей некоторой вероятности, можно допустить, что между тюркскими и монгольскими языками в глубокой древности, в определен

Св. V–VI?

1. История Монгольской Народной Республики, издание второе, стр.82.
2. Л.Н.Гумилев. Древние тюрки, стр.22.

ные отрезки времени существовала этническая общность которая не получила дальнейшего развития в той мере,в какой наблюдалась в период господства сяньби.

А ведь известно, что племенной союз сяньби, который совмещал в себе элементы монгольской и тюркской речи, этнически был неоднородным племенем. В их состав наряду с собственно сяньбийскими этническими ответвлениями, которые были перечислены выше, могли проникнуть также представители, говорившие на тюркском наречии и имеющие преемственную связь с древними хуннами. Этнические контакты тюркоязычных и монголоязычных представителей особенно усилились до и после сложения тюркского племенного объединения. Древние тюрки имели непосредственное общение с некоторыми из них например с жуанями и киданями. Наоборот, некоторые монголоязычные племена дали начало образования некоторых тюркских племен.

Все эти моменты этнического контакта древнего периода безусловно имеют важное значение для определения языковой и некоторых этнических общностей древних монголов и древних тюрков, образцом которого являются памятники енисейско-орхонской письменности.

Другой ветвью алтайских языков считаются тунгусо-маньчжурские группы.Согласно историческим сообщениям Центральная Азия и Дальний Восток, к северу от р.Хуанхэ, являются родиной тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов.[1] В начале I века н.э.на территории советского Приморья и соседних с ним

1. см.Э.В.Шавкунов.Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, Из-во "Наука",Л.,1963,стр.3.

районах Дальнего Востока обитали племена илоу, основная масса которых находилась в бассейне р.Сунгари. Начиная с III в. н.э., со страниц письменных источников исчезает название илоу, на смену им приходят сначала сушень, затем мохэские племена,[1] которые являются историческими предками тунгусо-маньчжурских народов.[2]

Как сообщают исторические источники, этнические контакты между монголоязычным и тунгусоязычным племенами восходят к далеким историческим временам. Этот контакт выражался прежде всего ввиде смешения сяньби с местными племенами илоу, затем и мохэ. Дело в том, что после ожесточенной борьбы хуннов и сяньби, которая происходила на рубеже II и III вв. На территории современного Северо-Восточного Китая, какая-то часть сяньбийских племен проникает на территорию расселения илоуских племен. Последние впоследствии вошли в состав пришлых племен и затем были ими ассимилированы.[3] Экспансия сяньбийцев имела огромные последствия, и она внесла глубокие изменения как в экономику, быт, так и в этнический состав древних племен, населявших Монголию, Восточную Сибирь и Дальний Восток, где приблизительно с конца II в.н.э. наблюдается широкое расселение древних тунгусо-маньчжурских и монгольских племен.[4]

---

1. Там же, стр.18,20,22-23.
2. Там же, стр.57-58.
3. Там же,стр.23-24,118.
4. Там же,стр.25,119.Об этнической близости потомков сяньбийцев и илоуских племен см также: История Сибири, с древнейших времен до наших дней, том первый,Древняя Сибирь, стр.307-308.

II.

Выше названное этническое смешение, как показывают источники, не ограничились простым ассимилированием племен илоу с пришлыми народами - сяньбийцами. Между ними происходил и обратный процесс, который проявился в том, что после окончательного распада сяньбийцев на ряд мелких племенных объединений, последние дали начало образования таких современных тунгусо-маньчжурских народностей, как ороки, орочи, орочёны.[1] Кроме того в родовом составе ряда тунгусо-маньчжурских народностей - в наименовании маньчжурских и родственных им племен, а также и в названиях ульчских и нанайских селений, и некоторых эвенкийских родов очень часто встречаются этнонимы монгол, монгор, монголчжи, монго и маньго и т.п., которые, по мнению Э.В.Шавкунова, "говорят в пользу общего происхождения современных эвенков и древних мохэ от сяньби".[2]

Изучая историческую литературу и сопоставляя факты, изложенные в ней, мы склонны считать, что этнические контакты, кровно родственные смешения тюркоязычных и тунгусоязычных групп произошли, по всей вероятности, в первую очередь через сяньбийцев. К этому выводу приводит нас, как от отмечалось выше, то, что, часть хуннов слилась с сяньбийцами, а с последними была ассимилирована также часть илоуских племен.[3] На основе всего выше изложенного можно рассматривать тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки как дальнеродственные, этнические[4]

---

1. Э.В.Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, стр.25-26.
2. Там же, стр.28.
3. Э.В.Шавкунов. Указанная работа, стр.118.
4. Вместе с выше изложенными заслуживает особого внимания происхождение этнонима современного эвенки от древнего слова сяньби через кетское название хэвенки, т.е. эвенки < хэвенки < сяньби; об этом см. Э.В.Шавкунов. Там же, стр.25.

связи которых обусловлены были историческими обстоятельствами в глубокой древности.

Следует отметить, что политические и территориальные контакты Второго Восточного тюркского каганата, а затем Уйгурского каганата, часть владения которого входила одно время даже в состав мохэского государства Бохай,[I] очевидно, не внесли каких-либо существенных изменений в грамматический строй соседствующих языков.

В виду того, что грамматические факты, о которых будет идти речь ниже, уже бытовали в речи древних тюрков, мы ограничились изложением исторических данных, касающихся дословения каждой группы алтайских племен в военно-политические объединения и весьма вероятно, что именно они могут пролить свет на общность некоторых древних форм современных семей алтайских языков.

В свете выше изложенного краткого исторического экскурса в этнические и зональные контакты древнейших предков современных тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов, населявших восточную часть Центральной Азии, нам хотелось бы высказаться относительно происхождения аффикса местного падежа и притяжательной формы 3-го лица единственного числа в так называемой алтайской группе языков.

Общеизвестно, что некоторые морфологические элементы исторически восходят к отдельным словам, имеющим знаменательное значение, хотя этот путь считается не единственным в отношении происхождения морфологических формантов. К числу аффиксов, возникших от самостоятельных слов, относится, по нашему мнению,

---

I. Э.В.Шавкунов. Указанная работа, стр.45,47,57.

и аффикс местного падежа.

В современных тюркских языках аффикс =да является грамматической формой местного падежа и указывает, главным образом на местонахождение предмета. В языке енисейско=орхонских памятников местный падеж имел более широкое значение и поэтому указанный формант выполнял не только функции местного падежа, но и исходного. Вместо последнего падежа// употреблялся также и дательный. Короче говоря, функцию исходного падежа выполняли другие пространственные падежи. В языке выше названных эпитафий исходный падеж употреблялся очень редко, весьма вероятно, что в то время он находился в стадии становления: огуздантан - от огузов (Тон.), тащдыктан - снаружи (МЧ,28), өндин - с переди (МЧ.6) и др.

В упомянутых памятниках сами формы пространственных падежей также дифференцировались нечетко. Форма одного падежа могла выступать вместо другого. Так, хотя в то время формы местного и дательного падежей уже были грамматически стабилизированными, в семантическом отношении еще наблюдался разнобой в них; в некоторых случаях допускалось параллельное употребление обеих форм при одном и том же значении. Правомерно было двоякое написание: Кырк йашымда адырыдым. - В сорок лет я отделился.[1] йетмиш йашымка адырылтым - На шестьдесят третьем году жизни я отделился.[2] В приведенных словах аффиксы =да и =ка имеют одно и то же значение, хотя они являются показателями двух различных падежей, вместо которых в других// алтайских языках, как увидим ниже, употребляется одна грамматическая

I. Памятники древнетюркской письменности Тувы, выпуск I, Кызыл, 1963, стр. 56.

2. Там же, стр. 59.

форма.

Интересующий нас формант =да//=де, наличествует также в монгольских, тунгусо=маньчжурских языках, и в большинстве случаев он имеет недифференцированное падежное значение.

Как сообщает Б.К.Тодаева, в монгольском языке нет отдельно употребляемых падежей - дательного и местного. Они формально не различаются, т.е. вместо дательного и местного падежей в нем существует одна общая форма, оканчивающаяся на аффиксы =д, =т. Дательно=местный падеж отвечает на вопросы кому? чему? где?: жил - год, жилд - дат.=мест.п.; орон - место, оронд - - дат.=мест.п.[1] и др.

В бурятском языке =да//=де также является аффиксом дательно =местного падежа: булагта - в источнике, источнику от булаг; модондо - дереву, в дереве от модон.[2]

Грамматический формант, о котором идет речь, присутствует как часть целого в грамматическом строе тунгусо=маньчжурских языков. В преобладающем большинстве тунгусских языков он известен в форме =до//=ду, в маньчжурском =дэ и считается показателем дательного падежа, исключение составляют только языки эвенкийский и негидальский, в которых =ду//=ту используется как аффикс дательно=местного падежа:[3] эвенкийск бираду в реке, реке.[4]

1.Б.Х.Тодаева.Грамматика современного монгольского языка, фонетика и морфология, М.,1951,стр.60.

2.Н.Н.Поппе.Грамматика бурят=монгольского языка,М.-Л.,1938 стр.122.

3.Г.М.Василевич.Грамматический очерк эвенкийского языка, приложенный к "Эвенкийско=русскому словарю",составленному Г.М.Василевичем, М.,1958,стр.754. см.еще:Языки народов СССР, том пятый, монгольские, тунгусо=маньчжурские и палеоазиатские языки,Л.,1968,стр.113.

4.Там же, стр.73.

Таким образом, как видно из примеров, в тунгусской группе языков формант =до//=ду аналогичен по форме и содержанию тюркскому и монгольскому =да, который выступает также в значении местного или дательно=местного падежей. Такое морфологическое и семантическое совпадение данного аффикса в трех группах языков не случайно. Подобное совпадение бесспорно говорит об общности названного показателя в упомянутых нами языках и вместе с тем позволяет думать о происхождении их от единого источника. По нашему мнению таким первоначальным источником было слово до со значением внутренность. В таком виде оно сохранилось в ряде тунгусских языков, как негидальский, эвенкийский, орокский, удэгейский, маньчжурский; этому слову соответствует в ульчском, нанайском языках дони, в удэгейском еще и донигн. В перечисленных языках названные слова обозначают внутренность, содержимое, а в эвенкийском данное слово имеет форму дō(н) в значении нутро, внутренность.[I]

Касаясь вопроса происхождения аффикса дательного падежа в нанайском языке, В.А.Аврорин пишет: "... есть все основания предполагать, что современный суффикс =до//=ду как формант дательного падежа, обозначающего прежде всего место нахождения предмета (в чем? на чем?)... . произошел от существующего до сих пор, в нанайском языке существительного до внутренность, внутренное пространство, которое чаще всего употребляется в роли служебного слова послеложного характера".[2]

I. см. Г.М.Василевич. Эвенкийско=русский словарь, М., 1958, стр. I2I
2. В.А.Аврорин. Грамматика нанайского языка, том первый, фонетическое введение и морфология именных частей речи, стр. I72.

Данное высказывание проф.В.А.Аврорина в полне приемлемо в освещении истории тюрко=монгольского варианта аффикса =да, и оно в значительной мере подкрепляет нашем мнение о происхождении аффикса современного местного падежа и его общности с алтайскими языками. В тюркских языках, очевидно, названный формант вначале выступал в общепространственном значении, в котором грамматически не дифференцировалось понятие местонахождения, направления и исходный пункт движения предмета. В енисейско=орхонских памятниках мы встречаем его уже как оформившуюся морфологическую форму местного падежа, но еще с широким диапозоном семантического характера, что было продемонстрировано нами выше на конкретном факте енисейско=орхонских памятников. Испольвование аффикса =да в значении местного и местно=исходного и даже иногда местно=дательного падежей в языках древних тюрков следует рассматривать как остаточное явление, общепространственного прежнего значения, существовавшего за долго да енисейско=орхонских памятников.

Из вышеприведенных фактов следует, что в древнетунгусо=маньчжурских языках существовало именное слово до с пространственным значением, а затем постпозиционное употребление привело к тому, что с начала оно выполняло функции служебного слова с уточняющим значением местонахождения предмета, а впоследствии в ходе дальнейшего развития названное слово постепенно превратилось в морфологический формант, функционирующий в качестве аффикса одного из пространственных падежей, следы которого до настоящего времени сохраняются в тунгусо=маньчжурской группе, в так называемых, алтайских языках.

Из материалов древнетюркских языков известно, что самым молодым являлся исходный падеж (раньше его функцию выполняли

местный и дательный). Академик А.Н.Кононов обратил внимание на происхождение аффикса исходного падежа. Он приводит мнение тюркологов, расчленяющих форму =дан на =да +=н.[1] Нам кажется, что А.Н.Кононов делает это не без основания. В эвенкийском языке, относящемся к северной группе тунгусо=маньчжурских языков, имеется суффикс =дук, и он выступает как форма отложительного падежа и по значению соответствует исходному падежу в тюркских языках: эвенк.дюдук - из дома (<дю -юрта; чум; дом), амуттук - из озера (<амут - озеро). Если учесть то обстоятельство, что =ду в некоторых тунгусо=маньчжурских языках является показателем дательно=местного падежа (эвенкийский) или просто дательным (нанайский, ороченский и др.), то выше упомянутое =дук приходится считать морфологически осложненной формой того же форманта =до//=ду. В полном соответствии с ними находятся и тюркские грамматические формы местного и исходного падежей =да и =дан, из которых последняя исторически восходит к тунгусской форме =дук, которая на почве тюркских языков приняла форму =дан, изменив при этом конечный "к" в "н".

Из всего вышесказанного можно заключить, что тюркские формы местного и исходного падежей и дательно=местного в монгольских языках абсолютно тождественны и генетически родственны с аналогичной формой в тунгусо=маньчжурских языках, прототипом которых является некогда существовавшее общеалтайское слово до//ду.

В связи с историей аффикса =да//=де попутно заметим, что в тюрко=монгольских языках показатели других пространственных

---

[1] А.Н.Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, М.-Л., 1956, стр. 96.

и грамматических падежей являются общими для названных подгрупп данной семьи алтайских языков. Для такого вывода достаточно сравнить такие факты как: сн.=орж. эл=иц род.п. от эл - племенный союз, государство; ата=ныц род.п. от ата - отец; будун=ыт вин.п.от будун - народ, ат =ыг вин.п.от ат - лошадь, кис = иг вин.п.от киси - человек; эw=герӱ напр.п.от эw - дом, каган=гару напр.п.от каган - хан, йогору напр.п от йок +гару, ср.йуклатты - поднял наверх (МК.П,410); хак. чыкта - идти вверх по реке, напротив течения. Все эти падежные аффиксы, употреблявшиеся в языке древних тюрков, находят полную аналогию в современных монгольских языках: мон. мал=ын хашаа - скотный двор, сукбаатыр =ын талбар - площадь сухэ =Батора; домбын род.п.от домбо - кувшин; буурын род.п.от оро - олень; эхын род.п.от эхэ - мать; ханын род.п.от хана - стена; поезд =ын род.п.от поезд; мон.номыг вин.п. от ном -книга, хутгыг вин.п.от хутга - нож. „В монгольском отсутствует отдельно выраженный направительный падеж и дательный со значением направления. Вместо них в нем употребляется аффикс =руу//=рӱ, указывающий на направление действия".[1] Данный форманг соответствует значению древнетюркского направительного падежа на =гару, и на =ра//=ре, =ару (<=гару), которые в современных языках сохранились в составе наречия места типа илгери - вперед, тышары - наружу, ары=бери - туда и сюда идр.

Рассмотрение падежной системы в тюркских и монгольских языках выходит за рамки данного сообщения. Но тем неменее приведенные выше факты бесспорно свидетельствуют об общности падеж-

---

I.Б.Х.Тодаева.Грамматика современного монгольского языка, фонетика и морфология, стр.61.

ных форм в названных языках, которая требует специального изучения.

В тюркских языках проблематичной остается также и происхождение аффикса принадлежности 3-го лица.

В тюркологический науке давно установлено, что аффиксы принадлежности первого и второго лица единственного и множественного чисел восходят к личным местоимениям тех же лиц и это точка зрения разделяется всеми тюркологами. Мнения тюркологов расходятся относительно происхождения притяжательного аффикса третьего лица, и в связи с этим существуют различные гипотезы. Насколько нам известно, ближе всех советских тюркологов подходит к истине по этому вопросу интерпретация профессора Н.К.Дмитриева, согласно которому тюркские аффиксы принадлежности 3-го лица =ы(н) и =сы(н) генетически родственны с монгольским местоимением ину, представляющим собой древнюю форму родительного падежа личного или указательного местоимения ину.[1]

Материалы тунгусо-маньчжурских языков убеждают нас в том, что первоначальный источник, от которого возник аффикс принадлежности 3-го лица в тюркских языках, также является общим для алтайских языков.

Лично-притяжательные аффиксы 3-го лица по своему происхождению принципиально не отличаются от остальных аффиксов принадлежности. Они также восходят к лично-указательным местоимениям, некогда существовавшим в тунгусо-маньчжурской группе алтайских языков.

---

[1] Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка, М.-Л., 1948, стр.65.

А.Ф.Бойцова обратила внимание на тождественность лично=притяжательных аффиксов 3-го лица в тунгусских языках с личным местоимением и - он, чэ - они в маньчжурском, которое до настоящего времени используется для того же лица.При этом связывающим звеном тунгусских притяжательных аффиксов с маньчжурским местоимением она считает нанайскую форму принадлежности на =чи. Добавим, что в орокском языке аффикс принадлежности 3-го лица множественного числа тоже имеет форму =чи при =ни ед.числа того же лица. Таким образом, с маньчжурским местоимением 3-го лица множественного числа чэ структурно схожи не только нанайская, но и орокская формы принадлежности того же лица. При этом необходимо подчеркнуть, что нанайские и орокские притяжательные аффиксы 3-го лица обоих чисел абсолютно тождественны между собой как по форме, так и по содержанию.

Точказрения А.Ф.Бойцовой, которая продолжает оставаться вне поля зрения наших тюркологов, целиком и полностью разделяется таким крупным специалистом тунгусских языков, как проф. В.А.Аврориным.[2] Между тем ее мнение натолкивает также на мысль о генетическом родстве выше указанных форм с тюркским притяжательным аффиксом 3-л.ед.числа.)

В.Котвич, занимавшийся вопросами местоимений в алтайских языках, задолго до появления работы А.В.Бойцовой высказал ценные соображения относительно этой группы лексики. Вместе с тем он не отрицал в принципе возведения тюркского =ы//=и,тунгусских

1.А.Ф.Бойцова.Категория лица в эвенкийском языке,М.-Л.,1940 стр.123.

2.В.А.Аврорин.Грамматика нанайского языка, том первый,фонетическое введение и морфология именных частей речи,М.-Л.,1959, стр.152-153.

аффиксов принадлежности 3-го лица ед.числа =н,=ин,=ни, =нин к общеалтайскому указательному местоимению и, которые сохранилось в маньчжурском языке, и,по сведениям А.Ф.Бойцовой, оно некогда существовало и в древнетунгусском языке.

В целом мнения В.Котвича и А.Ф.Бойцовой расходятся только в части происхождения формы множественного числа аффиксов принадлежности 3-го лица, о чем речь будет немного ниже.

Из всего выше изложенного ясно одно, что притяжательные формы 3-го лица в тюркских языках также, как и аффиксы первых двух лиц, восходят к местоимению, которое употребляется до настоящего времени в маньчжурском языке в виде и- он, чэ - они.[1] Нам представляется, что с (в тюркском =сы//=си), ч (в маньчжурском местоимении чэ) и т [в тунгусском местоимении мит - мы и в афф. притяжении 3 л.мн.ч. =ти(н)] являются звуковыми соответствиями перечисленных форфем.Тунгусский вариант аффикса принадлежности 3-го лица множественного числа =ты, оказавшись в тюркской среде языков, мог принять форму =сы, потеряв при этом прежнее значение множественности, он впоследствии начал соединяться к именам, оканчивающим на гласный звук, тогда как =ы//=и употребляется с согласными основами.Так возникло два варианта одного и того же аффикса в тюркских языках.Звуковые варяации с~т~ч находят подтверждение в орокском языке, где аффикс принадлежности 2-го лица единственного числа имеет форму =си//=ти//=чи при личном местоимении того же лица си~сии[2] (ты).

1.Захаров Иван.Грамматика маньчжурского языка,СПб.,1897, стр.108.

2.см.сб.Языки народов СССР,том первый,монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки,стр.175,180.

Предположение о существовании звуковой вариации с~т~ч приводит к мысли о генетическом родстве аффиксов принадлежности =сы и =ты в тюркских и тунгусских языках, причем оно имеет под собой реальную почву.

Мнения алтаистов-тунгусоведов расходятся, как отмечалось выше, по вопросу происхождения множественного числа аффиксов принадлежности 3-го лица.

В.Котвич рассматривает возникновение формантов =сн//=си и =ты (н)//=ти (н) (афф. принадл. 3-л.мн.числа) отдельно от личного местоимения чэ, употребляемого в маньчжурском языке как множественное число 3-го лица. По его мнению, элемент "с" в тюркском аффиксе =сы//=си является старым формантом множественного числа, развившимся из *δ>з>с, а "т", который присутствует в составе формы принадлежности 3-го лица мн. числа тунгусского =ти(н) и в местоимении мит - мы, образованными также, как тюркский "с" в аффиксе =сы//=си. При этом он считает идентичным тунгусский т ==тюркский с. Это предположение, высказанное им, не распространяется на множественное число маньчжурского личного местоимения чэ, возникшего по В.Котвичу, из указательного местоимения ти, существовавшего вместе с и (тоже указательное местоимение), из которых первое встречается в монгольских и тюркских языках.[1]

Нам представляется, что причина множественности аффиксов тунгусского варианта принадлежности =ти(н)//=ти(н) и тюркского =сы//=си, в последнем из которых В.Котвич видит древний формант множественного числа, кроется именно в местоимении чэ, имеющем то же грамматическое значение, что и аффиксы =ты,

1. подробно см. В.Котвич. Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 178-180.

=сы. Прямственная связь идеи множественности местоимения чэ сохранилась в тунгусских языках, когда оно превратилось у них в грамматическую форму лично=притяжательных аффиксов того же лица, а в тюркских языках совершенно потеряло прежнее значение, вместо не осталось только фонетически измененная форма.

В данном сообщении мы воздерживаемся от лингвистического анализа местоимения чэ, исторически являвшегося основой грамматических формантов принадлежности, ограничимся возведением к нему аффиксов =сы//=си и =ты//=ти, генетическое родство которых с нашей точки зрения, не вызывает сомнения. Этот факт вместе с другими данными грамматического порядка свидетельствует о былой общности алтайских языков и вместе с тем они являются лишь частью общей проблемы, которая продолжает оставаться нерешенной и требует всестороннего специального изучения.

Местоименное происхождение тюркского аффикса =сы//=си подтверждается и особенностью склонения имен, снабженных формами принадлежности 3-го лица, о чем мы намерены говорить ниже.

В современном маньчжурском языке действительно имеются местоимения, которые употребляются в качестве личного местоимения третьего лица и различаются по числу, имея при этом разные формы, очевидно, восходящие в разным корням=источникам. Особенностью маньчжурского личного местоимения 3-го лица является то, что они имеют две формы, одна из них употребляется в именительном падеже, другая служит склоняемой основой для окончаний косвенных падежей. Их суть такова: и ~~и~~ ини 'он', чэ-чэн 'они'.

Нечто иное наблюдается и в склонении имен, снабженных аффиксами принадлежности 3-го лица в тюркских языках. Нам кажется, что в тюркских языках притяжательное склонение обладает единой системой и оно также имеет две основы: =сы//=си для именительного падежа и =сы//=син для косвенных падежей, что характеризует собой супплетивную основу. Эта склоняемая основа красной нитью проходит через всю систему притяжательного склонения. Наличие двух основ в маньчжурском местоимении и, чэ и в тюркском, притяжательном склонении, вероятно, представляет собой косвенное доказательство их генетического родства в далеком прошлом.

В связи с единой системой падежных форм притяжательного склонения в тюркских языках нам хотелось бы остановиться также на одном немаловажном вопросе, касающемся изучения истории грамматического строя.

Как известно, в тюркских языках различаются два типа склонения - южный и северный, морфологическая характеристка которых с достаточной полнотой изложены в тюркологической литературе и поэтому не имеет смысла останавливаться на них. В Киргизском языке, который относится к северной группе тюркских языков, личные местоимения ед.числа, а имена, снабженные аффиксами принадлежности 3-го лица, от части и указательные местоимения по склонению составляют единое целое и по парадигме относятся к южному типу склонения, что видно из изменения их по падежом:

И. мен	бу(л)	аты	атасы
Р. мен-ин	мун-ун	ат-ын-ын	ата-сын-ын
Д. ма-га	бу-га	ат-ын-а	ата-сын-а

В.мен-и	мун-у	ат-ын(ы)[I]	ата-сын(ы)
Т.мен-де	мын-да	ат-ын-да	ата-сын-да
П.мен-ден	мын-дан	ат-ын-(д)ан	ата-сын-(д)ан.

Как и другие грамматические формы, падежные аффиксы являются продуктом ряда эпох. Весьма вероятно, что присоединение их к отдельным лексическо-грамматическим подгруппам слов во временном отношении тоже было неодинаковыми и морфологически они не сразу стали такими, какими являются на современном этапе. Особенности окончании выше названного типа склонения как раз и отражают ту стадию развития падежных форм, которая проходила на протяжении различных периодов их жизни. Что касается наличия так называемого, южного типа в названных группах слов языков северной группы, то они свидетельствуют о глубокой исторической общности, когда общетюркский язык вместе со своими племенными диалектами не был еще разделен на самостоятельные языковые подгруппы. Они как остаточные явления сохранились в склонении личных местоимений ед.числа в обеих группах современных языков.

Нам кажется, что это абсолютное тождество, проявляющееся в указанных лексико-грамматических группах двух больших языковых объединений в учетом материалов якутского языка, в котором

I.Данный формант =ы встречается в говорах южного диалекта киргизского языка и по отношению к предыдущему =н, употребляемому как литературная форма того же падежа, находится в положении фузии. Весьма вероятно,что он исторически представлял собой усеченную форму древнего =ын,который в языке енисейского и орхонского памятников присоединялся к словам с аффиксами принадлежности I-3 лица.

сохранились следы древних явлений в склонении, может пролить свет на вопрос происхождения падежной системы и их окончаний в тюркских языках.

Какого бы происхождения ни были, с нашей точки зрения, аффиксы с гласными началами для названных групп слов заслуживают особого выделения как одна из равновидностей показателей грамматических падежей в общей системе их формантов в языках северной группы.

С.Кудайбергенов, доктор филологических наук, руководитель сектора современного киргизского языка Института языка и литературы АН Киргизской ССР.

15 декабрь 1975 г.

В современном кетском языке наряду с местоимением эйнэ (что?) в его диалектах можно встретить не (что?), последнее является значительно старшим и к тому же древним, так как оно носит общедеркский характер и было зафиксировано еще в языках енисейских древнекетских памятников. В этом плане можно утверждать, что в общенародном кетском языке сохранились древняя и современная формы местоимения "что", одна из которых употреблялась в языке древних кетов, другая ~~употребляется~~ в данную ~~речь~~ языковую на данном этапе его развития, происхождение которого ~~несколько отличается от~~ необычное, но всё же встречается в некоторых происхождения ~~развития~~ слов и африканских народов (напр. ср. выше тюркским "эйнэ").

Местоимение не главным образом употребляется в речи представителей южного диалекта кетского языка, но его можно встретить и в устной речи северян, т-е.

у носителей речи северного ~~ар~~ диалекта того же языка. Различие этих двух модификаций заключается в том, что эзне ~~(т.е. севре)~~ является литературной нормой и активным по отношению ~~эзи~~ не, тогда как последнее стремясь диалектным явлением обычно и носит в себя пассивный характер. Причиной такого неравного соотношения, очевидно, является ~~является~~ продуктивность, эффективность использования модификации эзне. Указанные эти характеры обычно пребывают в непродуктивность, ~~даже~~ вплоть до вымирания одного из двух модификационных показателей или лексем, что было рассмотрено нами выше.

Вот некоторые примеры на древнее модификация не: Шаирда не кеп бар — Какие новости в городе? Муну дербей конп не мурадка жересиз — Не зная это, что ты сделаешь, ближ. какие дела. Не телгише. Коз не бар уклиштерды кодоб — Какого только дива не увидят глаз. Иеи болсо ла — что бы там ни было, что ни говори (К.К. то Дахин) и т.д.

Местоимение не для истории кыпчакского языка вообще, ~~это~~ оно имеет производные черты, которые когда-то были характерны в языках средневековых тюрков, к таким лексемам относятся нечук (почему, для чего, зачем), немик (почему, для чего).

Попытаемся проанализировать каждое из перечисленных в древности.

Местоимение нечук нашло себя отражение в языках средневековых памятников, вследствии в "Диване" Махмуда Кашгарского и имело значение в древности отчего? почему?; и как, каким образом?: Нечук бардынг — Зачем ты ходил (I, 373). Эх тюрк нечук тутар биз — Как удержим мы царство и закон? (КР 9; ДВ с. 357).

Местоимение нечук по своей морфологической структуре, с нашей точки зрения, соотносится (со словом канчук — куда (канчук качар ол тутар — куда враг ни бежал, он хватал его; МК. I, 203; ДВ с. 418); ср. канча (вопрост. и относ. (н.) — куда (канча бардынг — куда ты ушел; МК. I, 104; ДВ с. 418); калы — как, каким образом? бу сен бу ишыг калы кылдынг — как ты выполнил эту работу

(Мк. III, 252; ДЗЧС. 411); калы канча — как и где? (ДВ; ДЗЧС. 411).

Из рассмотренных фактов не вызывает сомнения о генетическом единстве формантов =чук в качук (куда?) и =чук в местоимении нечук (чего? почему?; как, каким образом?); оба аффикса они между собою сближаются только в согласовке гласных звуков, и представляют собою варианты одного и того же аффикса, этимологическая связь их со знаменательным словом прослеживается в местоимении качук нетем в нечук (см. выше под словом канча). Присоединяя аффикса формата =чук в качук местоимения, слово йак (~чак) в браке скажут, что нечук

[illegible]

насколько обнаруживается, что связь обнаруживается его аффикса =чук с первоначальным источником лишь только на фоне сравнения со словом качук, которое позиционно близко находится к слову, к

корпусу восходит его африкатный элемент.

Если из рассмотренных фактов древних тюркских языков следует другой менее важный вывод, что по африкатной части к выше названным двум словам ~~ч~~ имеет непосредственное отношение местоимение ~~качча~~ кайча, потому, так как кайчук имеет значение "куда?" (см. выше подачки кайча). Это с одной стороны. С другой стороны, ~~нечук~~ и кайы (местоимения) являются лексическими синонимами что легко можно определить по их значению "как, какими образом" (см. выше). Нам представляется, что местоимения кайы ~~было начало обра-~~ ~~зования типа казахского~~, и нечук, видимо, (в прошлом иностранцы (см.) относятся к диалектным явлениям, Этнически принадлежащим крупным племенным объединениям: кайы к группе кипчакских языков таким как казахский, каракалпакский, карачаево-балкарский; нечук

(и карлукско = кыпчакский)

— к огузской группе языков. Например, что имеется в туркменском, турецком, гагаузском, татарском, башкирском, узбекском и уйгурском. По части употребления слов "как, какими образом" (кыргызский язык) ~~особняком~~ особую сохраняет вместе тоже с якутским ~~такими языками~~ как алтайский, хакасский, тувинский, шорский. В этой группе языков вместо нечук, какой употребляется местоимение (наречие) кандит какое-либо из сочетания слов какая эдит.

В заключение отметим, что ~~местоимение нечук~~ (местоимение нечук в кыргызском языке с какой-либо падежной формой) сохранило ~~его~~ почти точно, видимо, оно было вследствие образования слова кандит (как, какими образом), немикен (у МК. Мелек, I, 373) Элле нечук (почему, для чего; зачем). Эти три слова подтверждают выше сказанное мнение относительно замены и вытеснение его образных на второй план, так сказать в пассив каждое наблюдается в употреблении местоимений не и нечук.

(?)

Ыймен – некто; какой; кимге – кто; кимди – какой (МК)

ога (МК)

ыно (МК)

.ыдай.

с отдельной страницы. Дополнение 71
к карточке
ар (каждый, всякий).

В древнетюркских языках определительное местоимение "каждый", "всякий", (переживание в современных тюркских языках посредством арабского кэр, выражалось словом тегме, оно в этом значении зафиксировано в "Диване" Махмуда Кашгарского и в сочинении Кутадгу Билигуского (XI в.): Тегме кишиг ол болмас — Всякий человек не сделает своим (МК. I, 406); тегме туралуг — (старин.) различный (МК. I; ДТС. 548). Сочетание рассматриваемого слова (тегме) с числительными обнаружено и в письменных памятниках древних тюрков, следовательно, можно предположить, что это местоимение не было чуждо и древнему периоду киргизского языка: бир тегме (?) — всего навсего (?); чегирде бир тегме (?) секиз эр эрдимиз — в сражении (?) всего навсего нас было восемь героев (Е. 10.8; ДТС. 101). На основе этих рассмотренных фактов можно утверждать

мысль, что древние языки до проникновения персидского пэр, как и современные тюркские языки, использовали свои внутренние возможности для выражения значения местоимения "каждый", "всякий".

Факты древних языков:

негу кими — кто-нибудь, кто-либо, кто-то, любой;

некими — некто; то, что; любой, всякий (ДПС. 354)

8/I 81

Сведения о местоимении в новой грамматике.

К исследованию

В избранном произведении поэта лукоя Эльбаева сохранение исследование баарбы употребляется в среде баарбы без полного элемента:

... мына бу фельдшер бадалкиин баарбы музыкт тарыын тарыбкейб. (Лукой Эльбав. Танкыган чыгармалардын бир ондук томнык, "Кыргыз" баспасы, Фрунзе, 1974, 375-бет

ам. еще стр. 102

Шол: Кимге чыдаса — шол тиеер (Заголовок в произв. Лукоя Эльбаева. Танкыган чыгармалардын бир ондук томнык, "Кыргыз" баспасы, Фрунзе, 1974, 101-бет.

К предыдущей

лобн. шо – таб
шол – таб, эрз.

лобн. шу – эрз; таб
шуда (д. п.)

лобн. О – он, оный, эрз.
о йон – эта сторона;
оннин (сл. 148)

лобн. ол – он, эрз. (сл. 150)

олгон – сын, молодой человек. (150).
ср. оглан (старый)

= т – аффр. мн. числа : оглад, оглар – дети,
парни сбр

лобн. аскал – старшина
(< ак + сакал.)

аскал
акскал

лобн. ашук – кость в ноге,
бабка; см. ашык.
ашык – щиколотка.

ашык

ол шы бі к : ак
ч ч к θ : кθ

шбі || чч – ка > чуко

кθ
кθ
ка

III

Отдел
неоднократной гидрологии

73. ред. 20 п/л.
исп. сведен о каб. ин

74. ред. лит.; Зам.
кабел. подпись
и введение 2 п/л.

75. Каб. подпись
(Заведующ)
и кабелл приказ.
и писан 2 п/л.

76. редактирует Зам.
накл. 1 п/л.

77 1,5 п/л. Прим.

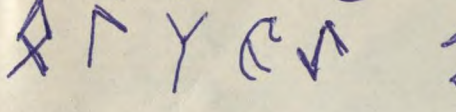
итого 7 п/л.

Сличение подписей 20 п/л.

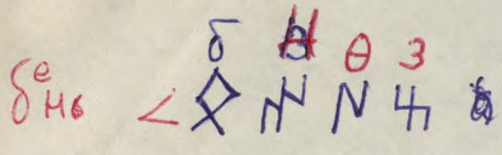
Ах сменил тебе
Семь толщин
Черненарын карай
Тургубу (К. Бекмамб) —
он, противившийся,
побежал из теневой
дороги (от края
теневой дороги)

=ка в Значении = дан:
Литейный артезианский
под суд аб аб — Косарев
села трубчатый бокалов
река (из Значит, разве
Турсунова, ~~отбр~~ спутник
имена — ~~Чаф~~ Сапо

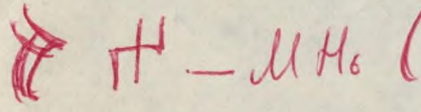
б и л г е т о йкк

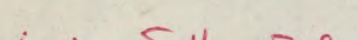
б н θ з м

(Тон. 1-сборка) — бн : бэн

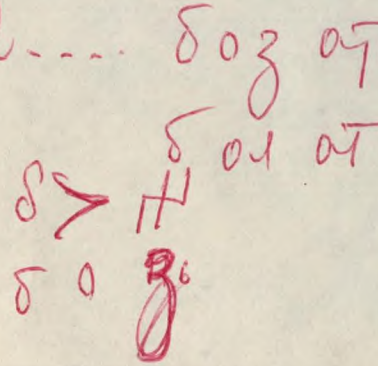
н — мнб (из Суджи) > мэн

бн — б-е. бен (доп. 1)

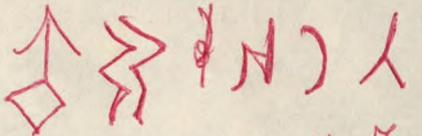
32.... боз оты бинп тегди

бол от анта олч. (кб)

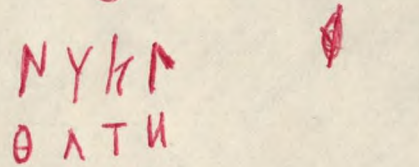

гкун

θтлθ

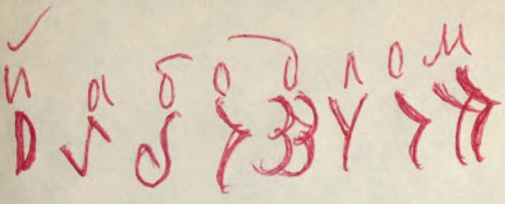

т дб ц н ч у р ц

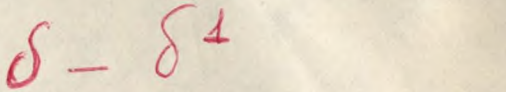

θлти

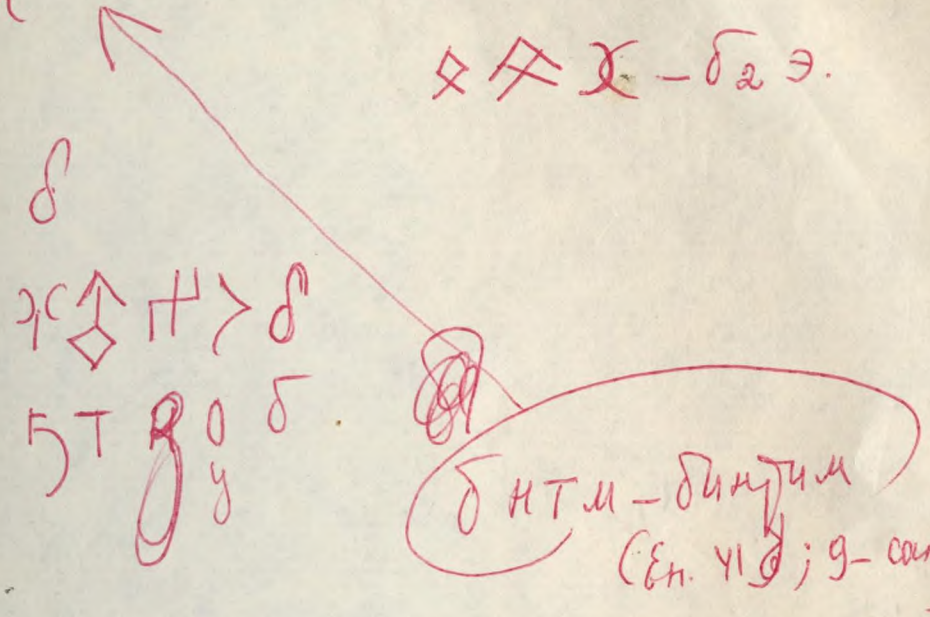
блклв

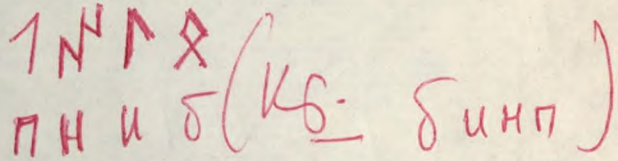
б — б1

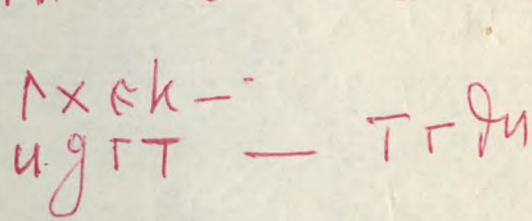
б2 э.

бнтм — бинтум (Ен. чл; д — сам.)

пнибкб — бинп

ихгт — тгди

к силэ 1)

В енисейской группе тюркских языков 2-е лицо личных местоимений тоже имеет одинаковую форму. Например: кир. (гув.) силэр, (алт. слер, хак. сирер (одф. сiрер) — вы. Все эти формы образованы от местоимения сiн к последнему прибавлен аффикс =лар, но форма множественного числа в дан числе и сама местоимения основа претерпела различные изменения: в алтайском гласный выпал корневого слова; в хакасском в силу сохранения звуков л~р начальный согласный л в аффиксе =лар перешел в другой согласный "р", таким образом, в дан языке местоимение "вы" приобрело форму сирер (л~р). Все эти факты давно известны из сопоставительных описательных грамматик тюркских языков. Но дело не в этом.

Примечательно то, что в языке бачатских телеутов Кемеровской области до 2-е лицо множественного числа личных местоимений представлено не в обычной форме, что не может не вызвать интерес в тюркологической науке. В названном языке сер – вы, тис – мы, возникновение последнего Г. Г. Фисакова отнесет сжатенной формой сизлер.[1] Происхождение бачатских местоимения сэр можно попытаться и иначе. Ибо в алтайском языке, куда относятся и бачатские телеуты, отсутствует местоимение сиз (вы), присущее во многих тюркских языках. Вместо него, как было отмечено выше, используется сизлер и его морфологические варианты. Неправомерность местоимения сиз, тем не менее, указывает (разумный) лишний ход не обоснованности происхождение его от сизлер.

---

1 см. Г. Г. Фисакова. Местоимения в говоре бачатских телеутов, в кн. Актуальные проблемы лексикологии и словообразования,

По нашему мнению бачатское и телеутское сер представляет собой стяженную форму сеңлер, у которого как правило, выпал конечный "ң" у основы, при этом звук "л" в формате множественности перешел в "р", что касается звукосочетание "ер", следующее за "л", выпал как менее значимый элемент.

Местоимение сер нас наталкивает на другую мысль. Дело в том, что во всех тюркских языках 1-е лицо ед. числа имеет форму мен (я), 2-е лицо ед. числа сен (ты), но множественное число 1-го лица имеет в форме биз (мы), а 2-е л. мн. числа буер сиз (вы), в котором вместо отпавшего шумного переднерядного "е" фонетически имеем узкие гласные "и". В таком виде заходим их языка енисейско-язычных памятников. Нельзя не допустить возможность существования в тюркском языке местоимений ~~бен, сен~~ бин, син наряду с более

на обороте и стр. 5, 6

Ну

были нам бэн, сэн, ~~б первых легко~~ как это имеется в ряде современных русских языков, ~~напр. ф~~ типа бин, син. Верхняя си~~б~~ При таком случае б бин, син легко могут чередоваться ~~ден~~ их многозначные числа ~~этих напри-~~ ~~мер~~ биз, сиз, но здесь должен выпасть звук "е" у местоимений и это явление закономерно для древнейших форм языка (ср. под фарами трижды, чудо, сорок и т.п.). Наряду с этим противопоставлением можно допустить и в словах другие переходы "е" (в бен, сен) в "и" биз сиз связан, видимо, ~~с~~ влиянием звука "з" следующих за гласными "е".

и. Вставка на обороте

что такое имеет место и в монгольских языках. Что касается тюркских языков, то выпадение или нарушение корня, происходящее на стыке основы и аффикса, встречается в местоимениях и числительных, напр. бен мен - биз, сен - сиз (разница только в огласовках) и др.

Числительное "пятьдесят" в современных тюркских языках имеет формы элиг ~ элик ~ эл$\ddot{у}\ddot{у}$. Первичным корнем данного слова является эл=, обозначающее в древности "рука"; =иг формант, участвовавший в образовании слова элиг - 50. Семантическая связь руки, кисть руки, давшая начало возникновению числительного "пятьдесят" до сих пор обнаруживается в некоторых тюркских языках, ср.ж.уйг. элыг "рука, пятерня"; др.тюрк. элиг - кисть руки, рука; пятьдесят (подробно см. выше).

Как известно, в тюркских языках наименования числительных 60-70 и 80-90 почти сходятся с названиями своих единиц. Из них сексен - 80 и токсон - 90 исторически представляют собой сложные слова, состоящие из компонентов: секиз он (восемь и десять), токуз он (девять и десять). В результате слитного произношения двух слов с одним ударением или в быстром темпе речи в первых компонентах сложных слов выпали узкие гласные; кроме того, произошла ассимиляция согласных и гласных звуков и в конечном счете вышеназванные сложные слова приняли формы сексен вместо прежнего секиз - токуз он. Данный тип числительных до сих пор существует в тюркских языках южной Сибири: ср.тув. ӱжен (ӱч он) - 30, дертен (дерт он) - 40; алт. алтын (алты он) - 60; шор. сегизон-80, тогузон - 90 и др.

Схожесть морфологических структур числительных алтымыш - 60 и летимиш - 70 указывает на то, что их аффиксальные части восхо-

В расшифрованных обычно словах бен, сен. Быть может, бен, сен даже сравнимы, чем бен и сен, как как ~~ке-ньен~~ первичные корни с гласными ~~кр-ласный~~ широко известны в индоевропейских и финно-угорских языках.

Подробно: Дф. т. конца, союз. конец. ∠ кон + = ги ~ си.

К. бал. Нечто (— сколько) ∠ не + н (афф. гид. п⅔ = нб) + ча (∠ чак 161 — равный) Убывать, 132.

Вводить: мест. кое + прил. аф. ∠ кумотск. кнс ∠ кси ∠ кнси — (убывать 63) он сам.) 62.

р. бал. Нечто — как, каким образом (убывать, 137

→ Соответство, дев. дж. конца ∠ кон + ги — аф. прил. 3–1. аф. куп. кенси. (ги ~ си).

К. Мерген-оол
Кандай

Тув. хар – снег // снежный, снеговой;
хар дүүлүг – белый как снег.
(Тув. груз. сл. 469).

Тув. демги – мест. указ. об самый, тот
давнишний туркб.; демги кижи
а) об самый человек, тот человек;
б) разг. мой муж, моя жена;
демги уруг – та девушка
(Тув. рус. сл. 154).

✓ демги < тегин. через перестановка.

Тув. дег – послелог: 1) как, подобно; вроде;
2) словно, будто, как будто, будтобы;
3) с (кого=что=л.); мин дег үзүн
– рослая с меня; ср. бичкаш (сущ.
окончание?) Тув. рус. сл. 157.

Преемственность:

Обиходные и неопределенные местоимения.

неким – некто; то, что (Дьяк, 357).

нечь ким – кто-нибудь, кто-либо; любой (357)

немерсе (< неме эрсе) – что-бы ни было; что ни есть; все что можно (358);

не эрсе – что бы ни было; какой бы ни был; всё; любое; в отр. предл. ничто, никакой (356)! ... дилскине не эрсе ... каково бы ни было у тебя желание (356).

преемственность: эрсе < эр – обр. + = са = совр. болсо дила болсо Эмне ... ?

ким эрсе – кто-либо; ким кайу – какой либо (Дьяк, 307).

ким да (болсо) – кто-либо (Св.).

преемственность: обр. совр.

ким = ким – кто-либо (307);

ср. шир. кяхан = кяхан (неопределенность)

нечь – некто, кто-либо (КТм. 11; тон. 20) какой-нибудь, любой; в отр. обр. никакой, какой бы то ни было

нечь-нечь собой эрсе бельгу тонка ухтым – все (слухи), что у меня было сокровищ, я вырыл на вонком камне (КТ. м. 11); нечь бельгу ёк – у тебя нет ни каких-то гор (КТм. 8) (Дьяк, 358).

не сокровищ

см. Дьяк

Неопределенные местоимения

кимдыр бирю; бирю.

1) кимеким (< ким + да + ким) — всякий кто, кто-либо;
2) кимдыр бирю — кто-то, некто;
3) кайсь бирю // кайбирю — некоторые
4) кайбир — некоторые : кайбир адам.
5) кээбирю — некоторые; бир заман.
6) качан да болсо — когда бы то не было; всегда
   ср. качанрак; качанрак беш
7) биреке — кто-то < бир неме // бирнеже;
8) кайда да болсо — где бы то не было; везде сюду
9) кана да болсо — ~~сколько~~ бы то не было;
10) качанды бир кез // убакта — когда-то; очень давно.
11. Качанда болсо — когда бы то ни было; ~~вот~~ потом, всегда.

не да болсо — что бы то ни было (что угодно).
ким болсо да // ким да болсо.

Отрицание (без прол. эч < hэч).

1) ала ~~б~~ кимда болсо айтпас — ему никто не сватал;
2) качан да болсо айтпадым — никогда не сватал
3) бир убакта келбе — пришел когда-нибудь
4) ала бар да кыш келбеди — ему никто не пришел
5) бир-келбе; бир келбес — никогда.
6) бир кыш — однажды.

***

С. Петропавловка
С. Новая Ивановка
С. Новогригорьевка

Кайбир < от кимге. кимдыр не ...

К теорет. вопросам отрицания

Судя по всему, кирг.-кыпч. отрицательные морфемы претерпели различные сдвиги в смысле сращивания с ядер. выражения значения отрицания. В ядерном кирг.-кыпч. языке отрицание, видимо, передавалось посредством част. (с усилительно-отрицат. значением типа нем.) и бундый-йок (~ тюрк. йок) ни какой-нибудь (Кб.), подобно современному нем. ~ тюрк. йок.

Ядер. ядрк. ким эрсе – кро = либо;
ким ким – кро = либо
ким кайсы – какой = либо; (Диц. 307);
нечу ким – кро = кто-нибудь, кро = либо; любой (357).
как в адыгейском

Бинтсиз не айса айдр ускандын – ядр. б ни скажи не вечта, он говорит не разумея (тот. с. Диц. 365).

не эрсе – что бы ни было, какой бы не был; все, любые в отр. предл. ничто, никакой:
тилсиз не эрсе тилин ай оғуз – каково бы ни было у тебя желание, скажи (ему) сам (Од. Диц. 356).
Диц. 358;
нерсе (< не эрсе) – ничто, какой-либо вещь.

йок: или йок эрмиш – покоя не было (тот. 147);
йок эрдим йарарыс – меня не было, ты сказал (меня. тот; Диц. 272);
Кр. оңе дила кытсын йок эрмиш – одному думалось

Z
Вопрос-почему?
Ничего тут нельзя отрицать?

К отрицательному сочинению

Тув. кым – кто; с частицей =даа: а) (при указании) любой, каждый, всякий: мынга оду кым-даа билир – здесь каждый знает его; б) (при отрицании) никто: оон чогун кым-даа эскербээн – никто не заметил его отсутствия; кым=да бол (за) – кто бы то ни был.

(Тув. рус. сл., М., 1968, стр. 277.)

Ср. нар. мынча аны кым да болсо билеп; муну кым да болсо билбейт – это никто не знает.

Точное совпадение с тувинским.

Тув. чүү – что; с частицей =даа: а) при указании все [что угодно]: бинда чүү=даа бар – там имеется всё; б) (при отрицании) ничто: ничего: оду чүү-даа дүүредилес – его ничто не тревожит; чүү-даа болза: а) что бы то ни было; б) всё-таки: а ты бы чүү-да болза дооскуп тур – я все-таки закончил работу (Грам. тув., с. 552).

Ср. нар. мынча ~~не~~ да болсо бар;
~~ашпа~~ ~~барбаса да ашпа – это~~

Эмне болсо да // не болсо да иштеди.
что бы то ни было // всё-таки закончил.

ХХ

Неф. häр – всякий, каждый сб. 592. (ауде и!

hич – никакой; какой-либо;
Ду hичго; гр = либо. (бою).

~~hич~~ = (~~hич – какой = никто~~
~~при сов. дается свободного~~
– никакой; сл. озч)

Неопред. местоимения

Разряд неопред. местоимения обр. путем присоединения
к вопр. местоимениям элле или = дыр // = дер.

элэ кем // кимдер – кто = то.

элэ ни // нидер – что = то

элэ кайда // кайдадыр – ~~куда~~ где – то.

фэлэн – какой-то. элэ кая // каядыр – куда – то

стр. 205 элэ кайчан // кайчандыр –
давно, давным = давно. элэ.

~~Грамматика~~ Современный горский
литературный язык, лексикология,
фонетика, морфология,
М, 1949, стр. 203

Определительные местоимения

указывают на единичные, индивидуальные, а также обобщенные предметы и явления и в соответствии с этим подразделяются на две группы: 1 hэр, hэрбер – каждый, hэркем – всякий, уз – свой; Ду бор, борэ (сы), барча (сы) барлык, hэлэ, бютен – весь, все;

Сл. 1/5 *

Эллэ мини // тиндэлэр – какой-то.

*) Эллэ в тюркских известно в виде алы:

алда кандай – неизвестно какой, какой-то;
алда кайдан – неизвестно откуда; издавна;
алда качанан бери – давным = давно
алда эйне – неизвестно что, невесть что;
алда ким – невесть кто;
алда канча кап – значительно больше;
алда кайда – где-то далеко; Ком. (Бобахан, отр. 48).

К вопр. модиф.

Кр. Газ. Калы — как, каким образом (Мк. III): бу сен бу ишыз калы кылдыңъ — как ты выполнил эту работу (Мк. III; Лк. VII); кали кала — как и где (VIII);

Ср. кир. калы эдип ~

калы эдип, где калы ост ~ калы.

но ~~трудно~~ решить конечный его б1

но на почве тюркских языков решить трудно

вопрос о его форме внешнего падежа.

Что касается вопроса аффикса внешнего падежа
(=б1, недра)
тождественного с тюркским =б1 в барьи"
о котором написано Н. Н. Поппе", то его можно
оставить пока открытым,

что касается (конечного его) суффикса б1 и.

Что касается вопроса (монгольского) аффикса внешнего
падежа б1 в барьи, на который указал Н. Н. Поппе, а и (конечного им) тюркского б1 в барьи
и его отношение к тюркскому "б1" в
аги

что касается (монгольского) вопроса формы внешнего падежа
барьи и его отношение к (тюркскому) аффиксальной части
барьи развившемуся из барьи,
аналогичное у нарицательных имеется внешнее сходство,
(монгольской) суффикса, то его можно
оставить пока открытым. При этом
принять пока окончательно, вопрос остается
не выясненной исторической судьбой древнего
это значит что =б1 пишущийся в составе
обладающий суффиксом аффикса принадлежит
на почве тюркских языков

Вопросительные местоимения

В алтайском языке:

канча < ка-н-ча (Дыренкова, 98)

Канча час — который час (99);

кай тоон бардыңъ — по направлению куда ты идешь (99)

Мен кай тоон барзам, сен ол-тоо бар — куда я пойду, туда и ты иди (стр. 99).

кайдан келген, ол тоон бар — откуда пришел, туда те иди (стр. 99).

Ол немени кайдан тапты — где (откуда?) нашел эту вещь (с. 99).

Алтайские отрицат. местоимения:

Оо кем-де айтпас — ему никто не скажет.

Муны кем-де билбес — этого никто не знает

Кайда-да барбасың — никуда не пойдешь.

Качан-да айтпасым — никогда не скажу (104)

О правиле см. стр. 113.

Следовательно, вид. доп. местоимения эч ким эч теме (эч + неме) (см. алт. ол бир-де неме таппады — он ничего не нашел; 104), эч качан, эч кайда ~~не~~ путешествия после путешествия ~~в~~ ~~на~~ в Тянь-Шань.

Канча да бол со — всегда, повседневно.

Канча час — сколько часов, который час.

Эмне болса да — что бы не было

Кандай да болсо — какой бы ни был

т ~ й // ж:

ол ~ ош:

см. вверху

см. вверху

Кто? и откуда?

Кемле ким — кто-нибудь [неопред.];

~~ф~~ киндэр бидэн (тоже самое

ф. усиление ом = оом или

ом бу (см словарь

ДОБС.?)

кай + бі → кажы?

Вопросительные местоимения

яз. какы, Какой ← кандый

Как – кандый, канайда, канайын;

Который – кажы; Кадрый аувас – следующ

кажыгар? (вопр.) кайча, кайчаны; Кадрый гидро-

шу – кайчайбыл сурап

йавым;

нет кана!

Где – нар. вопр. кайда; Где выработ-

~~сле~~ след кайда шиет тураар?

Где = нибудь – кайда = кайда, кажы бир йерде

Куда – (нар.) кайдаар; Куда ты идешь –

сен кайдаар йуре отурбыз?

Откуда – (нар. вопр.) кайдан; откуда он

туненех – ол кайдан келген;

Вопросительные местоимения

3 грл. / хак. сірер – вн
арб. слеф – вы
кыр. силер – вн.
7 грл.

К местоимению

Хакас.

как (нар. вопр.) – хайди; как доехали – хайди чыгыпсаф;
ср. кир. канчан жеткиндер.

какой (мест. вопр. и относ.) – хайдаҳ, хайзы;

какой – либо (мест. вопр.) – пирее, хай пирее;

Кадрый – мест. (вопр. и относ.) – хайзы. ✓

где (нар. вопр.) – хайда; где вы работаете – сірер хайда тобынчазаф?

куда – (нар. вопр.) – хайдаҳ; куда идешь – хайдаҳ парчазыҳ.

откуда (нар.) – хайдаҳ; откуда он приехал – ол хайдаҳ килгенеҳ?

Не кана!

Тув. где – кайда, каяа.

где = хаана – кайы-бир черге, кайы-бир чаго;

Какой – канчы; кайы (который);

какой из них – кайызы? канчызы?

по какой дороге вы поедете – кайы

оруктап чоруур силер.

Какой = хаанчы – канчы – бар.

какая сегодня погода – бугун ачаар

канчы – бар?

Который – кайы, аш? которые

из них? – олардың кайызы?

который час? – аш шагы?

Куда – кайнаар; куда вы идете? силер

кайнаар бар чор силер?

откуда – кайыш, кайырдан.; откуда вы

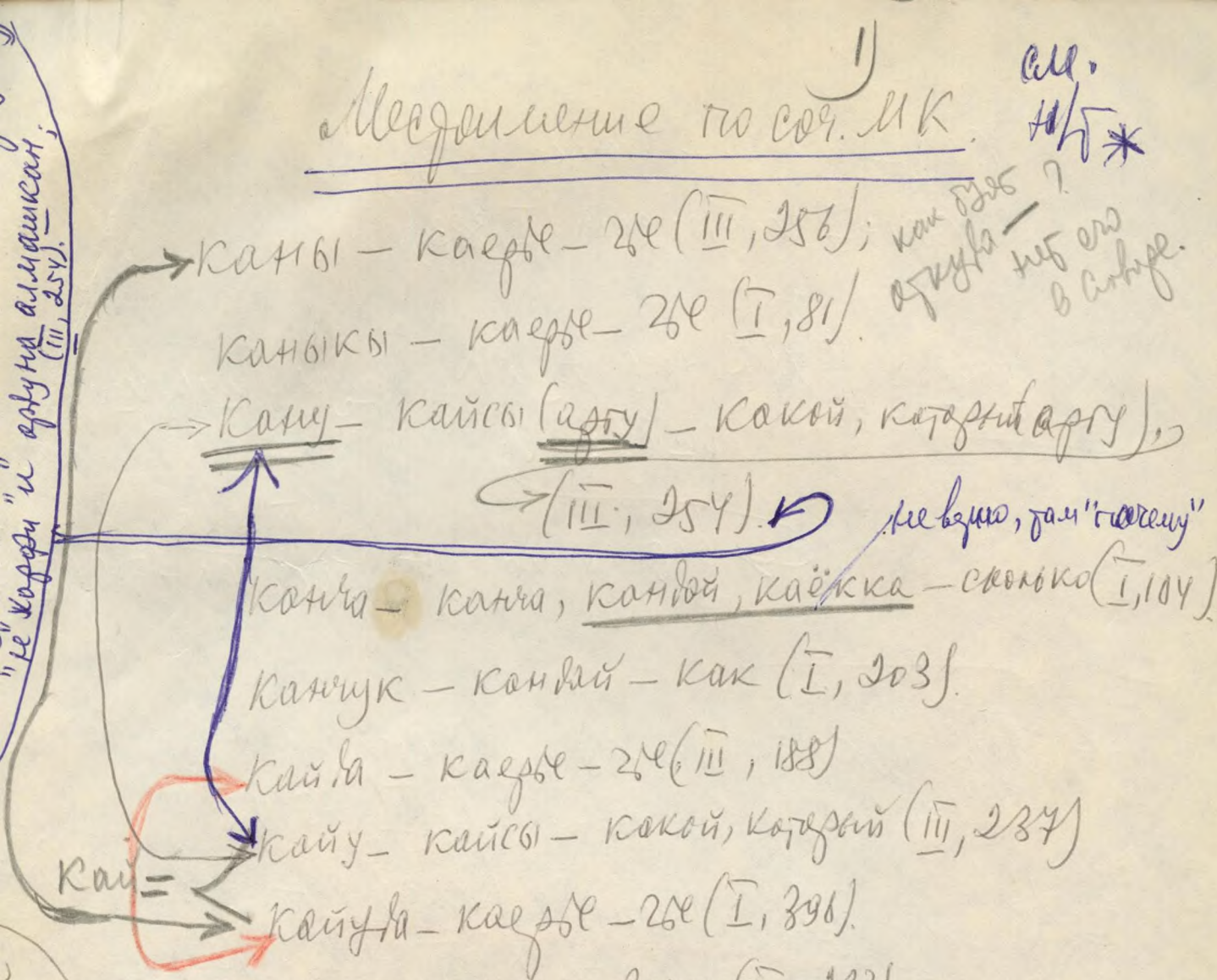
туришки – кайын келдиңер?

силер – префикс, афф.

Примечание: (Подчеркнутые слова)

см. II/5 *

Местоимение по соч. МК.

Кайбы – кайсы – 2ф (III, 256); как буд. откуда – ? либо от в слове.

Кайбыкы – кайсы – 2ф (I, 81).

Кайу – кайсы (адыг) – какой, который (III, 254).

"Е" вопр. "и" будущ. время (III, 254).

Кай =

невзна, дам "почему"

Кайча – кайча, кайдай, кайсыка – сколько (I, 104)

Кайчук – кайдай – как (I, 203).

Кайда – кайсы – 2ф (III, 188)

Кайу – кайсы – какой, который (III, 237)

Кайуда – кайсы – 2ф (I, 396).

Негу – нимага – зачем (III, 233)

Нелек – негук, нима иуун – почему, зачем (I, 373)

Нелук – неге – зачем (II, 305).

Неме – бимаген – не знаю (III, 254).

Нез – нарса, дуюм – предмет, вещь (III, 372).

Нерак – кайдай, Калай – как, какой, какой, подобный тому (I, 373)

Нече – нечча – сколько (I, 83).

Нечук – нече, нима иуун (ябаку – почему, зачем (ябаку) (I, 373).

Нечеме – Кончая хам – сколько (история, восклицание), III, 45).

Не – нима – что, какой (I, 81)

Не – кайсы, кайдай – какой (одно. местоим.) (III, 233)

(III, 254).

Кач — качча — сколько (I, 311)
качан — когда; если (I, 383)

Интересно! У МК тоб ошол, ушул, шу, шо, ошу; откуда — ?

→ тоб только ду — (III, 223) дабуч ол — тоб (I, 73)

* МК: ккану // кайу — который: кану киши — который человек? (III, 254);
кайда // канда // кайуда — где? : Кайда сен — где ты? (III, 188). Канда эрдинг — где ты был? (I, 396).
Т. А. Абдурахманов, Ш. Ш. Шукуров. (Грамматический очерк старотюркского языка XI века, приложенный к Словарю по сочинению МК.)

очевидно, кайда // канда < кайуда — где?
(см. след. стр.)
Кроме того кайсы скорее происходит от кайу — со значением кайсы (III, 237);
кайсы < кайу.

мунбі – бұны – это (I, 146)
мунду – мана – вот (III, 285).
мунвақ – шунвай – так, таким образом, I, 72.
Ун – шунвай, худди – так, точно (I, 72)
Ун – хозирдина, шу онда – только что, вот теперь
Ун кәлгәнди бу – только что пришел (I, 72)

Кайу – кайсы. Бу сөзниң кайу сыяқлиқ түрі бар; у харфи х билән алмашқан: оғуз ва қипчақлар у ни х-ға алмаштиради. Улар ҳәрәкәтлиниң бир тоирасида. Түркләр қизғын ләгәр улар хизмәт бәйлиди. Түрклар канда әрдиң – қәйәрдә әрдиң ләгәр улар канда әрдиң бәйлиди (МК. III, 237-238)

Кану: кану киши – қайсы адәм; әрқу сөз; (МК. III, 259;)
канбі = каны – қәйәрдә мәтлисиңиз сән (III, 254)

Канда – қәйәрдә (I, 395); канда әрдиң – қәйәрдә әрдиң; кайда сөзлигәндә "й" харфи ә "н"гә өзгәрәди, асли кайуда дәп (I, 396)

кайда – қәйәрдә: кайдасан – қәйәрсән. Бу сөзниң канда қарзида н ми шәкли ҳәм бар. шу билән бирдә кайуда шәкли ҳәм бар (III, 188).

в значении "почему"?

Канча: канча барыңыз ай оғул
— неге келиңиз, эй оғул (МК I, 104);
йылан йарбузни качар, канча
барса йарбуз оғри кечур-
мэн дэйди йарбузни качаи, илон кайда
борса, у қаршисини чақади (III, 46);
йарбуз — илон ўлдирадиган дорихона (ИЖ.
115)

в значении "куда"

Кач: кач — канча: кач йармак берди — канча
ғалла берди (I, 311).

Качан — качон: качан келдиң — качон келдиң;
в знач. "если" бу сўз "агар" маъносида ҳам келади:
качан борса сен — эгар сен борсанг
(I, 383)

нече — сколько: нече йармак бердиң (III, 289).

Судя по Дивану Махмуда Кашгарского, в тюркских языках или наречиях наблюдается вариация основных слов:

1) кайу (в реч. ар.) // кайу- какой, каурый (III, 254; III, 237).

2) канда // кайда // кайуда (III 256, III, 188; I, 396) — 26?

3) кайу // кайсы ?, но не кайсы, а канда // кайда // кайуда?

→ как самостоятельная лексема существует в ен.-тюрк., и в лк и кумыкском диалекте, в последнем она встречается как словоформа (см. диал., кого).

Следовательно, оно в той форме, в какой оно сейчас употребляется, вполне заслуживает того.

как в. сн.=орх.

Э. Наджип. Уйгурско-русс. словарь, М., 1968.

Қан= Қанчж – сколько; сколько (стр. 591);

1~й: Қанда – ус. где? (591);

кир. канчай → Қанчаъ, қанчақ – какой; каков; // как, каким (образом) (591);

√ Қанчақ (ишлр) – как дела? (591);

Қанчақча – как (592); (узб. канчук (I, 203)

как в сн.=орх.

=дин: Қандин – ус. откуда (592)

Кай= кай – (узб. кайу, III, 237) какой, который; кай тэрэпкэ бармэн – в какую сторону, т пойдешь (593).

кайбирэ иногда.

кайакка – куда, в какую сторону (593).

кайан – дна. где (593)

кайси – какой; который; // куда когда:

кай вахитта – когда, в какое время (595);

кайсыбир – некоторый (595);

ДТС.: канч – сколько.: каня култо – (не) сколько дней.

ср. кач. (стр. 418); Кая – сколько: Кая кай – сколько лет, тыщ – несколько раз; Кая – куда, где, когда: Кая барсын – куда ты идешь? Канча

Значение куда?

Канча – вопрос. и относ. барырмен – куда я пойду (THS); Канча барыңыз ай огул – куда, ты умел, о сын? (МК I); Канча барыр эрсе жан – куда умный душа (QBN); менинъ кызым канча барайук – куда ты ушла моя дочь (уйг. II);

ДТС, 48.

III 1) Кирг. кайда — куда? где?
кана — где?

Древ. Тюрк. канча — куда? (кач — сколько
канда — где? ханда? конда —
канйуда — где? (419);
кайда, кайуда?
канчук — куда? (МК). (418)
канбі — где (418);

2) бурят. куда? — хаана, хайша (или хайшан
или хайшан (240); (ког
ср. с последним кирг. кайчан-
древ.т. канча — куда?

— " — . где: 1) хаана? 2) кому = чему с нео
хаанаа.

3) монг. где? — хаа
куда? наречие. 1) хааш, хаана?;
2) орн. хаа, хааш;

Сравн. Каш. хаа — где? куда?
хаана ан. хаа;

≥ Несмотря на последнего мон
предположить идентичности не послужило ле
это последнее в сокращенной форме (ха)
афформсом направительного падежа, за
позже показателем дательного? типа
кайка (вместо кай такка) барасыц —
куда ты идешь?

I

Кирг. Качан, кайчан — когда?

Древ.т. качан — когда?

монг. когда — хэзээ, хэдий?

материалы

бур. когда — хэзээ, хэзээ(шье)? (хэзээнэй, хэдыдэ (с.18)

баоань. когда — кэджэ (стр. 101).

В монгольских языках представлено
сохранение звуков "з" и "ж" (орф
"дже"), из которых первый нахо
дит себя аналогию с тюркским
(кирг.ским) "й" типа кайчан.
— когда. В приведенных тюркск
и монгольских вариантах наблюдае
некое похожее явление как: древ.тюрк
адгыр, тув. азгыр, кир. айгыр и мон
азырга которые исторически являются
одними и теми же слова: аз(ы)(р)га > азгыр
ср. с ними монг. хэзээ и кирг.
кайчан, в которых предполагаемый
первичный кирг. хэз= и кай=
сохранено сонорное звуков "з" и "
как в прочих словах типа азырга,
азгыр и айгыр.

хх.

II

Кирг. канча, древ. тюрк. кай – сколь

древ. тюрк. кай. 1) сколько; 2) сколь
сколько; 3) сколько, в такой мере,
сколь; много, все (дат, чго); 3) не
V сколько: кай ката – несколько ра
(Маш. III); ср. кир. кас катар ту
шу – вернем несколькими рейсами

монг. сколько – хэд, хэдий, хэдий чинээ,
ямар; сколько времени – хэдэн
цаг болж байна? (ср. Кир. канч
кайчан

калм. кэду – сколько
кэдүдгч – который

бурят. сколько – 1. хэды, хэды шэнээн;
2. местоим. хэды, хэдэн.

< бур. хэды – сколько, а поряд
ковое число предмета посредств
местоимения хэдыдэхи – котор
(по порядку), какой (по счету)
(Грамм. бурят. яз. 145);
ср. с ними тюрк. кайсы (~
кайсысы) – который по порядку,
какой (по счету) (см. Дмитриева
Дальше: хэды = тюрк. кайы.

4) калм. хама – где?
хамаран – куда? где? куда? откуда?

5) бао́ань. hалэ – где? куда? (со2);

IV 1) кур. кайсы? – какой, который?
древ.т. канйу – какой?
кайу – какой, какой, который (чей)

2) бур. хэды – сколько, а порядковое число
прилга – посредством местоимения
хэдыдэхи – который (по порядку)
какой (по счёту) здесь.

бур.-из. 145;
хэр – какой, какой?
какой – ямар, хэдынэйшье.

Очевидно, бур. хэ= сопоставим с тюрк
ка (в кайсы, кансы, канча?)
(р ~ й: кур. бокногай, бур. бокногар)

3) калм. кэдү – сколько?
кэдүдгч – который

4) монг. аль? – который, ямар – какой, какой

Древ. тюрк. канйуда – где;
ср. кайда, кайуда,
канда, канда
(ДТС, 419).

Кандта см. канда

Кандын – откуда

Кандан см. кандын

Кайу – 1) какой, какой (Чод)
2) какой? который?
кто? что? (Чод)

Кайуан – нсх. п. от кайу [Чод]

Батсык – солнечный закат (Ч68)

По Малову:
ххх
ДДТП. Ч11
- кан (какой? ка?
- канча – сколько, как, куда?
- каннча см. канча?
- кантайын – как, каким образом?
- Канчы

Канда – где?
ср. кайда, кайуда, канйуда, канда (Ч18).
Канбі – где (Ч18);
Канйу – какой;
ср. кайу, канчу, хайу (Ч19).

Древ. тюрк. Кач – 1) сколько (МК I)
2) сколько, столько
3) столько, в такой мере, столь; много, все (ДТС, Ч00);
ср. тодж. кач – ... столько!
4) несколько: кач кара – несколько раз (Ман. III).

Качан – 1) когда 2) как?
3) когда, в то время, когда; если (Ч00).

Древ. тюрк. Канч – сколько; ср. кач.
Канча – куда: канча барыр (Ч18)
ср. колы канча,

баоань. кань — кто? ср. кунъ — человек;

кэджэ — когда

кэтонъ — сколько?

монгор:
р ~ ш,
таш (тор) — камень (сл. 363)

нала — где, куда (ср. совр. монг. хаа, хаана
калм. хама; бур. хаа, хаана; сл. 102)

монгор. хама — все, весь; камук, монг. комуг;
баоань нанэ (сл. 373)

кіджіе — когда

кіді хандгэ — сколько (144);

узб. Кани-ну-ка; ну; Кани дерек бўл,
Кечикмуй-ну; скорей, опаздывай.
(узб. рассл. воз)

узб. кани-де; болалардиз кани-де
Чом лер (дайте, с. воз).

лишнее

морфему ка в качестве первичного корня со значением "куда?" (вокин?)[1], которая нигде не зафиксирована и не обнаружена (пока нигде).

Ветка насер. 23, 24а, 24б

Морфологическая часть =ча в слове канча как показывают материалы современных тюркских языков, исторически восходит к лексеме чак, имеющей значение "пора, время", "соразмерный, подходящий, удобный; впору, как раз". Морфологическая связь аффикса =ча со словом чак, как нам представляется, легко и ~~легко~~ прослеживается на фактах сарыг йогурского языка. ~~и тофаларского диалекта тувинского языка~~. В указанных языках аффикс =ча употребляется (~~в форме чак~~ =ган) в функциях деепричастия времени, вместо киргизского =ганча типа барганчак вместо общекыпчакского барганча, пока пойдешь и т.п. Форманты =ча, видимо, сохраняют, даже как (в составе), в форме =гыча, в морфологической структуре вопросительного местоимения канча? — сколько? Аршин как меры, ~~во времени~~ с которой измеряется ~~что~~ что =либо в пространстве и времени тувинцы ~~сейчас~~ в значении слова канча? по сей день.

1.

2. Э. Р. Тенишев.

Откуда формант =ча в составе канча? — сколько? вполне может быть возведен исследователями к слову чак.

см. на обороте

С семантической стороны объясним, что первичная основа кан (< ка + =н), участвующая в составе ряд вопросительных местоимений, выражающих в себе слово с конкретным значением "мера", часто употребляется для уточнения неизвестного по содержанию в плане измерения в пространстве и во времени.

В связи с рассмотрением вопроса слова канча? следует обратить внимание на один любопытный факт. Данное слово, употребляемое в современных языках в значении "сколько?", в древности (в ~~его последнем~~ ее последовательного состоянии) означало "куда?" и можно было выразить словами канча? и канчук? Так например, в памятнике ~~кас~~ "Кыргыз битиг" ("Гадательная книга"), написанном на бумаге енисейско-орхонским письмом (очевидно, на древнеуйгурском языке, и в последующих памятниках, относящихся к средневековой эпохе: Канча барыр ~~сен~~ (ТНS, II). — Куда пойду ~~Канчук сен~~ (ТНS, II). — Канчук качар ол тутар (МК I) — Куда (как) он бежал, он хватал (его) (ДЗИС, 118).

В связи с этим еще отметим, что вместо литературного бархана употребляется бархан типа бархан-чак, как заявляет К. Бекназаров, встречается в говорах и художественных произведениях писателей, являющихся представителями данного говора типа =гончак. Эта форма дает свидетельство о том, что термин =чак восходит к слову чок (см. выше), ср. еще тадж. тагчак — горка (маленькая гора) и тадж.-горно-русск. сангчак и многие другие.

Поэтому количественные числительные экинчи — второй буквально означает вторая их, т.е. вторая из числа других, а местоимение дайга кансы и кайсы — какой, какая, т.е. какой из них, которая из них из числа других. В киргизском языке слово кайсы может употребляться также в форме кайсысы, в которой аффикс принадлежности = сы повторен дважды. Исходя от этих и подобных им фактов многие исследователи возможность в местоимении кансы и кайсы

стойки двух именных аффиксов принадлежности 3-го лица: =н+сы, из которых первый, более древний общетюркский аффикс, сыграв необыкновенной сохранностью, отошел в сторону первичного корня ка и ему самому создавая хронологически вторичную основу в виде кан, которая участвует во всех вопросительных местоимениях и его грамматические значение вытекло из общей семантической структуры данного разряда лексики. Нет ничего удивительного, что в образовании (исторически) некоторых групп слов участие словообразовательных аффиксов. Последние обнаруживаются в составах древнейших слов речи.

После необходимого отступления вернемся к морфологической структуре интересующего нас местоимения.

Вставка см. сь.

В связи с этим ~~вопрос~~ вопрос, интересный и по-своему принципиальный, возникает вопрос

Почему ~~во~~ почти во всех вопросительных местоимениях тюркских языков присутствует "н" и каков его происхождение?

Судя по материалам тунгусо-манчжурских языков, ~~мы склонны видеть~~ в под звуком н, присутствующим в составах вопросительных местоимений, мы склонны видеть исторически аффикса принадлежности 3-го лица =н, =ын, которые в указанных группах употребляются по сей день. В тюркских языках он чаще всего обнаруживается в морфологической структуре ~~склонения~~ количественных числительных, с притяжательным аффиксом 3-го лица, а в якутском языке в определенных сочетаниях основанное на парадигмную связь типа абасын соата — дуже ағда = кир. абасын+ын соат часы старшего брата. В области местоимения ~~в~~ посессивности происхождения "н" присутствует в определенном местоимении кайсы — какой, каков; который; который из них. Этому соответствует азерб. hansы (Дюте). Указанные местоимения (кайсы, hansы), ~~как четко определяют~~ значение которых четко определено проф. Н.К. Дмитриевым "указывая на качество, т.е. собственно значит "какой по порядку".[1]

---

1 Н.К. Дмитриев. Башкирский язык. М.-Л., 1948, стр. 103.

ЛИЧНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ 2-го ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА С НАЧАЛЬНЫМ t- .

(На материале ностратических языков).

§ I. *t·s "вы"

I) Алтайские: монгор. тасге, таса;

2) Индоевропейские: латин. -tis ; санскр. -thas (двойств.);

3) Уральские: Эрзя-мордов. kunda-ta-dyź "поймают - вас", мокша-мордов. kunda-t'a-d'aź в том же значении;

4) Чукотско-камчатские: ительмен. туза, туза?н;

В санскрите -tas в значении 3-лица двойств. числа.

§ 2. *t·n "вы"

I) Алтайские: бурят., калм. тан -; в торгутском говоре калм. языка тāнр/тансуд; калм. - тн;

2) Индоевропейские: хетт. -teni , вед. -thana ; тадж. -тон;

Этот прототип очень распространен также в значении 3-лица мн. числа:

I) Алтайские: эвенк. -тын;

2) Семито-хамитские: бербер. -tən-;

3) Уральские: манс. tēn, tin , хант. tin, tin (двойств.);

4) Эскимосо-алеутские: эскимос. -тын "их (ты)", ср.-н "его(ты)";

Ср. в этом отношении ягноб. -šint "ваш", "их" (притяж. форма); поэтому прав В.Я. Мыркин, который реконструирует *sues и для 2-лица мн. числа, и для 3-лица мн. числа.

§ 3. *t·t "вы"

I) Алтайские: калм. тадн, моголь. тот, тод;

2) Индоевропейские: санскр. -tad ;

3) Уральские: мордов. -tado , карель. -tta (ср. -t "ты");

4) Юкагир. тит;

В значении "они":

I) Кавказские: даргин. итди;

2) Уральские: селькуп. -åtyt ;

§ 4. *t-k "вы"

I) Индоевропейские: армян. dukh ;

2) Кавказские: груз. tkwen , мегрело-чан. tkva(n) ;

3) Уральские: норвежско-лапланд. -dek , венгр. -tek, -tok и др.;

4) Чукотско-камчатские: чукот. нэ-льу-тык "они-видели-вас" (ср. нэ-льу-мык "они-видели-нас");

5) Эскимосо-алеутские: эскимос. -м-тык "я-вас(обоих)", ср. -м-кын "я-тебя".

Литература (по порядку примеров):

I. А.А. Дарбеева, О личных местоимениях третьего лица в монгольских языках, ВЯ - I970, № I, стр. II4;

2. Ф.Ф.Фортунов, Избранные труды, т.П, М. I957, стр. 302, 307;

3. Б.А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. I964, стр. I2I;

4. Языки народов СССР, т.У, стр. 338;

5. Ф.Ф. Фортунов, указ. соч., стр. 307;

6. Языки народов СССР, т.У, стр. 23, 42, 5I, 44;

7. А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л. I938, стр. 243; Языки народов СССР, т. I,стр.2I9;

8. Языки народов СССР, т.У, стр. 80;

9. К.Е. Майтинская, Функция местоименного суффикса -п в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков, сб. "Вопросы финно-угорского языкознания", М.Л. I962, стр. 74;

I0. И.М. Дьконов, Языки древней Передней Азии, М. I967, стр.224;

II. Языки народов СССР, т.У, стр. 378;

I2. Языки народов СССР, т.I, стр. 348;

I3. В.Я. Мыркин, Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте, ВЯ - I964, № 5, стр.84;

I4. Ф.Ф. Фортунатов, указ. том, стр. 30I;

I5. Языки народов СССР, т.У, стр. 42; А.А. Дарбеева, указ. статья, стр. II4;

I6. Б.А. Серебренников, указ. соч., стр. 82, 95;

I7. Языки народов СССР, т.У, стр. 440;

I8. Языки народов СССР, т. IУ, стр. 5I4; Б.А. Серебренников, указ. соч., стр. I05;

I9. Языки народов СССР, т.I, стр. 574;

20. А.Г. Мартиросов, К генезису личных и указательных местоимений в картвельских языках, ВЯ-I968, №3, стр. 4I;

2I. Б.А. Серебренников, указ. соч., стр. 77 - 78;

22. Языки народов СССР, т. У, стр. 262, 264;

23. Языки народов СССР, т. У, стр. 378;

пн

СООТВЕТСТВИЕ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ I-го ЛИЦА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ.

§ I. В статье сравниваются только формы личного местоимения I-го лица мн. числа и соответствующие аффиксы местоименного происхождения. Спорные вопросы не рассматриваются, дается лишь фактический материал с указанием источников.

Если интересующее нас слово встречается в двух или более источниках, то указывается только один из них, наиболее популярный и известный, поэтому ссылки на редкую и изданную за рубежом литературу не делаются.

§ 2. *m·s , *в·s , *n·s "мы"

I. а) Алтайские: маньч. muse , тюрк. -мыз, -мыс;

б) Индоевропейские: греч. (лесб.) (ἄμ-)μες , др.-прус. mes , литов. mẽs ; шугнано-рушанские (Иран.) языки māš , белудж. mašma (инкл.); вед. -masi , греч.(дор.) -μες (в других диалектах -μεν), латин. -mus ;

в) Кавказские: цез. межи, бежитин. миже, в дат. миз-ол и др. "вы" ← "мы" (см. статью о дагест. личных местоимениях);

г) Уральские: Эрзя-мордов. kunda-sa-mix' "поймаешь-ты-нас", мокша-мордов. kunda-sa-mast' в том же значении;

д) Чукотско-камчатские: ительмен. Муза;

е) Эскимосо-алеутские: алеут. -мас;

2. а) Алтайские: тюрк. биз, бис, пис;

б) Индоевропейские: санскр. -vas (двойств.); гот. weis, хетт. weš , тохар. A was , тохар. B wes;

в) Кавказские: анд. биссил, тиндин. бисса и др. "вы" ← "мы";

г) Хуррито-урартские: хуррит. -iwwaž (притяж.), Урарт. -všə ;

3) а) Индоевропейские: латин. nos , гот. uns , unsis , ст.-слав. NAS

б) Кавказские: даргин. нуша, авар. ниж;

§ 3. *m·t, *в·t, *n·t "мы"

I. а) Алтайские: Эвенк. мит/мут (инкл), дунсян. матан, калм. мадн, маднр/моднус и др.;

б) Дравидийские: гонди ammaṭ (экскл.);

в) Индоевропейские: греч. -μεῖς , авест. -maide ;русск. -мте;

г) Уральские: селькуп. -myt ;

д) Чукотско-камчатские: коряк., чукот. мыт —(личн.префикс);

е) Юкагир. мит;

ж) Эскимосо-алеутские: эскимос. -мт-, -мта;

2) а) Алтайские: дагур. бэд, классич. монг. биде/бида, биден/ /бидан, дунсян. биджиэн; баоань. бэде(инкл.), негидаль. бутта/ /битта (инкл.); калм. -вдн; якут. -быт;

б) Индоевропейские: др. -англ. wit , литов. vedu (двойств.);

в) Кавказские: чамалин. бити, годобер. битте "вы" ← "мы";

г) Эскимосо-алеут.: эскимос. — вут (притяж.);

3) а) Алтайские: монгор. ндангула, ндāсге (ср.другие варианты: будангула, будасгэ);

б) Индоевропейские: нем. -nd (si-nd , ср. латин. su-mus "есмы")

§ 4. *m·r, *в·r , *n·r "мы"

I) а) Алтайские: чуваш. -мăр;

б) Дравидийские: куви maro (инкл.);

в) Нивх. мэр/мир (инкл.);

г) Чукотско-камчатские: чукот. мури, алютор. мури, мурувwи ;

2) а) Алтайские: чуваш. эпир, эпĕр; -пар; корейское uri из *wuri

б) Индоевропейские: нем. wir , диал. -mr̥ ;

§ 5. *m·n , *в·n , *n·n "мы"

I) а) Алтайские: бурят. манай (род.), -мнай(притяж.), калм. ман-, в торгутском говоре манс/мāнр; баоань. ман гэ(экскл.); эвенк. -мун(экскл.), ульч. мун-, удэг. минти(экскл.);

б) Дравидийские: телугу manamu (инкл.) конда man (инкл.);
в) Индоевропейские: греч. -μεν , тадж. -мон, тат. imun ;
г) Уральские: манс. mēn, min , хант. mìn, min , саам. munaj (двойств.); венгер. min , манс. man , хант. mŏŋ, мордов. mìń (мн.);
д) Чукотско-камчатские: чукот., коряк. мын-, алютор., ительмен. Мэн - (личный префикс); ср. коряк. мын-ла-ла "пусть-мы-пойдём" (мы-лэ-к "пусть-я-пойду");

2) а) Алтайские: эвенк. -бун, -вун (экскл., притяж.);
б) Кавказские: крыз. вин, будух. вин, удин. ваIн/ефаIн "вы"←"мы"
в) Семито-хамитские: др.-егип. -win ;
г) Индоевропейские: хетт. -weni ;

3) а) Дравидийские: брагуи nan ;
б) Кавказские: арчин. нен;
в) Семито-хамитские: ст.-вавилон. nīnu, др-егип. in-n (новое состояние anon); сомали anna (экскл.), inna (инкл.);

§ 6. *m·k , *в·k , *n·k "мы"

I) а) Индоевропейские: армян. mekh ;
б) Уральские: общеуральское *m·k ; норвежско-лапланд. -mek, венгер. -mk;
в) Чукотско-камчатские: чукот., коряк. -мык ;

2) Уральские: ненец. -wa' ;

3) а) Индоевропейские: армян. e-nkh "есмы" (ср. e-m "есмь");
б) Уральские: венгер. -nk ;
в) Дравидийские: кодагу eṅga (экскл.);

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

I) К § 2-Iа: В.Я. Мыркин, Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте, ВЯ - I964, № 5, стр. 79; Э.В. Севортян, Категория сказуемости, "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч.II, Морфология, М. - I956, стр. I8;

2. К § 2-Iб: А.Мейе, Введение в сравнительное изучение ~~тюркоких~~ индоевропейских языков. М-Л. I938, стр. 34I, 243; Языки народов СССР, т.I, стр. 375, 232;

3. К § 2-Iв: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 4IO, 427, 445, 462, 479 и др.;

4. К § 2-Iг: Б.А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. - I967, стр.I2I;

5. К §2-Iд: Языки народов СССР, т. У, 338;

6. К § 2-Iе: Языки народов СССР, т.У, стр. 389, 390, 394;

7. К § 2-2а: Ф.Г. Исхаков, Местоимения, "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков," ч.П, Морфология, М.-I956, стр. 208;

8. К §2-2б: Ф.Ф. Фортунатов, Избранные труды, т. П, М.-I957, стр. 30б; А.Мейе, указ. соч., стр. 34I; И.А. Мельчук; Краткий очерк морфологии тохарских языков, сб. "Тохарские языки", М. - I958, стр. I67, I88;

9. К § 2-2в: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 285, 30I, 328, 342, 36I, 374, 392, 3I5;

I0. К § 2-2г: И.М. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М-I967, стр. I44, I5I;

II. К § 2-3а: А. Мейе, указ. соч., стр. 34I, 342;
I2. К §2-3б: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 5I4, 262- 263;
I3. К § 3-Iа: А.А. Дарбеева, О личных местоимениях третьего лица в монгольских языках, ВЯ-I970, № I, стр. II4; Языки народов СССР, т. У, стр. 42, 5I, 76, 94 и др.;

I4. К § 3-Iб: М.С. Андронов, Дравидийские языки, М-I965, табл.I0;
I5. К § 3-Iв: А.Мейе, указ соч., стр. 246;
I6. К § 3-Iг: Б.А. Серебренников, указ. соч., стр. 77;
I7. К § 3-Iд: Языки народов СССР, т.У, стр. 262, 282;
I8. К § 3-Iе: Языки народов СССР, т. У, 440;
I9. К § 3-Iж: Языки народов СССР, т.У, стр. 37I;

20. К §3-2а: А.А. Дарбеева, указ. статья, стр. II4; Языки народов СССР, т. У, стр. 45, II6; Языки народов СССР, т.П.стр.408,4I5;

2I. К §3-2б: А. Мейе, указ. соч., стр. 342;

22. к §3-2в: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 392, 3I5;

22. К §3-2г: Языки народов СССР, т. У, стр. 369;

23. К § 3-3а: А.А. Дарбеева, указ. статья, стр. II4;

24. К §3-3б: В.Н. Ярхо , В.И. Лобода и др, Латинский язык, М.I96I, стр. I06;

25. К §4-IА: Языки народов СССР, т.П, стр. 5I;

26. К § 4-Iб: М.С. Андронов, указ. соч., табл. I0;

27. К § 4-Iв: Языки народов СССР, т.У, 4I6;

28. К §4-Iг: Языки народов СССР, т. У, 260, 300;

29. К § 4-2а: Языки народов СССР, т.П, стр. 5I, 53; Г.Раметедт, Введение в алтайское языкознание, М. I957, стр. 70-7I; А.Б. Долгопольский, Примечания к статье М. Свадеша "Лингвистические связи Америки и Евразии", "Этимология I964", М-I965, стр. 3I7, 3I8;

30. К §4-2б: В.М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М-Л. I964, стр. I57; Он же: Об аналитических конструкциях, сб. "Аналитические конструкции в языках различных типов", М-Л. I965, стр. 55;

3I. К § 5-Iа: Языки народов СССР, т. У, стр. 20, 42, 5I, 92, I59, 220; А.А. Дарбеева, указ, статья, стр. II4;

32. К §5-Iб: М.С. Андронов, указ. сочинение, табл. I0;

33. К § 5-Iв: А. Мейе, указ. соч., стр. 243; Языки народов СССР, т. I, стр. 2I9, 288;

34. К §5-Iг: К.Е. Майтинская, Функция местоименного суффикса -п в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков, сб. "Вопросы финно-угорского языкознания", М-Л.,I962, стр. 72-74;

35. К §5-Iд: Языки народов СССР, т.У, стр. 262, 282,302, 340;

36. К § 5-2а: Языки народов СССР, т. У, стр. 73;

37. К §5-2б: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 635, 650, 68I;

38. К §5-2в: И.М. Дьяконов, указ. соч., стр. 243;

39. К §5-2г: А. Мейе, указ. соч., стр. 34I;

40. К §5-3а: М.С. Андронов, указ. соч., табл. IO;

4I. К § 5-3б: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 6I5;

42. К § 5-3в: И.М. Дьяконов, указ. соч., стр. 286, 224-225;

43. К § 6-Iа: А. Мейе, указ. соч., стр. 34I;

44. К §6-Iб: А.Б. Серебренников, указ. соч., стр. 73-74; Он же: Историческая морфология пермских языков, М. I963, стр. I00;

45. К §6-Iв: Языки народов СССР, т. У, стр. 264, 284;

46. К § 6-2: А.Б. Серебренников, "Основные линии ...", стр. 77;

47. К § 6-Iа: Языки народов СССР, т. I, стр. 58I;

48. К § 6-Iб: А.Б. Серебренников, указ. соч., стр. 76;

49. К § 6-Iв: М.С. Андронов, указ. соч., табл. IO;

пн

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
„ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"

Москва К-31, Кузнецкий мост 9/10, тел. 228-75-55

27 мая 1972 г. №

К.Зульпукарову
г.Ош
Главпочта До востребования

Глубокоуважаемый Коллега!

Редакционная коллегия рассмотрела Ваши "Две статьи по гипотезе древнейшего родства языков Северной Евразии. I. Ностратические основы личных местоимений в дагестанских языках. 2. К образованию личных местоимений множественного числа" и полученные редакцией отзывы рецензента об обеих статьях (отзывы прилагаются).

При обсуждении отмечалось, что материал Вы собрали большой, но из-за нестрогости Вашего исследовательского метода здесь оказались поставленными в один ряд явления, которые лишь с весьма большой долей приближения можно считать схожими исключительно по созвучию. К примеру, на стр.I4 сопоставляется кетск. g = ам "ее мать" и узб.кела=ам "он придет". Однако ни с точки зрения генетической, ни с точки зрения семантической и функциональной это сопоставление несостоятельно. По поводу происхождения чисто именного аффикса (или: коаффикса, поскольку он выступает и в составе падежных морфем) кетск. g= можно было бы сослаться на спор Е.А.Крейновича и А.П.Дульзона (см., в частности, ВЯ, I96I,2,стр.I07 и сл.). Что же касается чисто глагольного узб.

показателя = gu , то он и происходит из глагольной морфемы gu(p) < дур < дурур < турур (и это особенно ясно видно при экскурсах в историю тюркских языков). На стр.27 прототип *з = +*г для тюркского местоимения 2=го л.мн.числа несостоятелен, потому что хакасск. сірер < сіз + лер. Для свидетельствования прототипа *н = +*з = тюркские формы принадлежности 2=го л.мн.числа вроде ата=ныз, не подходят (н + г). Число подобных примеров можно сильно увеличить.

Редакционная коллегия, учитывая вышеизложенное, а также мнение рецензента о Ваших статьях, сочла целесообразным воздержаться от публикации Ваших статей на страницах журнала "Вопросы языкознания".

Желаю Вам успехов в Вашей языковедческой работе.

Зав.отделом языков и письменности народов СССР

канд.филол.наук Г.Ф.Благова

Отзыв

о статье К.Зульпукарова "Ностратические основы личных местоимений в дагестанских языках"

Статья содержит попытку проследить ностратические основы личных местоимений в дагестанских языках. Метод проведения исследования очень нестрог. Без особых оснований автор полагает, что ностратические основы личных местоимений I-го и 2-го лиц сохранились в дагестанских языках с ясной семантикой лиц. Не говоря уже о проблематичности ностратических реконструкций, следует учитывать, что соответствующие изоформы не выведены и для общедагестанского состояния. Совершенно фантастичны и предлагаемые автором общекавказские прототипы этих основ. Выводы статьи построены без опоры на закономерность фонологических соответствий между ностратическим и общедагестанским. В статье немало никак не обоснованных предположений: ср.мнение о том, что недифференцированность форм эргатива и номинатива в андийских местоимениях может быть новообразованием (иначе решается этот вопрос в кавказоведении - ср.работы А.С.Чикобава). Беспочвенно утверждение автора о материальном сходстве кетского языка с кавказскими (до сих пор затруднительно говорить даже о внутрикавказских материальных сходствах). Опубликование статьи нецелесообразно.

Отзыв о статье К.Зульпукарова

"К образованию личных местоимений множественного числа"

В статье затрагивается в высшей степени проблематическая тема образования ностратических местоимений множественного числа Метод исследования по существу не отличается от представленного в статье того же автора "Ностратические основы личных местоимений в дагестанских языках" .Предпринятые авторы сближения не имеют доказательной силы. Статью печатать не следует.

ОСНОВЫ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГИПОТЕЗЫ ДРЕВНЕЙШЕГО РОДСТВА ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ.

I. Сходство личных местоимений алтайских, индоевропейских, уральских, картвельских и других языковых семей всегда обращало внимание языковедов (в этих языках m- выражает I-лицо, s-, t- , k-2-е или 3-е лицо).

Одни учёные объясняли это как результат "естественной звуковой метафоры" (В. Вундт), другие видели здесь взаимодействие древнейших языков (А.Н. Савченко, К.Е. Майтинская и др). А.Б. Долгопольский, В.М. Иллич-Свитыч и другие объясняют это генетическим родством языковых семей Северной Евразии.

Противники В.Вундта и сторонников ностратической гипотезы всегда опирались на факты дагестанских языков, в которых m- характеризует местоимение второго лица, а d- -первого: анд. дин/ден "я", мин/мен "ты", чамал. ди "я", ми "ты" (А.Н.Савченко, Славянские и балтийские местоимения в отношении к местоимениям других индоевропейских языков, "Научные доклады высшей школы. Филологические науки", 1962, № 3, стр. 76).

Поэтому изучение личных местоимений языков Дагестана с точки зрения древнейшего их родства с другими языковыми семьями представляет определенный теоретический интерес.

2. Основную мысль А.Н. Савченко попытаюсь передать такой таблицей:

Ностратические				Дагест.(анд.)
белудж.	литов.	удмурт.	чукот.	
man "я"	*man* "мне"	*mon* "я"	гы-м "я"	дин/ден "я"
ta "ты"	*tau* "тебе"	*ton* "ты"	гы-т "ты"	мин/мен "ты"

Интересно здесь совпадение (I) элемента -н и(2) звуков основы

м - "я" т - "ты"
т - "я" м - "я"

которое, очевидно, свидетельствует о ностратической принадлеж-

ности дагестанских языков. Ср. аналогичные явления, обнаруживаемые при сравнении других родственных языков:

Общеалтайск. "зима" — "осень"
Корейск. "зима" — "осень"

Об этом более подробно и с обоснованиями см.: Е.Д. Поливанов, К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков, в сб. его статей "Статьи по общему языкознанию", М.1968, стр. 162-163; по предположению В.Краузе, в тохарских языках "на 3 лицо было перенесено индоевропейское окончание 2 ед. *-si, на место которого в свою очередь встало окончание 2 ед. перфекта *-tha" (В.Краузе, Тохарский язык, сб. "Тохарские языки", М.1958, стр.72). См. такие же явления в фонетике, морфологии и лексике других языков: Н.К. Дмитриев, Соответствие l/š, "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч.I, Фонетика, М. 1955, стр. 320; В.И. Абаев, Древне-персидские элементы в осетинском языке, сб. "Иранские языки", ч.I, М.-Л., 1945, стр. II; Он же: О перекрестных изоглоссах, "Этимология 1966", М. 1968, стр. 247-263.

Поэтому не лишено было оснований утверждение о том, что на дагестанской почве ностратические основы личных местоимений I-го лица приняли значение 2-го лица и, наоборот, основы личных местоимений 2-го лица дошли до нас в языках Дагестана, приняв значение I-го лица. (Об этом мы сообщили в докладе "Личные показатели кетского и дагестанских языков в сравнении с личными показателями других сибиро-европейских языков", см. "Программу XI научно-теоретической конференции преподавателей ОГПИ и АГПИ", г. Ош, 1971, стр. 19).

Схематически можно изобразить это примерно так:

ностр. *mə/bə "я" — *tə/sə "ты"
дагест. *tə/sə "я" — *mə/bə "ты"

Ср. примеры: 1) турец. бен "я" — сен "ты"
агуль. зун "я" — вун "ты"

2) коми ме "я" — те "ты"
багвал. де "я" — ме "ты"

Данная схема опирается не только на гипотетические аналогии, но и на факты. В этом плане интересно сравнить личные суффиксы санскрита с такими же суффиксами современного синдхи.

санскр. - mi "я" — -si "ты"
синдхи - sĕ "я" — -m "ты"

Примеры взяты из работ: А.Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л., 1938, стр. 251; В.С. Воробьёв-Десятовский, Развитие личных местоимений в индоарийских языках. М.-Л., 1956, стр. 136;

3. В подтверждение сказанного можем привести следующие соответствия:

1)

me		men	
Дагест."ты"	Др.ностр."я"	Дагест. "ты"	Др.ностр. "я"
багвалин.ме тиндин. ме и др.	коми ме груз. me итальян.me (вин.) в инд.me (энкл. для вин.,тв.,род.)	анд, мен/мин ахвах. мене и др.	в тюрк.мен ст.-слав. МЕNЄ

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 285, 342, 361, 374, К.Е. Майтинская, функция местоименного суффикса -n в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков, сб. "Вопросы финно-угорского языкознания", М.-Л., 1962, стр. 68; А.Г. Мартиросов, К генезису личных и указательных местоимений в картвельских языках, В.Я, 1968, № 3, стр. 41, В.В. Сергиевский, Введение в романское языкознание, М. 1952, стр. 81; В.С. Воробьёв-Десятовский, указ. соч., стр. 85; А.М. Селищев, Старославянский язык, ч. П, М. 1952, стр. 111;

2)

mi		min	
Дагест. "ты"	Др.ностр."я"	Дагест. "ты"	Др.ностр. "я"
бежитин. ми чамалин. мӣ и ₱ др.	сван. mi испан.mi (вин.) ст.-слав.МН(дат. энкл.)	анд. мин/мен ботлих. мини годобер. мин и др.	Эстон. mina Татар. мин

Источники: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 285, 301, 315, 392, 462; А.Г. Мартиросов, указ. статья, стр. 41; М.В. Сергиевский, указ. работа, стр. 195; Селищев А.М., указ. работа, стр. 111; К.Е. Майтинская, указ. статья, стр. 69; Исхаков Ф.Г., Местоимения,

сб. "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. П, Морфология, М. I956, стр. 208;

3) mo(n)		mə(n)	
Дагест. "ты"	Др.ностр."я"	Дагест."ты"	Др.ностр. "я"
хварш. МО	удмурт. МОН коряк. ГЫ-ММО чуван. МО-ТА русск. МО-Й	гунзиб. МӘ	мар. МӘН азерб. МӘН

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 427, 479; Майтинская, указ. статья, стр. 68; Долгопольский А.Б., Гипотеза древнейшего родства языковских семей Северной Евр-азии, ВЯ, I964, № 2, стр.56, Исхаков, стр. 208;

4)	Дагест. "ты"	Др. ностр. "я"
	авар. МУН	Саам. МУНН

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 262-263; Майтинская, стр. 69;

5) vi		va	
Дагест. "ты"	Др.ностр."я"	Дагест. "ты"	Др.ностр. "я"
агуль. ви (род.) лак. ви-(косв.)	др-егип. wj Орок. -ви	агуль ва- (косв.)	цыган. -ва (Кэра-ва "делаю" кэрэ-са "делаешь"

Источники: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 496, 568; Дьяконов И.М., Языки древней Передней Азии, М.I967, стр. 2I8; Языки народов СССР, т. У, стр. I82; т.I, стр. 644;

6) Дагест. "ты"	Др. ностр. "я"
табасаран. яв. (род.)	груз. v- (глагольн. префикс) цыган. -в (глагольн. суффикс) брагуи -v (глагольн. суффикс) ненец. -w (притяж. форма) эвенк. -в (притяж. форма)

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 552; Мартиросов, стр. 41; Языки народов СССР, т. I, стр. 645; М.С. Андронов, Дравидийские языки, М.1965, стр. 71; Б.А. Серебренников, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, М. 1964, стр. 117; Языки народов СССР, т. У, стр. 73;

7) de/te		de(n)/te(n)	
Дагест. "я"	Др.ностр."ты"	Дагест. "я"	Др.ностр. "ты"
багвалин.де тиндин. де гинух. де чамалин. де и др.	коми те прованс.te(дат.) винд. de (энкл. для вин., род.)	анд. ден/дин ботлих. дени годобер. ден каратин. ден	венгер. te,ten хетт. -ten

Источники: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 285, 301, 315, 328, 343 361, 374, 392, 445; Майтинская, стр. 68; Сергиевский, стр. 214; Воробьев-Десятовский, стр. 85; Вяч. В. Иванов, рец., ВЯ, 1963, № 4, стр. 130;

8) di/ti		di(n)/ti(n)	
Дагест. "я"	Др.ностр. "ты"	Дагест. "я"	Др.ностр. "ты"
цез. ди ботлих. ди-	албан. ti итальян.ti(энкл. для вин.)	анд. дин/ден	мар.тин

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 285, 301, 410; Б.А. Серебренников, Краткий очерк грамматики албанского языка, приложение к "Краткому албано-русскому словарю", М. 1950, стр. 409; Сергиевский, стр. 181; Майтинская, стр. 68;

9) do/to(n)		du(n)/tu	
Дагест. "я"	Др.ностр. "ты"	Дагест. "я"	Др.ностр. "ты"
Хварш. до бежит. до	Удмурт. тон	авар. дун лак. тту-	индоевр. *tu (ср.нем. du)

Источники: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 262-263, 427, 462,496; Майтинская, стр. 68; Долгопольский, стр. 58;

I0)	*ʒa*		*ʒən/sən*	
Дагест."я"	Др.ностр. "ты"		Дагест. "я"	Др.ностр."ты"
лезгин. за(эрг.) рутуль. за-	гот. *-ʒa* шумер. *ʒa,ʒae*		будух. зән/зын	азерб. сән

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 534, 584, 650; М.М.Гухман, Готский язык, М. I958, стр. I54; Долгопольский, стр. 59; Исхаков, стр. 208;

II)	*Bis-/was-*		*Bit-/wit-*	
Дагест. "вы"	Др.ностр."мы"		Дагест. "вы"	Др.ностр. "мы"
анд. биссил ботлих. биштти карат. бищди багв. биштти тинд. бисса	санскр. *-vas (gв.)* гот. *weis* хетт. *weš* тохар. А. *was* тохар. В. *wes* урарт. *-vše* хурит. *-iwwaz̄* в тюрк.биз,бис,пис.		чамал. бити годобер. битте	дагур. Бэд бурят. биде моголь. бида якут. — быт. др.-англ. *wit* (дв.) литов. *vedu* (дв.)

Источники : Языки народов СССР, т.IУ, стр. 285, 30I, 328, 342, 36I, 374, 392, 3I5; Ф.Ф. Фортунатов, Избранные труды, т.П, М.I957, стр. 306; Мейе, стр. 34I; И.А. Мельчук, Краткий очерк морфологии тохарских языков, сб. "Тохарские языки", М.I958, стр. I67, I88; Дьяконов, стр. I44, I5I; Дарбеева А.А., О личных местоимениях третьего лица в монгольских языках, ВЯ, I970, № I, стр. II4; Мейе, стр. 342;

I2)	*miz-/mes-*		*n·s-/n·z-*	
Дагест. "вы"	Др.ностр."мы"		Дагест. "вы"	Др.ностр."мы"
Цез. межи хварш. мижо гинух. межи бежит. миже (дат. миз-ол) гунзиб. миже	Маньч. *muse* тюрк.-мыз,-мыс др.-прус. *mes* литов. *mẽs* греч.(дор.)*-μες* латин. *-mus* алеут. -мас ительм. муза		авар. нуж.	латин. *nos* хетт. *anzaš* гот. *uns, unsis* ст.-слав. *NAZ*

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 4I0, 427, 445, 462, 479, 262-263; В.Я. Мыркин, Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте, ВЯ, I964, № 5, стр.79; Мейе, стр. 34I, 342, 343; Языки народов СССР, т. У, стр.394, 389, 390;

I3)

vən

Дагест. "вы"	Др. ностр. "мы"
крыз. вин.	др. -егип. -win
будух. вин.	хетт. -weni
удин. ваIн/ефаIн	эвенк. -вун.

Источники: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 635, 650, 68I; Дьяконов, стр. 243; Мейе, стр. 243; Языки народов СССР, т.У, стр. 73, 80;

I4)

s·ʂ-/s·x-

Дагест."мы" (экскл.)	Др.ностр."вы"	Ностр. "они"
ботлих. ищи	индоевр. *sues	удмурт. soos
ахвах. Исси	восточно-ительм. сузе	эрзя-морд. -suź
(род. эссеби)	тюрк.сиз,сис	мокша-морд. -saź
чамал. исси		

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 30I, 342, 392; В.Я. Мыркин, стр.84; Долгопольский, стр. 59; Майтинская, стр.I8I, Серебренников, Основные линии . . ., стр. I2I; Любопытно, что В.Я. Мыркин реконструирует *sues и для 3-лица мн. числа.

I5)

sən-, šən-, čən- и др.

Дагест."мы"(экскл.)	Др.ностр. "вы"	Ностр."они"
лезгин. чун.	нивх. чын	тадж. - шон
агуль. чин	тунгус.сун-, -сун	талыш. -шон
крыз. жин		мордов. śiń
будух. жин		коми -sny
		старовавил. šŭnu (муж.)
		šĭna (жен.)
		др.-егип. -sn
		ташельхит -sən-
		бедауйе -sna

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 534, 569, 635, 650; В.З. Панфилов, Грамматическое число существительных в нивхском языке, Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, XI, I958, стр. 47; Языки народов СССР, т. I, стр. 2I8, 308; Майтинская, стр. 72, Серебренников, "Основные линии ...", стр. 98; Ягноб. -šint в значении "вы" и "они" (Языки народов СССР, т. I, стр. 348)

I6) 1ə(l)-

Дагест. "мы"(инкл.)	Др.ностр. "вы"	Ностр. "они", "эти"
анд. илIил	селькуп. -lı, -lyı (дв.)	др.-евр. ʾēllä, ʾēl
ботлих. илIи	камасс. -lyı (дв.)	ст.-арам. ʾillēn
годобер. илIе	хант. -ələn (мн.)	
багвал. илълъи		

Источники: Языки народов СССР, т. IУ, стр. 285, 30I, 3I5, 36I; Серебренников, Основные линии . . ., стр. 70; Он же: К проблеме происхождения форм объектного спряжения в уральских языках, ВЯ, I968, № 5, стр. 23; Дьяконов, стр. 399;

Элемент 1 в значении 3-лица ед. и мн. числа очень распространён в ностратических языках: картвельские: сван. ala "этот", в диалектах ali, älı, ale ; дагестанские: крыз. ли "это", будух. ала, улу "это"; индоевропейские: латин. ollus , ille , испан. el, ella "он", "она"; дравидийские: кодагу ala , тулу alu , гонди ol , ul , al "он; тюркские: башкир, ул. "вон то", кирг. ал, "он",, "то" и т.д.

I7) kən-

Дагест. "мы" (инкл.)	Др. ностр. "вы"
агульъ. хьин	кет. ъкң, ъкнæ-
хиналуг. кьин	аккад.(ст.-вав.). -kunu (муж.)
	-kina (жен.)
	угарит. -km (муж.), -kn (жен.)
	др. -евр. -käm (муж.) -kän (жен.)
	бедауйе -kna

Источники: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 568, 666; т.У, стр. 457, 46I; Дьяков, стр. 287, 339, 396;

4. В пользу выдвинутого нами предположения можно предложить и некоторые другие доводы.

Генетическая связь личных и указательных местоимений уже считается установленной (см. подробно и со ссылками на соответствующую литературу: К.Е. Майтинская, К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем, ВЯ, 1968, № 3). Ср. таблицы:

Орошор. (иран.) язык		Казах. язык	
Указат.мест. (косвен.падеж)	Личн.мест. (косв.падеж)	Указат.мест. (им.падеж)	Личн. мест. (им.падеж)
mi (муж.), mam (жен.) "это"	mu "я"	мынау "вот это"	мен "я"
di (муж.), dam (жен.) "тот"	tā "ты"	сонау "вон то"	сен "ты"
wi, wam "он", "она"	(лично-указ.)	ол "тот", "он"	

И в дагестанских языках на ближайшие к говорящему предметы и лица указывают местоимения с основой м-: табасаран. му, агуль. ми, рутуль. ми, цахур. мана, удин. ме(но). Следовательно, в этих языках личное местоимение, указывающее на говорящего, могло иметь основу м-; ср. табл.:

Цахур.	Груз.	Фин.	Казах. (указ.)	Кирг.(указ.)	Кирг.(личн.)
мана "это"	me "я"	minä "я"	мынау	муну (вин.)	мен "я"
шен "тот"	šen "ты"	sinä "ты"	сонау	ушуну (вин.)	сен "ты"

Ср. также:

Удин.	хауса	Кирг.
ме(но) "Это"	-na, -wa "я", -mu "мы"	-м(ын) "я"
ка(но) "то"	-ka (муж.), -ki (жен.) "ты", -ku "вы"	-гын "ты" (повел.)

Агуль	Коми	Санскрит
ме "это"	ме "я"	me "мне" (энкл.)
те "то"	те "ты"	te "тебе" (энкл.)

5. Если исходить из предполагаемого родства дагестанских языков с другими кавказскими (Е.А. Бокарёв, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, I96I, стр. 4 - 5; см. работы А.С. Чикобаева, Г.А. Климова, Ю.Д. Дешериева и др), то личные местоимения рассматриваемых языков должны были иметь основы, сходные с основами картвельских личных местоимений (о картвельских личных местоимениях с точки зрения сибиро-европейской гипотезы см: Долгопольский, стр. 56, 59; В.М. Иллич-Свитыч, Рецензия на кн. Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани "Система сонантов и аблаут в картвельских языках", ВЯ; I966, № 4, стр. I36)

Поэтому весьма вероятно, что дагестанские языки имели почти такие же основы личных местоимений, какие имеют картвельские языки. Ср. цахур. мана "это" (относящееся к говорящему) - груз. me "я", цахур. шен "то" (относящееся к собеседнику) - груз. šen "ты" и т.д.

6. Для нас представляются очень важными данные памятников письменности Урарту. В урартском языке независимые личные местоимения почти не сохранились, а зависимые превратились в чисто глагольные форманты, которые почти совпадают с ностратическими.

Хуррито-урартские			Др. ностратические	
Хуррит.	Урарт.		Хетт. (и-е)	Киргиз. (алт.)
-iww "мой"	-me	"мне"	*em- "я" (косв.)	-М(ын) "я", "мой"
-iwwaẍ "наш"	-vše	"мы"	weš "мы"	-быз "мы", "наш"

Литература: Дьяконов, стр. 144, 151; И.И. Мещанинов, Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Л. 1967, стр. 184; Мейе, стр. 340, 341; Вяч.В. Иванов, указ. рец., стр. 130.

Интересно здесь следующее: в урартском языке "суффикс -bi передаёт в непереходном предложении действие 3-лица: uštа-bi 'выступил--он'. Тот же суффикс -bi получает в переходных предложениях субъектно-объектное значение, выражая действие 1-лица, направленное на 3-лицо: karu-bi 'победил - я - его' "(Мещанинов, указ. соч., стр. 183). Это в известной степени позволяет нам представить ход развития ностратических личных местоимений в то состояние, какое мы имеем в современных дагестанских языках.

Вполне допустимо предположить, что ностратические личные местоимения употреблялись в общедагестанском в первоначальном значении до выделения в языке переходного глагола и, следовательно, до возникновения эргативного строя предложения, чем и резко отличаются эти языки от индоевропейских, уральских и др. языков.

В пользу такого предположения говорят ещё два факта:

1) Личные местоимения картвельских языков, так сходные с другими ностратическими, в отличие от других склоняемых слов, не имели и не имеют специальных форм для эргативного падежа (об этом см: Г.А. Климов, Краткая характеристика склонения в занском языке, сб. "Вопросы грамматики", М-Л., 1966, стр. 77; А.С. Чикобава, Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, сб. "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов", Л. 1967, стр. 14 и др). Возникает вопрос: поэтому ли сохранились ностратические личные местоимения в картвельских языках без значительных изменений.

2) В дагестанских языках основа М — выступает в значении 2-го лица ед. числа только в именительном и эргативном падежах, а в остальных появляется основа д-:

Падежи	Гунзиб.	Бежитин.	Гинух.	Хваршин
И.	мə	ми	ме	мо
Эрг.	мə	ми	ме	ме
Рор.	дыбə	дибо, дибола	дебе, дебзо	дубо, дубло
Тв.	дудо, дыбəд	диаболад, дуд	(дебед)	дубузи
Дат.	диби	дул	дебез	дубули

Примеры взяты из книги: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 479, 462, 445, 427.

Элемент д в этих формах, вероятно, восходит к ностратическому *t/d- "ты": губно-губной их элемент почти совпадает с индоевропейским: прус. tebbei , ст.-слав. ТЕБѢ , латин. tibi , санскр. tabhyam, авест. taibyō "тебе"; гунзиб. диби, гинух. дебез "тебе"; формы род. падежа в санскр. tava , tavā , tvaye, tvayi , ст.-слав. ТЕБЕ сравнимы с гинух. дебе, дебзо, хварш. дубо, дубло и т.д.
Литература: Воробьёв-Десятовский, стр. 25; Савченко, стр. 78.
Ср. аналогичные совпадения: арчин. нен "мы" - брагуи nan "мы", египет. anon "мы"; лак. на "я" - кодагу nā "я"; хиналуг. зур "вы", суре "ваш" - чуваш. эсир "вы", сир - для косв. падежей и т.д.; кет. баңа "мне" - др.-тюрк. баңа "мне".

Литература: Языки народов СССР, т.IУ, стр. 6I5-6I6, 496, 666; Андронов, табл. № I0; Дьяконов, 224; Исхаков, стр. 209; Языки народов СССР, т. У, стр. 46I; Древнетюркский словарь, Л. I969, стр. 8I.

Если учесть вторичность личного местоимения им. падежа I-лица в индоевропейских языках, возникновение которого, вероятно, связано "с более поздним развитием абстрактной грамматической формы I-го лица как абсолютного носителя (субъекта) действия" (В.М. Жирмунский, История немецкого языка, М. I965, стр. 233), то дагестанское М- в значении "ты" в им. и эрг. падежах то же, по-видимому, вторичного происхождения, а основы других падежей, сравнимые с индоевропейскими, представляют древнейшее состояние личных местоимений.

В заключении нужно отметить, что выводы данной статьи построены без опоры на закономерность фонологических соответствий между ностратическим и дагестанскими. Это имеет причину.

Морфонологические изменения звуков основы личных местоимений в языке исключительны, поэтому на материале личных местоимений совершенно невозможно установить закономерность фонологических соответствий (ср. калм. би "я" - мини "мой", - нанд "мне"; хауса *ni* "я" - *mu* "мы""; русск. мы - нас; ты, тв - , тоб- теб - и т.д.), а супплетивность их формообразования, распространённая в языках мира, не получила ещё достоверного объяснения (ср.лак. ина "ты"- - вил "твой", кет. ат' "я" - ар'ас' "со мной" - авина "ко мне"; русск.я-меня, я - мы и т.д.; но ср. человек - люди с архаизмом люд).

Несмотря на всё это, даже данные в статьях сравнения фактов языков различных семей с вероятным, но очень отдаленным языковым родством в минимально узкой рамке лексических единиц, убедительно могли бы говорить в нашу пользу, если учесть особенно, что "в каждом языке (диалекте) могут выявиться в единичных фактах все те возможности, которые заложены во всей данной группе языков (диалектов) в целом" (В.И. Абаев, О перекрестных изоглоссах, "Этимология I966", М. I968, стр. 250).

ДВЕ СТАТЬИ ПО ГИПОТЕЗЕ ДРЕВНЕЙШЕГО РОДСТВА ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

I. НОСТРАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ.

В работах по сибироевропейской гипотезе совсем не привлекаются факты абхазско-адыгских, нахско-дагестанских ветвей кавказских языков, и это имеет причину. (см. об этом: А.Б. Долгопольский, Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии-ВЯ,1964,№2; примеч. 5 на стр. 53-54; эта работа далее в сокр. - Долг). Поэтому привлечение материала из этих языков представляет, на наш взгляд, определенный интерес.

В предлагаемой статье сравниваются только личные местоимения (и личные аффиксы местоименного происхождения). Спорные вопросы не рассматриваются, дается лишь фактический материал с указанием источников. Если интересующее нас слово встречается в двух или более источниках, то указывается только один из них, наиболее популярный и известный, поэтому ссылки на редкую и изданную за рубежом литературу не делаются. Приняты следующие сокращения:

1. Анд. - Андронов М.С.,Дравидийские языки, М. 1965;
2. Дар. - Дарбеева А.А., О личных местоимениях третьего лица в монгольских языках - ВЯ,1970, № 1;
3. Деш. - Дешериев Ю.С., Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов, Грозный, 1963.

4. Дьяк. – Дьяконов И.М., Языки древней Передней Азии, М.,1967;

5. ДТС – Древнетюркский словарь, Л.,1969;

6. Исх. – Исхаков Ф.Г., Местоимения, "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч.II, Морфология, М.1956;

7. Кот. – Котвич В.Л., Исследование по алтайским языкам, М.1962;

8. МайтМ – Майтинская К.Е, Местоимения в языках разных систем М., 1969 ;

9. МайтФ – Майтинская К.Е, Функция местоименного суффикса –n в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков, "Вопросы финно-угорского языкознания", М.-Л., 1962;

10. Мар. – Мартиросов А.Г., К генезису личных и указательных местоимений в картвельских языках – ВЯ, 1968, № 3;

11. Мейе – Мейе А., Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.-Л.,1938;

12. Мель.– Мельчук И.А., Краткий очерк морфологии тохарских языков, "Тохарские языки", М.1958;

13. Мещ. – Мещанинов И.И., Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Л, 1967;

14. Мыр. – Мыркин В.Я. , Типология личного местоимения и вопросы реконструкции его в индоевропейском аспекте-ВЯ, 1964, № 5;

15. Сав. – Савченко А.Н., Славянские и балтийские местоимения в отношении к местоимениям других индоевропейских языков, "Научные доклады высшей школы. Филологические науки", 1962, № 3;

I6. Сел. - Селищев А.М., Старославянский язык, ч.II, М,I952;

I7. Сер. - Серебренников Б.А, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках , М.,I964;

I8. Серг. - Сергиевский М.В.,Введение в романское языкознание, М., I952;

I9. ФФ-I,II - Фортунатов Ф.Ф., Избранные труды, т.I и II, М., I956-I957;

20. Чик. - Чикобава А.С., Проблемы эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов", Л.I967;

2I. ЯН-I-У - Языки народов СССР, т.I-У, М-Л. I966-68;

В дагестанских языках, как кажется, лишь пережиточно сохранились ностратические основы личных местоимений в первоначальном значении. Данные даргинского языка, видимо, свидетельствуют об архаичности основ личных местоимений в этом языке:

I. Даргин. **ну** "Я" (ЯН-IУ,5I4)— венгер. **еп** "я" (Майт Ф,68), куи **апи** "я" (Анд., табл. I0), осетин. дзури-н "Я говорю" (дзури-с "ты говоришь", ЯН-I,247). Но в других дагестанских языках: цез. ди "Я" (ЯН-IУ,4I0) анд. дин/ден "Я" (ЯН-IУ, 285; далее при ссылке на IУ том "Языков народов СССР" указывается только страница);

2. Даргин. х/у "ты" (5I4)— груз. **х-ар** "ты еси"(**в-ар** "я есмь", ЯН-IУ,4I), коряк. кы - лэ-ги "иди ты" (ны-лэ-н "пусть идет", ЯН-У,282). Но цез. ми "ты" (4I0), анд. мин/мен "ты" (285).

3. Даргин. нуша "мы" (5I4)— русск. нас, наш-; Но цез. Эли "мы" (4I0), анд ищил (экскл.), ил/ил (инкл.) "мы" (285).

4. Даргин. х/уша "вы" (514)— др.тюрк -γïz,-gïz в значении 2 лица мн.числа (ДТС,659); но цез.межи "вы" (410), анд. биссил "вы" (285).Архаические основы сохранились, по-видимому,ив других языках Дагестана :

I. Лак. на "я" (496)— кодаʔу **па** "я" (Анд. табл. № 10);

2. Цахурское ʔъу "ты" (598) напоминает *k-*, *g-*овую основу личного местоимения 2 лица в семито-хамитских, чукотско-камчатских, картвельских (Долг. 59), нахских (Деш.453), хеттском (ЯН-У,461) и др. языках; ср. также удинское (нидж. диал) гъун "ты" (686) с кирг.-гун "ты" в ойно-гун "играй" (ойно-сун "пусть играет");

3. Годоберин., багвалин.,тиндин., чамалин. дуб (315,361,374,392), цез.деби (410), тинух. дебе (445) и др. в род. падеже в значении "твой"— ст.-слав. **т є б є** тоже в род. падеже (Сел. 111); гунзиб. диби "тебе" (479) похоже на прус. *tebbei* авест. *taibyō* "тебе"(Сав. 78);

4. Личный формант удинского глагола —беши " мы" (683) в генетической связи с беши "наш" (род. падеж, а в им. падеже йан,681), что можно сравнить с хетт. *weš* "мы" (Мейе,341);

5. Арчин . нен "мы" (615-616)-брагуи **пап** "мы" (Анд. табл. 10), египет. **апоп** "мы" (Дьяк. 224);

6. Авар. нуж "вы" (262)— турец. -*nïz* "вы" (Кот. 116);

7. Лезгин. куьн (534), агульск. куьн "вы" (565)— ташельхит *kunnə* (муж.) *kunəmti* (жен.)."вы" (Дьяк. 225).

8. Хиналуг. эур "вы", суре "ваш" (666)-чуваш. эсир "вы", сир-для косвенных падежей, хакас. **сірер** "вы" (Исх.209);

9. Удин. беса-нан "делаете" (беса-къун "делают",683) - манс. **пап** "вы" (МайтФ,74);

Эти совпадения, конечно, легко могут быть объяснены как случайные. Но они поддерживаются соответствиями, более богатыми и стройными.

На дагестанской почве кострратические основы личных местоимений I лица приняли значение 2 лица и, наоборот, основы 2 лица дошли до нас в языках Дагестана, приняв значение 1 лица. А это вполне характерное явление, часто встречаемое при сравнении языков, связанных между собой отдаленным генетическим родством. Так, например, общеалтайское "зима" соответствует корейскому "осень", общеалтайское "осень"-корейскому "зима" (более подробно и с обоснованиями см. статью Е.Д. Поливанова "К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков", "Статьи по общему языкознанию", М.1968, стр. 162-163). По предположению В. Краузе, в тохарских языках "на 3 лицо было перенесено индоевропейское окончание 2 ед. *-si , на место которого в свою очередь встало окончание 2 ед. перфекта *-tha" (В.Краузе,Тохарский язык, сб. "Тохарские языки" М.1958, стр. 72).

Ниже даются параллели, подтверждающие сказанное.

I. Д(дагестанские языки): анд. мен (= мин,285), ахвах.мене (342), багвалин.ме (361),тиндин. ме (374) и др. в значении "ты";

Н(другие кострратические языки): в большинстве тюркских языков мен (Исх.208), груз . ме (Мар.41), коми ме (МайтФ,68) в значении "я", ст.-слав. МЄNЄ в род. падеже (Сел. 111), итальян. ме в вин. падеже (Серг.81) в значении "я";

2. Д: анд. мин (~мен,285), ботлих. мини (301),годоберин. мин (315), чамалин. мӣ в им. , минн в эрг.падеже (392), бежитин. ми (462) "ты"; Н: фин.,карель. minä вепс., эстон. mina „я" (МайтФ,69), башкир.,татар., якут., хакас. мин (Исх.208) в им. и др. падежах; в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках мин— в косв. падежах (ЯН-У,23,42, 76,94 и др.), ст-слав. МН энкл.дат. (Сел. 111), mi в вин. падеже в испан., прованс. языках (Серг. 195,213) в значении "я";

3. Д: авар. мун (262-263) "ты"; Н: саам. munn "я"(МайтФ, 69);

4. Д: хваршин. мо "ты" (427); Н: удмурт. мордов. mon (МайтФ, 68), чуван. mota (Долг. 56), коряк. гы-ммо (Долг.56) в значении "я" (ср. русск. мо-: мо-й, мо-е, мо-я, мо-и);

6. Д: агуль. ви "твой" (568), лак. ви — "ты" (496),табасаран. йи-кIура-ву "тебя убивают" (йикIура-зу "меня убивают", 553);
Н: в тунгусо-маньчжурских языках — ви (~-би) "мой","я" (ЯН-У,175,182,195 и др.), ср.орок. би-ви "есмь" (би-си "еси", ЯН-У, 182), др.-егип. wj "я" (Дьяк. 218);

5. Д: гунзиб. мə "ты" (479); Н: мар. məń (МайтФ,68), азерб., уйгур. мəн (Исх. 208)"я";

7. Д: агуль.ва-с "тебе" (568); Н: цыган.кэра́-ва "делаю" (кэ/рэ-са "делаешь", ЯН-I,644);

8. Д: табасаран. яв "твой" (552); Н: брагуи -ϑ "я" (Анд. 7I), груз. ϑ-ar "есмь" (x-ar "еси", ЯН-IУ,4I), цыган. джива-в "живу" (дживэ-с "живешь",ЯН-I,645), ненец. ńa-ϖ "мой товарищ" (ńa-r "твой мой товарищ", Сер. II7), эвенк. пота-в "моя сумка" (ЯН-У, 73);

9. Д: авар. дун (262-263), лак. тту-в косв. падежах (496) "я";
Н: индоевр. *tu "ты" (Долг. 58);

I0. Д: анд. ден (∾ дин, 285), батлих. дени (30I), годоберин. ден (3I5), каратин. ден (328), ахвах. дене (342), багвалин.де (36I), тиндин.де (374),чамалин.де(392),гинух.де (445) "я"; Н: венгер. te, ten , коми. te "ты" (МайтФ,68), испан. te "тебя", прованс. te "тебя", "тебе"(Серг. I95,2I4).

II. Д: анд. дин (∾ ден,285), ботлих. ди-б в род. падеже (30I), цез.ди (4I0) и др. "я";Н: мар. tin "ты" (МайтФ,68), итальян. ti (энкл.)"тебя" (Серг. I8I);

I2. Д: хваршин.до(427),бежитин.до (462)"я"; Н: удмурт. ton "ты" (МайтФ,68);

I3. Д: лезгин. зун (534), агуль.зун (568),удин.зу (68I), табасаран.узу (552)"я"; Н: шумер. -zu "твой" (Дьяк. 62);

I4. Д: лезгин. за в эрг. падеже (534), рутуль.за (584) "я", ср. также со "я" в нахских (I98, 2I7, 237), са(ра) "я" в абхазском и абазинском (III, I33), сэ "я" в адыгейском и кабардинском (I52, I7I) языках. Н:гот.-za "ты" (М.М. Гухман, Готский язык, М.I958, стр. I54), санскр. -se "ты" (Мейе,246);

I5. Д: крыз. зын (635), цахур. зы (598), будух. зын (~ зән, 650) "я";
Н: кирг. бала-сын, "ты (еще) ребенок" (бала-мын "я (еще) ребенок").

I6. Д: будух. зән (~ зын,650) "я"; Н: азерб. сән "ты" (Исх. 208);

I7. Д: авар. нуж "вы", нуж-ер "ваш" (262-263); Н: русск. нас, наш; латин. nos "мы" (Серг. 22);

I8. Д: анд. биссил (285), ботлих. бишти (30I),каратин.бишди (328), ахвах.ущди(342), багвалин. бишти (36I), тиндин.бисса(374) "вы";
Н: в тюркских языках биз, бис, пис "мы" (Исх. 208), гот. weis, хетт. weš (Мейе,34I), тохар.А was , тохар.В wes "мы" (Мельч. I67,I88), хуррит. -iwwaz̄ "наш", урарт. -uše "мы" (Дьяк. I44,I45,I5I);

I9. Д: чамалин. бити (392), годоберин .битте(3I5) "вы" ; Н: классич. монг. бiде ~ бiда, моголь. бiда, дагур. бэд, бурят. бiде (Дарб. II4) "мы"; якут. ыла-быт "мы берем" (ЯН-П,4I5), др. - англ. wit, литов. vedu "мы обе" (Мейе,246);

20. Д: цез. межи (4I0) хваршин. мижо (427), гинух. межи (445), бежитин. миже, в дат. падеже миз-ол (462), гунзиб. миже (479) "вы" ; Н: ительмен. муза (ЯН-У,338), др-прус. mes (Мейе, 34I) "мы"; эрзя-мордов.-miź "нас" (Сер. I2I), узб. экан-миз "(оказывается) есмы";

21. Д: крыз. вин (635), будух. вин(650), удин. ваIн ∞ ефаIн (681) "вы";
Н: др-егип. -win "мы" (Дьяк. 243), хетт. -weni "мы" (Мейе,243), эвенк.-вун "наш","мы" (ЯН-У,73,80), ср.не-гидаль. кото-wун "наш нож" (ЯН-У,II4);

22. Д: анд. ищил (285), ботлих.ищи (301),годоберин.ище(315), каратин.ищи (328),ахвах. исси, в род. падеже эсеби (342), чамалин.исси(392) "мы" (эксил.); Н: в тюрк.языках сис, сиз, сиздер "вы" (Исх. 209), восточно-ительмен. suse "вы" (Долг.59), индоевропейское *sues "вы" в реконструкции В.Я. Мыркина (Мыр. 84);

23. Д: анд. илIил (285), ботлих. илIи (301),годобер. илIе(315), ахвах. илIи, в род. падеже элIебе (342), багвалин. илълъи (361), тиндин. илIа (374),чамалин. илIи (392)"мы" (инкл.); Н: селькуп. -li , -lyi , камассин. -lyi „вы оба"(Сер. 79);

24. Д: лезгин. чун, в эргативе чна "мы" (534), агульъ. чин(569), крыз.жин (635),будух.жин (650) "мы" (экскл.); Н: нивх. чын "вы" (ЯН-У,416). Об образовании этого местоимения см. статью В.З. Панфилова "Грамматическое число существительных в нивхском языке", Доклады и сообщения И-Я АН СССР, XI,1958, стр. 47.

25. Д: агульъ. хьин (568),хиналуг. кьин (666) "мы" (инкл.); Н: кет. ъкн "вы" (ЯН-У,461),ъкнх-ам "Ваша матъ"(ЯН-У,457); бедауйе -kna "вы" (Дьяк.223);

Таким образом, мы склоняемся к предположению о том, что и в общедагестанском, как и в других ностратических, на первое лицо указывало местоимение с основой на *m-

(*mi, *me, *min, *men), на второе лицо - местоимение с основами *s- , *t- , *k- . Кроме предложенных соответствий мы располагаем пока двумя косвенными доводами.

I. Это прежде всего личные местоимения картвельских языков, материалы которых широко и систематически привлекаются защитниками гипотезы древнейшего родства языковых семей Северной Евразии (см: А.Б. Долгопольский, Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблема фонетических соответствий), М.I964; его же:
Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения - ВЯ,I964,№ 2; его же:
Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибиро-европейская гипотеза, "Этимология I964", М,I965; его же: В поисках далекого родства, "Русская речь", I967, № 6; его же: Ностратические этимологии и происхождение глагольных формантов, "Этимология I968", М.I97I ; В.М. Иллич-Свитыч, Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) "Этимология I965", М.I967; его же: Соответствия смычных в ностратических языках, "Этимология I966", М.I968 и др.). Дагестанские языки, как одна из ветвей кавказской семьи языков, могли бы иметь основы, близкие основам личных местоимений картвельских языков (о личных местоимениях последних с точки зрения сибироевропейской гипотезы см: Долг. 56,59; В.М. Иллич-Свитыч, Рецензия на кн. Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани "Система сонантов и аблаут в картвельских языках", ВЯ I966, № 4, стр. I36).

2. В пользу предположения, что в общедагестанском *m- могло указывать на говорящее лицо, а *t- , *s- , *k- — на собеседника, говорят данные указательных местоимений, если исходить из установленного о генетической связи личных и указательных местоимений в языках различных типов (более подробно и со ссылками на соответствующую литературу см.:К.Е. Майтинская, К типологии генетической связи личных и указательных местоимений в языках разных систем, ВЯ, 1968, № 3).

В лезгинских языках на ближайшие к говорящему предметы и лицо указывают местоимения с основной *m-: табасаран. му "этот" (552), агуль.ми "этот" (569), рутуль.ми "этот" (585), цахур.мана "этот" (599), удин.ме(но)"этот" (по отношению к говорящему, 681).Основы *m-, *mi-, *me-, *min- и др. выражают такое же указание в иранских (ЯН-I,308, 376, 406, 425), тюркских (Исх. 252) и других языках. Генетическая связь этих указательных и личных местоимений I лицо с теми же основами в тюркских и иранских языках представляется очевидной. Соответственно и в дагестанских языках могло быть личное местоимение I лицо с основой *m-.

Цахурское шен "то" (599) напоминает грузинское šen "ты" (Мар.41), следовательно, в цахурском языке могло быть местоимение шен в значении "ты" (ср. казах. сен "ты" - осынау"тот", кирг. сен "ты" - диалектное шону "тот", "того" в вин. падеже), но в этом языке ши, ш-, ша- "мы", зы, з-, за- "я" (598).

В соответствии с указательными местоимениями (агуль.те "тот" (569),рутул.ти "тот" (598) и др.) в рассматриваемых языках пережиточно сохранилась t-овая основа в косвенных падежных формах личного местоимения 2 лица (гунзиб. диби "тебе" и др.,см. выше). Такая же основа в значении "ты"-"вы", "это-"эти" "он-"они" и т.д. в уральских, индоевропейских и других языках.

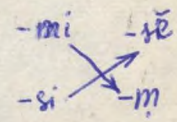
Удинские ка(но) "это" (по отношению ко 2 лицу,68I) и гъун "ты" (в нидж.диалекте,686) дополняют сказанное.

Наличие указательного местоимения с основой l- в дагестанских языках еще раз убеждает в ностратической их принадлежности (ср. крыз. ли "это" (635), будух. ала,улу "это" (65I); латин. ollus , ille (Мейе,334), испан. el,ella "он", "она" (Сер.22); др-евр. ʾēllä, ʾēl "эти", староарам. ʾillēn"эти", ʾillēk "те" (Дьяк. 399); сван. ala "этот", в диалектах ala,ali,äli, ale (Мар. 44), кодагу aḷa ,тулуaḷu ,гонди ol,ul,al "он" (Анд. табл. II); хант.-əle "он", -el "они" (Сер.II9); алт. ол."то", башкир, татар. ул "вонто", кирг. ал "он" (Исх.247-248) и др.). Факты уральских языков позволяют предположить, что -l- в дагестанских языках могло выражать 2 лицо: селькуп. -al "ты" (Сер.II7). А в дагестанских языках -l- выражает как раз I лицо (цез. эли "мы").

Нам пока не удалось выявить внутренние закономерности и относительную хронологию особого развития основ личных местоимений общекавказского языка в дагестанское направление. В предварительном плане представляется допустимым лишь одно: общедагестанский язык имел ностратические основы личных место-

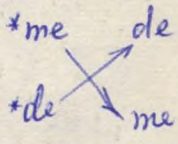
имений в первоначальном значении до возникновения эргативной конструкции предложения, классного изменения важнейших категорий слов, чем и резко отличаются дагестанские (и почти все кавказские) языки от ~~ду~~ уральских, алтайских и др. языков, сближаясь типологически с шумерским, хуррито-урартскими , чукотско-камчатскими, новоиндийскими (см. соответствующие разделы работ Дьяк. Мещ.) и кетским (см. А.П. Дульзон, Кетский язык, Томск, I968, стр. 584-608) языками. Типологическое сравнение с последними как будто подтверждает это предположение. Интересно сравнить личные суффиксы санскрита с личными суффиксами новоиндийских языков, характеризующихся эргативной конструкцией (см. статью: Т.Я. Елизаренкова, Эргативная конструкция в новоиндийских языках, "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов", Л.I967, стр. II6-I25):

Санскрит	Синдхи
é-mi "Я иду"	hali-u-sĕ "я ушел"
é-si "ты идешь"	hali-e-ṃ "ты ушел"

Примеры взяты из работ: Мейе, 25I; В.С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М-Л. I956, стр. I36; но здесь другое объяснение. Таким образом, допустимо:

Общедаг. язык	Тиндин. язык
*me "я"	de "я"
*de "ты"	me "ты"

Кетский язык, имеющий типологическое и материальное сходство с кавказскими языками, служит как бы связывающим звеном этих языков с другими ностратическими, совмещая в своей структуре и лексике их общие признаки. Как и все вымершие енисейские языки, он имеет много общих основ, в том числе и местоименных, и с алтайскими языками.

Некоторые из них, видимо, заимствованные, а многие, образуя даже регулярные, но еще сомнительные в ряде случаев, фонетические соответствия, возводимы к отдаленной общности этих языков. Иногда встречаем разительно сходные элменты, которые можно объяснить или как заимствование, или как следствие действия общих закономерностей в родственных языковых семьях. Не вдаваясь во второстепенные в данном случае сравнения, можно предложить отдельные соответствия местоименных основ.

I. Кет. ави- "я" в косв. падежах (ЯН-У,46I)-орок. би-ви "я есмь", унзи-ви "я говорю" (ЯН-У,I82);

2. Кет. б- "мой": б-ам "моя мать" (ЯН-У,457)-бурят.ябана-б "я иду", харалай-б "я как-то видел" (ЯН-У,24,25);

3. Кет. д-ам "её мать" (ЯН-У,457) -узб. кела-ди "придет" (кела-ман "приду", ЯН-П,349);

4. Кет. бу "он", "тот" (ЯН-У,46I) имеет соответствие почти во всех языках: азерб. бу "это", якут. бу "это" и т.д. (Исх. 247,248); ср.в индоевр. лидийском ві- "он",ликийском еве- "он" (В.В.Шеворошкин,Малоазийские языковые параллели, "Этимология I964", М.I965, стр.I53);

5. k-, q- в значении "ты", "вы" во всех кавказских, чукотско-камчатских, семито-хамитских и др. языках (см. выше). Также основа в значении "этот", "тот", "он" почти во всех ностратических языках (чуваш. ку "это" (Исх. 248), индоевропейское *k- (Мейе,333), кет. ки- "это" (ЯН-У-46I-462) и др.);

Итак, кетские ук, ух-, укы- "ты", ки- "это" сближают кавказские языки с другими ностратическими языками.

6. Кет. ат' "я" в им.-вин.падеже (ЯН-У,46I)-лак. тту-л "я" в род.-акт.падеже, тту-н в дат. I(496); Если учесть вторичность личного местоимения им. падежа I лица в индоевропейских языках, возникновение которого, вероятно, связано " с более поздним развитием абстрактной грамматической формы I-го лица как абсолютного носителя (субъекта) действия" (В.М. Жирмунский, История немецкого языка, М.1965,стр.233), то кетское ат' "я" тоже, по-видимому, вторичного происхождения, а основы косвенных падежей (ави-, ба-), сравнимые с алтайскими (кет. ба-ӈа "мне"- др.-тюрк. ба-ӈа "мне", ЯН-У, 46I,ДТС,8I), представляют более древнее состояние личных местоимений; соответственно вторично и дагестанское mi/me "ты" в им. и эрг. падежах, имеющее di/de в остальных. Ср. парадигму личных местоимений ед. числа в тиндинском языке:

Им.	де "я"	ме "ты"
Эрг.	ди	ми
Род.	ди-б	ду-б
Дат.	ди-лъа	ду-лъа
Афф.	ди-бо	ду-ба

7. Кет. ди-, д- (личный префикс глаголов гр. Д) в значении "я"- цез. ди "я" (410). Обращает внимание тот факт, что аффиксы гр. Д характерны для субъекта переходных глаголов. В тоже время аффиксы гр. Б характерны для субъекта непереходных глаголов (Б.А. Успенский, О системе кетского глагола, "Кетский сборник" М,1968,стр.210).

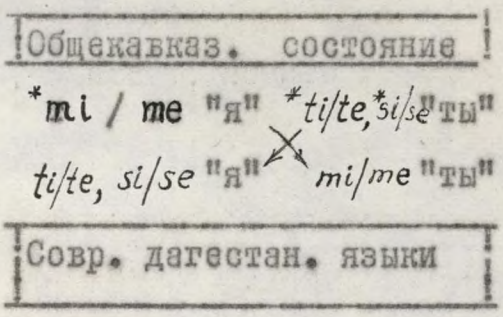
Зависимость t-ового показателя I лица в кетском языке от переходности глагола наводит нас на предположение о том, что в развитии личных местоимений в дагестанских языках какую-то роль играла эргативная конструкция, возникшая в кавказских языках "в условиях классного объектного спряжения переходного глагола" (Чик. 31; по отношению к кетскому языку деление личных показателей в глаголе на класс Д и класс Б впервые было предложено К. Боуда, см. об этом: Е.А. Крейнович, О явлениях развития кетского языка от форм аналитических к формам синтетическим, сб. "Аналитические конструкции в языках разных типов", М-Л. 1965, стр.284).

К такому выводу можно придти и еще потому, что в картвельских языках личные местоимения , в отличие от других склоняемых слов, не имели и не имеют специальных форм для эргативного и дательного падежей (Чик. 14, Г.А. Климов, Краткая характеристика склонения в занском языке, "Вопросы грамматики",М-Л, 1960, стр. 77). Возникает, естественно, вопрос: поэтому ли сохранились в этих языках ностратические основы личных местоимений без существенных изменений?

Эргатив и именительный не дифференцируются в андийском, в говорах аварского и др. языках (Чик. I4, С.М. Хайдаков, Об эргативном падеже в местоимениях дагестанских языков, сб. "Эргативная конструкция предложения в языках различных типов", Л.1967, стр.I86-I87), но это может быть объяснено как новообразование.

t-овой личный показатель I лица встречается в в других языках, характеризующихся типологически общими чертами с кавказскими: в хуррито-урартских (Дьяк.I50), чукотско-камчатских: чукот. ты-чейв-ыркын "я иду", чейв-ыркын "ты идешь", "он идет", но ср.: м-чейв-ркын "пусть пойду", к-чейв-ркын "иди", н-чейв-ркын "пусть пойдет"(ЯН-У,262); коряк. тыку-лэ-н "я иду", ку-лэ-н "ты идешь", "он идет"; но ср: мы-лэк "пусть пойду", кы-лэ-ги "иди", ны-лэ-и "пусть пойдет" (ЯН-У-282). В данном случае, однако, t- в значении "я" при непереходном глаголе, а эргатив, как правило, управлятся переходным глаголом: эргативная конструкция прямо связана с переходным глаголом. Поэтому непосредственно связать семантическое изменение t- "я" < "ты", "тот" с возникновением эргативной конструкции сомнительно. Но допустимо, что в семантическом изменении t-"я" < "ты", "тот" определенную роль играло не само возникновение эргативной конструкции, а общие процессы, действовавшие в возникновении и развитии всей специфической структуры языков с эргативным строем предложения. (Примечание: мы исходим из того, что самым древним способом сочетания слов в предложении было не управление, а примыкание).

Не выходя еще за рамки гипотезы, можем представить путь развития кавказских личных местоимений в дагестанское направление в следующем виде:

Такое представление семантического развития логически предполагает существование периода, когда не могли различаться при определенных условиях личные местоимения первого лица от личных местоимений второго. В этом плане заслуживают особого внимания опять-таки факты языков с эргативным строем и классным спряжением.

Ср. восстановленную И.М. Дьяконовым глагольную структуру шумерского языка с местоименными аффиксами:

*mu-dar-en " я тебя положил" и *"ты меня кладешь";
*mu(-e)-dar-en "ты меня положил" и *"я тебя кладу";
*mu-n-dar-en "он (соц.акт.) меня (тебя) положил" и *"я(ты) его (соц.акт.) кладу(кладешь);
*mu-b-dar-en "он(соц.пасс.) меня(тебя) положил" и *"я(ты) его(соц.пасс.) кладу(кладешь)"(Дьяк.74).

Неразличимость личных аффиксов первого и третьего лица характерна также кетскому языку: д-и-н-ан-с'-ŋ "я-освежую-их", "он-освежует-их" (но ср. к-и-н-ан-с'-ŋ "ты-освежуешь-их", лаҳ-и-н-ан-с'-ŋ "она-освежует-их");

д-и-ӈ-ан-с'-иj-н "мы-освежуем-их", "они-освежают-их" (но ср. к-и-ӈ-ан-с'-иj-н "вы-освежуете-их"). Примеры взяты из статьи: Е.А. Крейнович, О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка, "Кетский сборник", М.1968, стр. I72.

Такое же явление выявлено в памятниках письменности Урарту, где "суффикс -Bi передает в непереходном предложении действие третьего лица: ušta-Bi "выступил-он". Тот же суффикс -Bi получает в переходных предложениях субъектно-объектное значение, выражая действие первого лица, направленное на третье лицо: karu-Bi "победил-я-его" (Мещ. I83). Если учесть, что в урартском языке независимые личные местоимения почти не сохранились (Дьяк. I43), а зависимые превратились в чисто глагольные форманты (ср. -me "мне" (Мещ. I84), -oše "мы" (Дьяк. I5I) и хуррит. -iww "мой", -iwwaz̄ "наш" (Дьяк. I44) с кирг. кала-м "останусь", кала-быз "останемся"), то, очевидно, даже данные личных аффиксов этого языка в некоторой степени позволяют нам представить ход развития ностратических личных местоимений в то состояние, какое мы имеем в современных дагестанских языках.

2. К образованию личных местоимений множественного числа

Ностратические личные местоимения первого лица множественного (и двойственного) числа образовались, по всей вероятности, от основы личного местоимения первого лица единственного числа *mə (> *nə / wə) "я" путем прибавления к ней лично-указатель-

ных местоименных основ со значениями, близкими русским "ты"-"вы", "этот"-"эти", "тот"-"те", "он"-"они" (Вслед за А.Б. Долгопольским мы обазначаем буквой ə гласный, качество которого не удалось определить, см. его статью: В поисках далекого родства, "Русская речь", 1967, № 6, стр. 105). Это подтверждается не только семантикой личных местоимений мн. числа (мы-"я и ты", "я и вы", "я и он" и т.д., вы-"ты и ты", "ты и он", "ты и они" и т.д.), но и материальным совпадением второго компанента с общими основами указательных и личных местоимений второго и третьего лица.

Ниже даются некоторые параллели:

I. *mə+*s — (ср. санскр. -si "ты", sá "тот", sā́ "та").

а) Алтайские: маньч. muse (Мыр. 79), в тюркских языках -мыз, -мыс (в четырех вариантах) "мы" (Э.В. Севортян, Категория сказуемости, "Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", ч. II., Морфология, М. 1956, стр. 18);

б) Индоевропейские: др.-прус. mes, лит. mẽs, греч. (лесб) (ἄμ-)μες (Мейе, 341); в современных иранских языках: шугнано-рушанская группа имеет māš в значении "мы" (ЯН-I, 375), белудж. māšmā (инкл.) "мы" (ЯН-I, 232); глагольные аффиксы: вед. -masi, греч (дор.) -μες (в других диалектах -μεν), латин. -mus (Мейе, 243);

в) Кавказские: цез. межи, бежитин. мижс, в дат. падеже миз-ол и др. "вы" < "мы" (см. первую статью);

г) Уральские: эрзя-мордов. kunda-sa-miź "поймешь-нас", мокша-мордов. kunda-sa-mast' в том же значении (Сер. I2I);

д) Эскимосо-алеутские: алеут. ти-мас "мы", "нас", и-мас "нам" (ЯН-У,394), -мас "мы","наш", "нас" (ЯН-У,389); ср. аӡа-мас "наш отец" (аӡа-чих "ваш отец", ЯН-У,390);

*məs > *nəs: а) Индоевропейские: латин. nos, хетт. anzaš, гот. uns, unsis "нас", ст-слав. NAS и др. (Мейе,34I-342);

б) Кавказские: даргин. нуша (ЯН-IУ,5I4), авар. ниж (ЯН-IУ,263).

*məs > *βəs > *wəs: а) Алтайские: в тюркских языках биз, пис и др. "мы" (Исх. 208);

б) Индоевропейские: гот. weis, хетт. weš (Мейе, 34I); санскр. -vas "мы оба" (ФФ-П,306);

в) Кавказские: удин-беши "мы", беши-"наш"; анд. биссил, ботлих. бишти, тиндин. бисса и др. "вы" < "мы";

г) Хуррито-урартские: хуррит. -iww̄az̄ (-iγaz̄) "наш", урарт. -vša "мы";

2. *mə + *t- (ср. русск. ты, -те "вы", -т "он","она","оно"; тот, та, то, те)

а) Алтайские: дунсян. матан (Дар. II4), калм. мадн (~ бадн, ЯН-У,42), в речи синьцзянских торгутов маднр ~ моднус (ЯН-У, 5I); эвенк. мит ~ мут (инкл) "мы" (Ян-У,76), эвен. мут тоже (ЯН-У,94);

б) Дравидские: гонди ammaṭ (экскл) "мы" (Анд., табл. I0);

в) Индоевропейские: греч. κεῖ-μεθα "лежим", φερό-μεθα "несемся", авест. -maide "мы" (Мейе,246). В русском идёмте второй компанент личного окончания (-те) можно сравнить с -те "вы" (иди-те) и с указательным те во мн. числе.

г) Уральские: селькуп. -myt (Сер. 77);

д) Чукотско-камчатские: чукот. мытрэ-чейв (гьэ) "пойдем", мыт-чейв-ыркын "идем" (ЯН-У,262), коряк. мыт-ко-ла-лан, "идем", мыт-ку-лэ-н, "мы оба идем" (ЯН-У,282);

е) Эскимосо-алеутские языки: эскимос. -мат-,-мта, наряду с другими вариантами в значении "наш" (ЯН-У,371);

ж) Юкагир. мит "мы" (Ян-У,440);

*mət>*nət : I) Алтайские: монгор. ндаⁿгула, ндāсгэ (ср.другие варианты: будангула, будасгэ, Дар. II4);

2) Индоевропейские: нем. si-nd "есмы" (ср. латин. sŭ-mŭs "есмы");

*mət>*bət>*wət: I) Алтайские: классич. монг. бiдеѡбiда, бiденѡбiдан, дагур. бэд, монгор. будангула, будасгэ, будансэ, будантан, дунсян. бiджiэн "мы", баоань. бэде (инкл.) "мы" (Дар. II4); калм. наадла-вдн "мы играли" (ЯН-У,45); негидаль. бутта~битта (инкл.) "мы" (ЯН-У,II6); якут. ыла-быт "мы берем" (Ян-П,415), дьиэ-бит "наш дом" (ЯН-П.408);

2) Индоевропейские: др-анг. *wit* "мы оба", литов. *vedu* "мы оба" (Мейе, 342);

3) Кавказские: чамалин. *бити*, годоберин. *битте* "вы" < "мы",

4) Эскимосо-алеутские: эскимос. *пана-вут* "наше копье" (ЯН-У,369);

3. **mə+*r-* (куи-*ети* "вы", "они", парджи *-р*, "вы", "они", Анд., 74,78).

а) Алтайские: чуваш. *ха-мăр* "мы сами" (*ха-м* "я сам", ЯН-П.,51);

б) Дравидийские: куви *mavo* (инкл.) "мы" (Анд. табл.IO);

в) Нивх. *мэр* ∾ *мир* (инкл.) "мы" (ЯН-У,416);

г) Чукотско-камчатские: чукот. *мури* (ЯН-У,260) алютор. *мури*, *мурыӈӈи* "мы" (Ян-У,300);

**mər > *vər > *ʷər* отражено, по-видимому, в чувашском *эпир* "мы", *пире* "нам", "нас" (ЯН-П,51), *мухт-ă-пăр* "похвалим" (*мухт-ă-р* "похвалите", ЯН-П,53), корейском *uri* "мы" из **ʷuri* (Г. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М.,1957,стр. 70,71; А.Б. Долгопольский, Примечания (№ 132,161) к статье М. Свадеша "Лингвистические связи Америки и Евразии", "Этимология 1964", М.1965,стр.317,318). Немецкое диалектное *sāge-mr̥* "мы говорим" < *sagen wir* (В.М.Жирмунский, Об аналитических конструкциях „Аналитические конструкции в языках различных типов", М-Л,1965,стр.55), а *r* в *wir* "мы" восходит к германскому **z* (В.М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М-Л.1964,стр. 157).

4. *mə-*n- (ср. манс. нанг "ты", нэн "вы оба", нан "вы", мар. нуно "они")

а) Алтайские: бурят. манай, -мнай "наш" (ЯН-У,20), калм. ман- "мы" в косв. падежах (ЯН-У,42), в торгутском говоре калм. языка манс~маанр "мы" (ЯН-У,5I); баоань. маңгэ (экскл) "мы" (Дар.II4); эвенк. -мӯн (экскл.) "наш" (ЯН-У,92); ульч. мун- "мы" для косвенных падежей (ЯН-У,I59), удэг. минти (экскл.)"мы" (ЯН-У,220);

б) Дравидийские: телугу manamu(инкл.) "мы", конда man (инкл.) "мы" (Анд. табл. I0);

в) Индоевропейские : греч. -μεν (Мейе, 243), тадж. худа-мон "мы сами" (худа-м "я сам", ЯН-I,2I9), тат. imun "мы" (ЯН-I, 288);

г) Уральские: венгер. min, манс. man, хант. mŏŋ, мордов. mìń "мы" (МайтФ,72-73); манс. mēn, min , хант. mìn, min, саам. munaj "мы оба" (МайтФ,74);

д) Чукотско-камчатские: чукот. мын-чейв-ркын "пусть пойдем" (м-чейв-ркын "пусть пойду", ЯН-У,262); коряк. мын-лэ-мык "пусть мы оба пойдем", мын-ла-ла "пусть мы пойдем" (мы-лэ-к "пусть я пойду", ЯН-У,282); алютор. мән-витан(мәк) "поработаем-ка мы (оба)" мән-витал-ламәк "поработаем-ка мы" (м-витат-әк "поработаю-ка я", ЯН-У,302);ительмен. мән-кол'-к "пусть мы придем" (м-кол'-кәчен "пусть я приду", ЯН-У,340).

*mən>*nən : а) Дравидийские: брагуи nan (инкл.) "мы"(Анд. табл.I0);

б) Кавказские: арчин. нен "мы" (ЯН-IУ,6I5);

в) Семитохамитские: старовавилон. nīnu (Дьяк.286), др.-егип. ʾn-n (новое состояние anon), сомали (кушит.) anna (экскл.), inna (инкл.) "мы" (Дьяк. 224-225);

*mən>*bən>*wən: а) Алтайские: эвенк.-бун, -вун(экскл.) "наш" (ЯН-У,73);

б) Кавказские: крыз. вин, будух.вин, удин. ваIин~ефаIн "вы" < "мы";

в) Семито-хамитские: др-егип. -win "мы" (Дьяк. 243);

г) Индоевропейские: хетт. -weni "мы" (Мейе, 243);

5.*mə+*k-(ср. кет. ук "ты", ки- "этот", ка- "тот")

а) Индоевропейские: армян. mekh (Мейе,34I);

б) Уральские: общеуральское *m·k (Сер. 73-74); норвежско-лапланд. gulai-mek "мы слушали" (Сер. 76), венгер. ura-mk "наш господин" (А.Б. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, М.I963,стр.I00).

в) Чукотско-камчатские: чукот. нэ-льу-мык "он-видел-нас" (нэ-льу-тык "он-видел-вас", ЯН-У,264), коряк. нэ-ку-лʼу-мык "вы-видите-нас-обоих", на-ко-лгʼо-ла-мык "вы-видите-нас" (ЯН-У,284);

*mək>*nək: I) Индоевропейские: армян. e-nkh "есмы" (e-m "есмь" ЯН-I,58I);

2) Уральские: венгер. laku-nk "мы проживаем" (Сер. 76);

3) Дравидийские: кодагу eṅga(эксюл.) "мы" (а во многих дравидийских языках в этом значении em, ām, Анд. табл. IO);

*mək>*bək>*wək: ненец. manzara-wa' "мы работаем", ta-wa' "мы приехали" (Сер. 77);

Совсем аналогичным путем, видимо, образовались многие личные показатели 2-го и 3-го лица мн. числа. Рассмотрим основы некоторых местоимений и местоименных формантов со значениями, близкими русским "вы" и "они".

1. *s-+*s-

"Вы": I) В тюркских языках: сиз, сис, сизлар и др. (Исх.209);

2) Индоевр. *sues в реконструкции В.Я. Мыркина (Мыр.84);

3) Восточно-ительмен. suze (Долг. 59);

"Они": эрзя-мордов. -suź "они"(его)", "они(их)", мокша-мордов. -saź тоже (Сер. I2I), удмурт. soos "они" (Майт.М.I8I). Любопытно, что В.Я. Мыркин реконструирует sues и для 3 лица мн. числа (Мыр. 84) Ср. ингуш. шоаш "вы сами", "они сами" (ЯН-IУ,2I8);

2. *s-+*l-

"Вы" : укр. ї-сте, да-сте (ср. ед. число : ї-си, да-си);

"Они": I. Уральские: эрзя-мордов. kudo-st "их дом" (Сер.I24-I25);

2. Тюркские: кирг. бар-ы-шат "они пойдут" (бар-а-м "Я пойду");

3. Кавказские: даргин. ищди "эти" (иш "этот", ЯН-IУ, 5I4);

3. *s- + *č-

I. Кавказские: хиналуг. зур, в род. падеже суре в значении 2 лица мн. числа (ЯН-IУ,666);

2. Тюркские: чуваш. эсир, сир- "вы", хакас. сірер „вы" (Исх. 209), хакас. пасча-зар "пишите", килир-зер "идите сюда" (ЯН-П, 437);

4. *s- + *n-

"Вы" I. Индоевропейские: ягноб. -šint "ваш","их"(ЯН-I,348);

2. Алтайские: эвенк., нан., ульч., орок., ороч. сун —"вы" для косв. падежей (ЯН-У,76,I37,I59,I80,200); ср. также эвенк. анамча-сун "толкнули бы вы" (ЯН-У,80), негидаль биси-сун "вы бываете" (ЯН-У,II9);

"Они" I. Индоевропейские: тадж. худ-а-шон "они сами" (худ-а-ш "он сам", ЯН-I,2I8); талыш. -šon "их" (ЯН-I,308);

2. Семито-хамитские: старовавилон. šunu (муж), šina (жен), "они" (Дьяк. 286), ташельхит. -sən- "они" (Дьяк,223), бедауйе -sna "они" (Дьяк. 223), др.-егип. -sn "они" (Дьяк. 2I8);

3. Уральские: мордов. śiń "они" (МайтФ,72), коми kuta-sny "они начинают" (Сер. 98);

5. *s-+*l- в значении "вы" в тюрк. (кирг., алт. силер, слер, Исх. 209) и кавказ. (убых. s°ała, s°əła, ЯН-IУ,698) языках.

6. *t-+*t-

"Вы":I) Индоевропейские: санскр. -tad (ФФ,П̄,30I);

2) Алтайские:калм. тадн(ЯН-У,42), моголь. тот,тод(Дар. II4);

3)Уральские: морøдов. -tado (Сер. 82), карель. rubie-tta "будете" (rubie-t "будешь", Сер. 95);

4) Юкагир. тит (ЯН-У.440);

"Они": I) Кавказские: даргин. идти "они" (ит "он","тот", ЯН-IУ, 5I4);

2) Уральские: селькуп. tus-ătyt "они пришли" (Сер. I05);

7. *t-+*s-

"Вы": I) Индоевропейские: латин. -tis "вы" (ФФ-П̄,302), санскр. -thas "вы оба" (ФФ-П̄,307);

2) Алтайские: монгор. тасге, таса (Дар. II4);

3) Чукотско-камчатские: ительмен. туза, туза?н (ЯН-У,338);

4) Уральские: эрзя-мордов. kunda-ta-dyź "они поймают вас", мокша-мордов. kunda-t'a-d'aź то же (Сер. I2I);

"Они": санкср. -tas "они оба" (ФФ-П̄,307);

8. *t-+*n-

"Вы": I) Алтайские: бурят., калм. тан— (ЯН-У,23,42), в в торгутском говоре калм. языка тāнр∾тансуд "вы" в им. падеже (ЯН-У,5I), ср. также калм. hар-тн "выходите" (ЯН-У,44);

2) Индоевропейские: хетт. -teni, вед.-thana(Мейе,243), тадж. худ-а-тон " вы сами" (ЯН-I,2I9);

"Они": I) Алтайские: эвенк. анамчā-тын "толкнули бы они" (ЯН-У,80);

2) Уральские: манс. tēn, tin , хант. tin, tin "они оба" (МайтФ., 74);

3) Семито-хамитские: бербер.-tən- (Дьяк.224);

4) Эскимосо-алеутские: - тын "их(ты)" (Ср. -н "его(ты)", (ЯН-У,378);

9. *t- +*k-

"Вы": I)Индоевропейские: армян. dukh (ЯН-I,574);

2) Кавказские: груз.tkwen,мегрело-чан.tkva(n)"вы" (Мар.4I);

3) Уральские: норвежско-лапланд.gullai-dek "слушали вы", венгер.keres-tek "ищите вы", lak-tok "проживаете вы" (Сер. 77-78);

4) Чукотско-камчатские: чукот. кы-чейв-ытык "пойдете вы" (ЯН-У,262); нэ-льу-тык "они видели вас" (ср. нэ-льу-мык "они видели нас", ЯН-V̄,264);

5) Эскимосо-алеутские: эскимос. -м-тык "-я-вас(обōих)", ср. -м-кык "я тебя" (ЯН-У,378);

10. *n- + *n-

"Вы": 1) Дравидийские: малаялам niññaḷ, кодагу niṅga (Анд. табл. 10);

2) Кавказские: удин. беса-нан "делаете вы" (беса-н "делаешь ты"), бу-нан "есте" (бу-н "еси", ЯН-IУ, 682);

3) Уральские: манс. nan, хант. naŋ "вы" (МайтФ,72), манс. nēn, nin, хант. nìn, nin "вы оба" (МайтФ,74);

"Они": мар. nuno (МайтФ.72);

11. *n- + *s-

"Вы": 1) Алтайские: азерб. ата-ныз "ваш отец", ат-ы-ныз "ваша лошадь" (ЯН-П,71), карачаево-балкар. алды-ныз "вы взяли" (ЯН-П,246);

3) Кавказские: авар. нуж (ЯН-IУ,262-263);

3) Шумер. -enzen (Дьяк. 75);

В алеутском языке —н'ис в значении "их", "они" (ЯН-У,389,398);

12. *n- + *t-

"Вы": 1) Индоевропейские: тат. bir-ind "вы бывали" (ср. bür-und "они бывали", ЯН-I,292);

2) Уральские: коми myna-nnud "вы идете" (Сер. 82), kuta-nnyd "вы начинаете" (Сер. 98);

"Они": I) Алтайские: ульч. nāti (ЯН-У,I59), удэг. ńуаti (ЯН-У,220);

2) Индоевропейские: санскр. s-ánti , дор. ἐντι, умбр. s-ent, гот. s-ind, лат. s-unt "суть" (Мейе,242), в современных иранских языках: тадж. буд-анд "суть" (ЯН-I,22I), белудж. guš-ant "они говорят" (ЯН-I,334);

3) Уральские: эстон. nad "они" (МайтФ,72);

4) Семито-хамитские: ташельхит nitni (муж.), nitənti(жен.) "они" (Дьяк, 225);

Таким образом,если на индоевропейской почве "личное окончание 3 лица мн.числа *-nti ничего не имеет общего с известными нам метоимениями" (Мыр. 84), то рассмотрение с точки зрения гипотезы древнейшего родства индоевропейских языков с уральскими и другими языками, по видимому, поможет выяснить происхождение этого окончания (см. в этой связи статью А.Б. Долгопольского "Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза", "Этимология I964", М., I965).

I3. *n- + *r- "вы" в дравидийских языках: др.-тамиль. nīr , колами nīr(Анд. табл. I0);

I4. *n- + *k-

"Вы": I) Дравидийские: тулу nikulu(Анд. табл. I0);

2) Протоуральское: *-nk (Сер. I24);

"Они" : венгер. ir-nak "они пишут", ker-nek "они просят" (Сер. 78);

I6. Примеры на *k-+*s –, *k + *t– единичны: др-тюрк. -ŋïz,-giz, (ДТС,659), др-англ. git "вы оба" (Мейе,342);

I7. *k- + *n- "Вы":

I) Кавказские: лезгин., агуль. куьн (ЯН-IУ,534,565);

2) Кет. ъкн "вы", ъкнx-ам "ваша-мать" (ЯН-У,46I,457);

3)Семито-хамитские: бедауйе -kna "вы" (Дьяк.223), ташельхит kunnə (муж.), kunəmti (жен) "вы" (Дьяк.225);

4) Эскимосо-алеутские: эскимос.-х-кынка "ваш"(дв.)"(ЯН-У, 37I);

"ОНИ": удин.-къун (ЯН-IУ,683).

Рассмотренный способ образования личных местоимений мн. числа, конечно, не является единственным. Различные пути образования форм не-единственного числа подробно изложены в капитальном труде К.Е. Майтинской о местоимениях (Майт-М, § I55-I73).

Второй компанент данных в статье примеров иногда связывается с аффиксом числа (множественного или двйственного), с количественными числительными. Элементы -du,-t в литов. vedu и др.-англ. wit "мы оба" можно связать не только с числительным "два" (см.: ФФ-I,22I; Мейе,342), но и с местоимением "ты" (ср. также: санскр. -vas "мы оба", -si "ты").

Эти и некоторые другие вопросы (происхождение инклюзивно-эксклюзивных форм, двйственного числа и др.) не были нами рассмотрены, так как наша цель была слишком узкая:

дать лишь соответствия личных местоимений не-динственного числа ностратических языков. Мы также не касались семантических различий предполагаемых форм *mat, *mas и т.д., не были аргументированы сближения, которые могут вызвать возражения. Детальное обоснование могло бы слишком увеличить об"ем статьи и рассеивать внимание на различные, нередко второстепенные, но нужные факты.

Ввиду своей сложности не был рассмотрен такой интересный вопрос, как соотношение основ личных местоимений I-го и 2-го лица мн. числа в индоевропейских языках, имеющий непосредственную связь с темой нашей статьи (ср. I) греч. -μες, тадж. -мон "мы"; санскр. yus-man "вас" – гот. jus "вы"; 2) хетт. weš, гот. weis "мы" – гот. iz-wis "вы" – лат vos "вы", ст-слав. ВАСЪ; 3) ягноб. mōx "мы" – šu-mōx "вы"; 4) литов. mẽs "мы" – хетт. su-mēs "вы" – [шумер. mẽxẽ "вы"] и др.), что, на наш взгляд, может быть изучено в связи с возникновением инклюзивно-эксклюзивных форм (ср. монг. bi "я", čʻi "ты", tʻa "вы", bida (экскл.), čʻi-bida, tʻa-bida (инкл.) "мы"; алгонк. (североамерик.) языке: nin "я", ki(n) "ты", win "он", "она", "оно", kinawa "вы", ninawind (экскл.), kinawind (инкл.) "мы"; примеры взяты из работы: P. Forchheimer, The category of person in language, Берлин, 1953, 103, 104 стр.).

УВАЖАЕМАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ!

Еще в начале августа сего года я получил отзывы Вашего рецензента о моих "Двух статьях по гипотезе о древнейшем родстве языков Северной Евразии" и дополнительную рецензию зав.отделом языков и письменности народов СССР, кандидата филологических наук тов.Г.Ф.Благовой (В написании рецензированных статей я в первую очередь обязан Г.Ф.Благовой за её советы и справедливые замечания на мою первоначальную статью о личных местоимениях, которая называлась "Почему я, но меня?" Предложенные на Ваше рассмотрение статьи были написаны только после ознакомления с указанной ею литературой).

За отсутствием времени (с 3 июля вплоть до 27 ноября находился на сельхозработе: на уборке сена и сборе хлопка) задерживался ответом.

Несмотря на то, что с тех пор прошло более четырех месяцев (и,может быть, уже поздно), я решил попытаться в общем плане изложить те факты и соображения, которые послужили основаниями для неодобренных Вашими рецензентами выводов, учитывавшими, главным образом, одно, наиболее распространенное и принятое из возможных двух или более решений (см. об этом ниже).

Для удобства свои возражения изложу по отдельным пунктам.

I. Совершенно непонятно, почему рецензент приписывает мне попытку показать, будто "ностратические основы личных местоимений I-го и 2-го лиц сохранились в дагестанских языках с ясной семантикой лиц". Этого не было в статье "Ностратические основы личных местоимений в дагестанских языках". А я, кажется, писал иначе: "На дагестанской почве ностратические основы личных местоимений I-го лица приняли значение 2-го лица и, наоборот, основы 2-го лица дошли до нас в языках Дагестана, приняв значение I-го лица" (стр.5).

Это предположение, на мой взгляд, было достаточно аргументировано: I) материальные соответствия, подтверждающие гипотезу (в двадцати пяти пунктах); 2) аналогичные факты в развитии грамматики и лексики индоевропейских, алтайских языков по данным В.Краузе и Е.Д.Поливанова; 3) данные о генетической связи личных и указательных местоимений (сравнение основ личных местоимений с основами указательных в лезгинских языках); 4) сравнение местоименных личных окончаний санскрита и современного синджи (об этом см. также ниже); 5) аналогичные или близкие явления в шумерском, урартском и др. языках тоже привлекались для аргументации данной гипотезы (см. стр.5-19).

Итак, весь смысл первой статьи заключался именно в доказательстве предположения, что ностратические основы личных местоимений дошли до нас в дагестанских языках без значительных фонетических изменений (соответствия даны в 25 пунктах), потерпев при этом лишь семантические изменения (ностр. *mə "я" → *mə "ты" в дагест.; ностр. *tə/sə "ты" → *tə/sə "я" в дагест.; ностр. *mət/məs "мы" → *mət/məs "вы" в дагест. и т.д.).

Таким образом, у меня была совершенно другая цель и другое её решение, которые рецензент совсем обходит и которыми он, по всей видимости, пренебрегает, приписывая мне то, что отсутствовало в статье.

2. Рецензент отмечает, что совершенно фантастичны предполагаемые автором статей общекавказские прототипы этих основ.

Предложенная в первой статье вся аргументация основной гипотезы, обоснованная на фактах и их логической взаимосвязи, о которых рецензент ничего не говорит, позволила мне придти к выводу о том, что в общекавказском, если такой абстрактный язык мог существовать (я не говорю о спорах кавказоведов по вопросу о кавказской семье языков), на I-ое лицо ед.указывало местоимение *mə (груз. me "я", но тиндин. ме "ты" ← "я" в соответствии с основной установкой первой статьи), но будух. зе-н "я" ← "ты", анд. ден/дин "я" ← "ты").

(на 2-ое лицо — *tə/sə (груз. šen „ты")

В этом отношении очень интересны факты индийских языков.

Если бы не было санскрита, то мы затруднялись бы об"яснить соотношение личных показателей синдхи и цыганского языка: синдхи -ṃ "ты" но цыган. -м "я" (ср. грузин. me "я", но тиндин. ме "ты"), синдхи -sĕ "я", но цыган. -с "ты" (ср. грузин. šen "ты", но будух зән "я").

Учитывая данные санскрита и других индоевропейских языков, путь развития личных формантов языка синдхи схематически можно представить в следующем виде:

I). Санскр. -mi "я"
цыган -м "я" синдхи -ṃ "ты"

2). Санскр. -si "ты"
цыган. -с "ты" синдхи -sĕ "я"

или: I). Санскр. -mi "я" -si "ты"
синдхи -sĕ "я" -ṃ „ты

2). Санскр. -mi "я" -si "ты"
цыган. -м "я" -с "ты"

Ввиду отсутствия древнейшего, как санскрит, кавказского письменного языка мы не можем об"яснить соотношение основ личных местоимений картвельских и дагестанских языков (груз. *me* "я", но тиндин. *ме* "ты", груз *šen* "ты", но будух. *ээн* "я"). Здесь я видел аналогичное синдхи и цыганскому явление, и поэтому предполагалось, что в развитии дагестанских личных местоимений действовали такие же процессы, как и в индийских.

Ср. I) общекавказ. **mə* "я"
груз. *me* "я" во мн. дагест. *ме-н* "ты"
2) общекавказ. **šə* "ты"
груз. *šen* "ты"; будух. и др. *ээ-н* "я"
или: I) общекавказ. **mə* "я" **šə/tə* "ты"
совр. дагест. *зе, де* и др. "я"; *ме, ми,* "ты"
2) общекавказ. **mə* "я" **šə* "ты"
груз. (картв.) *me* "я" *šen* "ты"

Вероятность такого развития свидетельствуется совсем сходными явлениями в других языковых семьях (см. данные Е.Д.Поливанова, В.Краузе).

Поэтому и это замечание рецензента о голой фантастичности предполагаемых общекавказских прототипов основ личных местоимений не могу полностью принять.

3. Ваш рецензент упрекает меня за то, что в статье немало не обоснованных предположений. По мнению рецензента, необоснованно мнение о том, что недифференцированность форм эргатива и номинатива в индийских местоимениях может быть новообразованием. Мне давно известно, что этот вопрос иначе решается кавказоведами (см. работы Чикобава, Хайдакова и мн. др.). По сути дела я не возражаю им, а вполне поддерживаю гипотезу о древности неразличения эргатива и номинатива, даже считаю, что суб"ектно-об"ектные отношения в грамматике (в том числе и эргативный строй) и формы их выражения возникли в языке позже. Такое предположение, конечно, открывало бы перспективы перед ностратической гипотезой Иллича-Свитыча-Долгопольского в том отношении, что, исходя из этого, мы могли бы обосновать древнейшую однотипность грамматического строя языковых семей Северной Евразии, напоминающую, например, аморфно-грамматическую структуру китайского языка. Поэтому можно было бы предположить также, что разнообразные об"ектные, локативные и др. отношения, характеризующиеся особыми формами в современных языках, в ностратическом могли выражаться мор-

фологически одной и той же падежной формой, а именно: именительным падежом, а синтаксически - порядком слов. См. в этом отношении замечания А.Мейе о том, что в древнейших индоевропейских языках "некоторые имена не знают склонения даже в историческую эпоху: числительные от 5 до 10, личные местоимения. Как бы они ни были одиноки в языке, в структуре которого господствует словизменение, эти факты достаточны для установления того, что основа представляет доиндоевропейскую форму самого слова" (Мейе, 171; понятие "доиндоевропейский период" в известной степени близко к понятию "ностратический период").

Предполагается вторичность падежных аффиксов (и, следовательно, падежного словоизменения, склонения вообще) по отношению к основе так же в тюркских, уральских и др. языках.

Если сопоставить состояние некоторых дагестанских языков, в личных местоимениях которых не дифференцируются эргатив и именительный (многопадежность этих языков, конечно, новообразование по отношению к абсолютной основе), то получим в известной степени типологическое сходство , например, с древнейшими индоевропейскими языками. И поэтому, более обоснованным могло быть существующее мнение об архаичности неразличения эргатива и именительного падежа у личных местоимений в большинстве андийских и некоторых других языках Дагестана.

Но это совсем не исключало бы существования взаимосвязанного с ним другого предположения, которое могло учитывать следующие обстоятельства:

1) В соответствии с основной установкой первой статьи об особом пути развития личных местоимений дагестанских языков, дошедших до нас без значительных звуковых изменений лишь с семантической "перестановкой" я видел причину такого развития в возникновении особой структуры - эргативного строя в этих языках, что подкреплялось в статье фактами других языков, типологически сходных с дагестанскими (шумерского, урартского, стр.16-17). Особенно на такое предположение наталкивали особенности структуры личных местоимений картвельских языков, личные местоимения которых (особенно ед.числа) материально совсем совпадают с личными местоимениями тюркских, уральских, индоевропейских и др. языков (стр.10), но, в отличие от существительных, не имеют специальных форм для эргатива и датива (стр.16).

2) Это предположение, как кажется, ничуть не противоречит теории Чикобава и его сторонников. Это то же самое предположение, что и первое, только предполагающее иное решение проблемы с учетом указанных и некоторых других данных.

Выше говорилось, что могло быть время, когда не дифференцировались падежи, со временем появляются формы, выражающие различные об"ектные и другие отношения. Очень вероятно: не все падежи, возникшие в языке, дошли до нас. Так, например, в индоевропейских языках почти исчез звательный падеж. В современном чувашском языке не различаются дательный и винительный, которые, вероятно, имели специфические показатели в общетюркском.

Нечто подобное могло происходить и в дагестанских языках. Эргативный падеж личных местоимений этих языков, возникнув в определенный период их существования, мог исчезнуть в некоторых из них - в андийских (см. сохранившийся эргатив в структуре существительных тех же языков).

Таким образом, в основной своей части я вполне поддерживаю защищаемую школой Чикобава типотезу.

Вот здесь-то, уважаемая редколлегия, я принял бы замечание Вашего рецензента о фантастичности моих выводов, забывшего известную истину: чтобы заглянуть в глубокое прошлое или будущее, нужно быть только фантастом.

Всему сказанному можно еще добавить: с самого начала я писал о своем отказе от рассмотрения спорных вопросов (стр.I), там же указана причина этого отказа, на что Ваш рецензент, видимо, не обратил ни малейшего внимания.

4. Хотя при нынешнем состоянии ностратической компаративистики, "беспочвенно утверждение о материальном сходстве кетского языка с кавказскими" и другими семьями языков (об этом пишет и Долгопольский см. его научно-популярную статью "В поисках далекого родства"), в статье сравнивались некоторые личные показатели, позволяющие говорить, если не о каком-то отдаленном родстве, то, по крайней мере, о сходстве этих языков. С некоторыми добавлениями см.:

Кетский язык	Кавказские (абхазо-адыг., дагест.)	Другие языки
1. ба-, бо-, б-, аб- „я", „мой"		Алтайские: турец. бен „я", бурят. би „я", ябана-б „иду", ср. ябана-ш „идёшь";
2. ат' „я" в им. и вин. падежах	лак. ттӏу-„я" (ттӏу-н, ттӏу-л и т.д.).	
3. ку-, гӳ-, к-, ӳк- „ты", „твой"	гинух. ох „тебе" (вэ „ты"), цахур. гъу „ты", удин. гъун „ты" в нидж. диалекте;	Семито-хамитские: логоне кэп „ты", хауса kai, kē „ты" и т.д. ср. кирг. ойно-гун „играй" (ойно-еун „пусть играет")

I	2	3
4. -у -"ты","тебя"	абхаз.у-"ты","твой" (у-тшы "твоя(муж.)лошадь", ср. б-тшы "твоя(жен.) лошадь"), адыг.у-кIощт "пойдешь" (ср.шъу-кIощт "пойдете")	
5. -а-,-о- "он","его"	лезгин.а(наряду с ам) "он","она","тот", "та","то",	
6. -у-,-и- "она", "ее"	Абхаз.и-"его"(и-цла"его дерево")	ст.-слав. н,є,на
7. ът'н'"мы", д-,ди-,дой-, дац-"мы","нас"	адыг.тэ "мы",ты-,т-, тI-"мы","наш" (ср.ты-кIощт "мы пойдем", тэ-кIо "мы идем")	
8. ъкнц "вы",ъкна- "ваш",к-,ку-,кац- "вы","вас"	агуль.куьн "вы"	Семито-хамитские: ташельхит kimmə (муж), kimmti(жен)"вы" и др.
9. бу "он","она", бун "они"	гунзиб. бəд,боду "этот", "эта","это",бəл,болу "тот","та","то" и т.д.	кирг.бу,бул."этот", "это", "эта" и др. энец. бу „он", „она", „оно"; буду' „они" (мн.)

Даже эти данные в некоторой степени могут свидетельствовать в пользу нашего предположения о каком-то сходстве кетского с кавказскими (вопрос о родстве кетского языка с другими языковыми семьями достаточно подробно изучен Дульзоном в известной работе по этому языку; см. также вводную статью к "Кетскому сборнику"). При наличии таких и подобных фактов я, естественно, мог говорить о каком-то сходстве этих языков.

Во всяком случае кетский язык и его материалы, если даже они неудачно привлечены и снабжены не очень осторожными замечаниями, не были основными в статье (см.название). И доказать родство или сходство кетского и кавказских языков не входило в задачу автора.

5. Согласясь с весьма справедливым и полезным замечанием о том, что "выводы статьи построены без опоры на закономерность фонологических соответствий между ностратическим и дагестанским", следует отметить, что личные местоимения представляют совсем обособленную группу в языке, что проявляется не только в их семантике и семантических их соотношениях. Морфонологические изменения звуков основы личных местоимений в

языке исключительны, поэтому на материале личных местоимений совершенно невозможно установить закономерность фонологических соответствий (ср.русск.мы-нас; ты ,тв-,тоб-,теб-; чуваш. эпе "я"—мана "мне"; калм.би"я"—мини "мой"—надад "мне",; хауса ni "я" —ти "мы" и т.д). А супплетивность их формообразования (ср.русск. я-меня, я-мы; кет. ат' „я" — ар'ас' "со мной" — авица "ко мне"; лакск. ина "ты" - вил "твой" и т.д), распространенная в языках мира, не получила еще достоверного об"яснения (но ср.человек —люди с архаизмом люд).

Несмотря на все это, даже данные в статьях сравнения фактов языков различных семей с вероятным, но очень отдаленным языковым родством в минимально узкой рамке лексических единиц, убедительно могли бы говорить в нашу пользу, если учесть особенно, что "в каждом языке (диалекте) могут выявиться в единичных фактах все те возможности, которые заложены во всей данной группе языков (диалектов) в целом". (В.И.Абаев, О перекрестных изоглоссах, "Этимология 1960", М.1968,стр.250).

Таким образом, я сознательно отказался от проведения фонологических сопоставлений основ личных местоимений с другими пластами лексики с целью выявить определенные закономерности фонологических соответствий, считая, что все это может быть особым предметом этимологии ностратических личных местоимений, требующим долгой и более тщательной работы.

Пока имеющиеся у меня в этом направлении материалы обещают о многом.

6. Я сравнивал кетское д-ам "её мать" с узб. кела-ди "он придет". В дополнительной рецензии говорится, что автор ставит здесь " в один ряд явления, которые с весьма большой долей приближения можно считать схожими исключительно по созвучию".

Здесь, как мне казалось, и кет.д-(личный префикс 3—лица жен.рода) и узб. —ди (лично-глагольный аффикс 3-лица) выражают одно и и то же лицо, противопоставляемое участникам акта речи (говорящему и собеседнику), хотя узбекский аффикс указывает на суб"ект глагольного действия, а кетский аффикс - на принадлежность одного лица другому с указанием на пол обладателя.

Элемент д, как показатель 3-лица в узбекском и кетском, сравним с н в русских он, она, оно.

Родовые, суб"ектно-об"ектные различия материально сходных языковых элементов, как известно, не могут быть препятствием для генетических сопоставлений (ср.кирг.ме-н"я", бала-м"мой ребенок", бала-м-а"моему ребенку", бала-мын "я ребенок", бара-м "пойду", бара-мын "пойду"; русск. м-не, е-м "кушаю", мо-й, мо-я, мо-ё, мо-и, мо-ему и т.д.; в вопросе о возникновении родовых различий притяжательных местоимений и личного окончания - м(да-м, е-м) в русском и других славянских языках придерживаюсь концепции Якубинского, см.его "Древнерусский язык").

В тюркологии принято считать, что -ди(кела-ди) происходит из глагольной морфемы ди(р)←дур←дурур←турур (Котвич, Баскаков и др.) Эта гипотеза не исключает сосуществования с ней другой гипотезы о местоименном происхождении личных аффиксов, в том числе и аффикса 3-лица.

Согласно поддерживаемой мною гипотезе, тюркский личный формант 3-лица -ты,-ди имеет генетическую связь с лично-указательной местоименной основой т-(ср.алтай.ту "вон то", тувин.дее,доо,дуу,дүү "то", якут.ити "вот это", татар.теге "то" и т.д.). Теория о происхождении -ты, -ды из тур/ур/ получила резкую критику со стороны видного языковеда Б.А.Серебренникова (см.его доклад "Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии" в сб. "Вопросы методов изучения истории тюркских языков", Изд.АН Турк. ССР, Ашхабад-1961, стр.58-59)

Мне, как и другим сторонникам этой гипотезы, кажется наиболее вероятным слияние глагольной основы, с т-овой основой указательного местоимения (ср.кирг.мен бара-мын "я пойду", сен бара-сың "ты пойдешь", тиги бара-т "он(тот) пойдет").

А первая гипотеза кажется менее обоснованной и не такой естественной, как вторая, потому что о местоименном происхождении элемента -т говорит не только общность звука и семантики, но и аналогичные явления в языках мира.

Местоименное происхождение личных окончаний (в том числе и окончания 3- лица) прослеживается в индоевропейских, семито-хамитских, кавказских, чукотско-камчатских, уральских и др. языковых семьях (см. соответствующие места труда Майтинской, а также: Бойцова А.Ф., Категория лица в эвенкийском языке, М.1940; Ф.Ф.Фортунатов, Старославянское - ть в 3-м лице глаголов, изв. АН, т.XIII, 1908; А.Щерба, К личным окончаниям в латинском и других италийских диалектах,

ЖМНП, 1908, У и др. Против гипотезы Боппа о местоименном происхождении личных глагольных окончаний в индоевропейских языках выступал проф М.Сергиевский, см. его вступительные замечания к русскому переводу упомянутой работы А.Мейе).

Однако и мне кажется очевидной связь некоторых глагольных формантов с глагольной морфемой тур-ур (ср.кирг.барып-тыр "он,оказывается, пошел", диал.кирг.бара-тыры "идет").

Совсем аналогичен и другой спор, правда, прямо связанный с темой неодобренных Вашими рецензентами статей, но по указанным выше и в начале первой статьи причинам не рассмотренный.

Н.А.Баскаков предполагает:

1). бул "это"+ненъе "нечто", "вещь" = мунынъ,бунынъ

{бунынъ / мунынъ} → {буны / муны} "нечто","это"

менин → мен "я"

2). сол "тот"+ненъе "нечто","вещь"=сонынъ → сонынъ → соны "оное", "то самое"

сенинъ → сен "ты"

3. ол "тот"+ненъе "нечто","вещь" =онынъ → оны "то", нечто"

онынъ → ол "он"

(Баскаков Н.А., "О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках, Доклады и сообщения ИЯ АН СССР,выпуск I. М.1952, стр.136).

Признавая достоинства этой гипотезы, я не мог принять её в статье (ср. ол+ненъе → онынъ → ол). Мне представляется наиболее вероятным, что и в тюркских языках из частицы *mə (термин "частица" понимается мною примерно как у Майтинской), указывающий на сферу говорящего, выделяются, с одной стороны, указательные местоимения типа кирг.мы-на "вот" "здесь, у говорящего", "то,что видно говорящему", бу-л "это", "то,что у говорящего", "то", местоимение I-го лица ед.типа кирг. ме-н"я", турец. бе-н "я", из частицы *sə ,указывающей на сферу собеседника, возникли и указательные местоимения типа кирг.(диалекты) шу "вот это", "то,что видно и собеседнику",казах.осы в том же значении и элемента -н в сен,мен и т.д. - особая проблема, об этом см. работы Поцелуевского, Севортяна и др.).

7. В рецензии отмечается полная несостоятельность прототипа *s-+*r для тюркского местоимения 2-го лица мн.числа, поскольку хакасс. сірер ← ←сізлер.Восстанавливая для хакасского сірер прототип *s- + *r- , я учел следующие важные данные:

I. Чуваш. эсир "вы" (эсир "вы" не из siз-лер, потому что чувашскому языку чужд показатель множественности -лер);

2. Окаменевшее лично-предикативное окончание самого хакасского языка (ср. килир-зер "идете сюда", килир-бес "придем сюда"; в других языках -сиз с вариантами. Образования типа-сизлер, видимо, относятся к позднему периоду).

В статье не была рассмотрена весьма проблематическая теория о происхождении тюркского биз из *bir (ср. чуваш. эпир "мы"), сиз из *sir (ср. чуваш. эсир "вы", см. работы Рамстедта и др.), которая тоже является предметом особого изучения.

8. Тов. Г.Ф. Благова отмечает, что тюркская форма принадлежности 2-лица ми. числа -ŋ+χ (ата-ңыз) не подходит для свидетельствования прототипа *n-+*s-.

Хотя наиболее распространенным является вариант -ŋ+χ, исходным я брал менее распространенный вариант -*n+χ (азерб. иди-низ "были есте"), поскольку очень часто обнаруживается явная древность н по отношению к ң. Ср. некоторые из распространенных случаев:

I) шорск. -дың, -дең, -тың-тең и др. (аффиксы исходного падежа) соответствуют -дэн, -дан, -тан и др. в других тюркских;

2) кирг. эне-сиң "ты мать" ср. в том же языке сен "ты", узб. онасан "ты мать";

3) кирг. жаңы "новый", "недавний", разгов. жаңкы "то, что недавно", "только что"; узб. янги [ян,гн]; уйгур. йеңи "новый" генетически сравнимы с кирг. жана "недавно", "только что", жанагы "то, что недавно";

Поэтому происхождение -ŋ+χ из *n-+*s- кажется весьма вероятным.

Таким образом, критику Ваших рецензентов на "Две статьи..." могу принять только частично.

Я был бы очень рад, глубокоуважаемая редколлегия, если бы Вы пересмотрели "Две статьи..." и сообщили советы на их улучшение; был бы очень признателен, если бы Вы помогли мне связаться как-нибудь с А.Б. Долгопольским, занимающимся по сибироевропейской гипотезе.

С приветом Ваш читатель:

К. ВУЛПУКАРОВ

айкашат. Дааналап күчөтүлүп көрсөтүлгөн учурда ат атоочтор аркылуу берилген аныктоочтук айкашууга мына деген сөз кошулат (мына бу)[I], ал сөз ат атоочтон мурун келет. Затты ат атоочтор аркылуу дааналап, күчөтүп көрсөтүү речти эмоциялуу жана экспрессивдүүлүккө алып келет. Мисалы:

Мына бул жер
Мыңдуулардын энеси!
Мына бул жер
Өткөн кордук элеси!
Ачкалыктан
курбум өлүп бул жерде
калган эле
көмүлбөстөн денеси!.. (Жусуптан).

-Балам! мына бул боорду бышырып жеп отургула (Жантөшевден).

Бул киши ким? ж.б.

Шилтеме ат атооч бул дааналап, күчөтүп көрсөткөн учурда кээде сүйлөөчү жакты да көрсөтүп калышы мүмкүн, бирок мындан анын жогорку мааниси өзгөрбөйт:

Мына бул мен
Эмгек менен жүрөмүн!
Эмгек болчу,
Күндө бүтсөм күндөгүм (Жусуптан).

Шилтеме ат атооч бул дайыма эле нагыз шилтемелик мааниде колдонула бербейт, кээде ал үчүнчү жактагы жактама ат атооч сыяктуу мурунку сүйлөмдө айтылган конкреттүү затты кийинки

I Кээде мына бу фонетикалык жагынан өзгөрүп, ~~мона~~ кыскарган формада мобу болуп да колдонулат, жана ал оозеки речте басымдуулук кылат.

сүйлөмдө да кайталай бербес үчүн стилдик ыкма (анафорическое использование) катарында да колдонулат.Мындай учурда ат атооч мурунку сөздүн ордуна колдонулат. Кээде ал бүт сүйлөмдүн же андагы ойдун бардыгына да тиешелүү болушу мүмкүн. Шилтеме ат атоочтордун стилдик ыкма катарында колдонулушу көпчүлүк учурда аларды заттануугa алып келет.Мисалы:

"Мандикерге кеткендердин үй-бүлөөлөрү жөнүндө камкордук көрөбүз деп көөшат", бул барып турган алдамчылык эмеспи! (Абдукаримовдон).

Бereги тоо этегинен бери мемелеген алма, өрүгүнө көзүм тойду. Буларды кимдер жеп түгөтөт, чиркин! (Сыдыкбековдон).

Ат атоочтун заттык мааниде колдонулушу түрдүүчө болот: бир жагынан, ат атооч мурда айтылган сөздүн же сүйлөмдөгү айтылган ойдун ордуна колдонулат же өзү менен бирге айтылган аныкталгычынын ордуна колдонулат.Бул боюнча алганда сын атооч, атоочтук менен ат атоочтун заттык мааниде колдонулушу биримдикти түзөт дешке болот.

Салыштыр: а) бу кишиге бердим–буга бердим;

б) кызыл карындашты алдым–кызылды алдым ж.б.

Шилтеме ат атооч бу кээде мурдагы айтылган факт белгилүү болуп турса да, аны эске түшүрүү үчүн (анамнестическое использование) колдонулат.[I] Мындай учурда аныктоочтук айкашуугa бу ж.б. ат атоочту кошпой айтууга мүмкүн болот. Мисалы:

=лык мүчесү-советтик=интернационалдык сөздөрдөн сын атоочту жасоочу өнүмдүү мүчөлөрдүн бири; коммунисттик көз караш,партиялык

I Шилтеме ат атоочтун анамнестикалык колдонулушу жөнүндө караңыз: Ф.Д.Ашнин, Принципы дифференциации турецких указательных местоимений. Журн. Вопросы языкознания, № 2, 1958.

принцип ж.б. (Бул) =лык мүчөсү да жогорто айтылган -ыуу жана =дак мүчөлөрү менен генетикалык байланышта болушу мүмкүн ж.б.

Кээде, тескерисинче, мурда айтылган сүйлөмдүн артынан кийинки сүйлөмдө шилтеме ат атооч колдонулуп айтылбаса, удаа айтылган сүйлөмдөрдөгү ой бири-бири менен байланышпай калат. Шилтеме ат атооч бул'дун стилдик ыкмадагы байланыштыргыч мындай ролун төмөнкү эки мисалдан ачык байкоого болот. Мисалы:

Кабарчы бала кеп айтат:
"Табылды келди"-деп айтат
Баатыр сезду бек айтат.
Бул кабарды укканда
Жоргону колго салды эми (Эр Табылды). ж.б.

2. Шилтеме ат атооч ушу (л)(< уш+ол[I]) мейкиндик жагынан сүйлөөчүгө жакын турган жана башта ага белгилүү болгон затты көрсөтөт. Затты мейкиндик жагынан көрсөтүшү боюнча шилтеме ат атооч бул менен биримдикти түзөт. Бирок мезгилдик маанеси боюнча андан айырмаланат. Ат атооч ушу буга караганда конкреттүү затка карата айтылат, анткени ушу көрсөткөн зат сүйлөөчүгө башта белгилүү болгон болот.

Шилтеме ат атооч ушу да затты жайынча же аны бир өңчөй заттардан атайын дааналап күчөтүп, көрсөтүү үчүн колдонулат. Бул жагынан ат атооч буга окшош, ал жөнүндө айтканды мында да айтууга болот. Ошондуктан кайталоо болбосун үчүн мисалдар менен гана чектелебиз.

I Нагыз шилтеме ат атоочтук маанеси:
I Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка,100-бет. Рабгузинин "Пайгамбарлардын тарыхы" (XIУ к.) деген чыгармасынан шилтеме ат атоочтун уш(вот,вот этот), ушбу (именно этот) деген формасы кезигет. Буга караганда ушул деген ат атооч өз ара уш+ол деген бөлүктөрдөн тургандыгын кратак. Мисалы: уш тукатим-оу китабни ай йарандар эр жузу (С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности, 330, 439-бет).

а) Ушул жерде
Жоонун колу матышкан,
Ушул жерде
Тапчыл эрлер атышкан!
Ушул жерде
Бели сынып мертинип
Жоонун колу
Бет бага албай качышкан (Жусуптан)

б) Менин караган жалгыз дөөлетүм мына ушул жыртык чепкеним, мына ушул самсаалаган боз дамбалым, ушул чор баскан,емүрүндө чарык деген нерсени билбеген кара бутум, эмгекке аябай бышкан мына ушул колдорум (күчөтүү мааниси) (Абдукаримовдон).

П Стилдик ыкма катарында колдонулушу жана эаттанышы:

Бирее бар
Нечен жолу капкандап
Качып чыккан түлкү!
Каткырганына ишенбе
Карынында жатат
Кадимки күлкү.
Буларга түгөнбөс гүл азык
(Жеп жатса да казып)
Коомдун мүлкү.
Ушундайды тап
Ушуларды чак,
Чалкан дос! (Мидиндөн).

Ш. Мурдагы фактыны эске түшүрүү, бекемдее мааниси: Карылар көңүлдүү, жаштар шайыр, тынч күндөрдө секретары колхоз кыштагына ушул салтанат менен келип жүргөн (Сыдыкбековдон).

Мындан бир канча километр алыста турган Нарын шаарын айтасың. Ал турсун жаныбыздагы ушу Кара-Балтаны да көрө электир.

Шилтеме ат атооч ушу сүйлөөчүгө жакын жана ага башта таанып, белгилүү затты гана көрсөтпөстөн, кээде сүйлөгөн биринчи жактын өзүн да көрсөтүү үчүн колдонулат.Мындай учурда жактама ат атоочтук көрсетүү мааниси бир канча күчөтүлөт:

"Шамырбек датка тирүүсүндө элди кууруду эле, эми өлгөндө да көрүнө тим жатпай бейбечараны шорго малды. Шорго малганы эмей эмне, ушул мен байкуштан эки кой, бир улак алды",-деди мурунку чалдын оң тарабында өлтурган дагы бир чал (Жантөшөвдөн).

3.Шилтеме ат атооч ошо (<ошо+ол[1]) мейкиндик жагынан алыснараак турган, бирок сүйлөөчүгө башта белгилүү болгон затты көрсөтөт. Мейкиндик жагынан бул жана ушу деген шилтеме ат атоочторго карама каршы.Ошо деген шилтеме ат атоочту айткан учурда сүйлөөчү ошо көрсөткөн зат менен бир территорияда, демек, ал зат сүйлөөчүнүн көз алдында турушу мүмкүн же ал зат сүйлөөчү менен бир территорияда эмес, демек, сүйлөөчүнүн көз алдында эмес, өтө эле алыста да болушу мүмкүн. Салыштырыңыз: Муну эмес, көрсөткөн ошо батинкеңизди бериңиз (зат сүйлөөчүгө жакын, сүйлөөчү аны көрүп турат). Мен да ошо Бешинчи Тверская-Ямская көчөсүндө турам (Фрунзеден туруп Москвадагы бир көчөнү айтып жатат, демек, рөчтин сүйлөнүп жаткан мезгилинде сүйлөөчү ошо көрсөткөн заттын территориясынан тышкары да болушу мүмкүн). Шилтеме ат атооч бул'га караганда, ушу сыяктуу, ошо да затты конкреттүү ~~көлөм~~ көрсөтөт. анткени ушу, ошо көрсөткөн зат сүйлөөчүгө баштатан белгилүү.

I В.В.Радлов. Опыт словаря,вып.IУ, II50-столбик.

"Кутадгу билиг" чыгармасында ош(этст) деген форманын бардыгы академик В.В.Радловду азыркы "ошол" деген ат атоочту тарыхый жагынан жогоркудай элементтерге бөлүүгө алып келген."Сөздүктө"ошо"го байланыштуу "Кутадгу билиг" чыгармасынан төмөнкүдөй мисалдар келтирилген:

Мунар мөнзөр эмди,эшит ош ну сөс-К этому подходить, слушай это слово (К.В.I45,3I).(В.Радлов.Аталган сөздүк,вып. IУ,II48, II49-столбик).

Бирок ушу'га караганда ошо мейкин жана мезгилдик жагынан сүйлөөчүгө алысыраактагы нерсени көрсөтөт (Ошо күндөн ушу күн. К.К.Юдахинден). Шилтеме ат атооч ошо кезде мурун жакта жаңы эле сөз болгон затты да көрсөтөт.

Кайталоо болбосун үчүн ошонун билгизген маанилерине мисалдар м берүү менен чектелебиз.

I. Нагыз шилтемелик мааниси: а) Зарылдын көзү да ошол олтурган аялда болучу. Ошентип, жергеси кең жайылган, чарбасы дүркүрөп өркүндөгөн күчтүү коом өсүп келаткан. Бүгүн ошол коомдун кең жергесине, түгөнбөс кенчине сугун артып, көкчил кыянат үтүрөйүп карады (Сыдыкбековдон) ж.б.

б) Мына ошол Каныбек быйыл жыйырма бирге чыкты (Жантөшевден). Кийинки жаз "Б" колхозунун чоң курсак тору бээси чалыш кер кулун төл келтирген. Мына ошол керкулун быйыл жаңы асыл чыгат (Сыдыкбековдон) ж.б. (Күчөтүү мааниси).

П.Стилдик ыкма катарында колдонулушу жана заттанышы: Күч-кубатымды санаага жумшабайын, эмгекке жумшайын, жүрөгүмдү, кайратымды уландардын өмүрү деп тилейин. Балким, ошол да бир шыбаа болор (Сыдыкбековдон).

Жаман жерим
Ал күндө
Калды кегим!..
Ошону
Уксун, билсин,
Эмгекчи элим! (Жусуптан).

Ш.Мурдагы фактыны эске түшүрүү, бекемдөө мааниси: Анын үстүнө сарайдын түштүк жаккы бетинде терезелер жогорудан оолган, бийигинен туурасы узун, көп көздөрү айнексиз. Ошол терезелерден түшкөн күн нуру себилип, аттардын соору жүндөрү жылт-жылт чагылышып жылуу дем берет (Сыдыкбековдон).

"Мага керек эмес, ошо Толтойго окшогон жашаяметке бергиле, мен өзүм эле эптеп сокат кылам", -дейин деди эле, бирок мукактаныш сүйлөй албады ("Ала-Тоо" журналынан) ж.б.

4. Шилтеме ат атооч тиги, тээ, тетиги, тээтетиги мейкиндик жагынан сүйлөөчүдөн алыс турган затты көрсөтөт. Ошентип Алыстагы затты көрсөтүү жагынан ошо деген шилтеме ат атоочко жакын, бирок андан объектинин көрүнүктүүлүгү менен айрылат. Башкача айтканда, тиги аркылуу көрсөтүлгөн зат сүйлөөчүгө көрүнүп турат. Ал эми ошо аркылуу көрсөтүлгөн алыстагы зат сүйлөөчүгө көрүнбөшү да мүмкүн. Экөөнүн ортосундагы дагы бир айырма: эгерде ошо көрсөткөн зат мейкиндик жана мезгилдик мамилелерге (башта тааныштыгына) негизделген болсо, шилтеме ат атооч тиги аркылуу көрсөтүлгөн зат жалаң гана мейкиндик мамилеге негизделгендигинде турат. Экөөнүн ортосундагы мындай салыштырмалуулукту төмөнкү мисалдан ачык байкоого болот: Тетиги үйдү көрдүңбү? Ошо бала быйыл келген жок ж.б. (Кийинкисинде бала деген зат сүйлөөчүгө көрүнгөн жок).

Кыргыз тилиндеги тетиги деген шилтеме ат атоочтун негизине тиги деген шилтеме ат атооч жаткан. Тиги, өзү биринчи иреттеги, те+=ги деген составдык бөлүктөрдөн турушу мүмкүн. Кээ бир түрк тилдеринде теге, кыргызча тиги дегендердин уңгулук бөлүгү (ти || те) монгол тилиндеги ушул эле маанидеги те[1] (тот, вон тот) менен салыштырылышы мүмкүн. Азыркы түрк тилдеринен уңгулук бөлүк катарында те карагас тилинде сакталган.[2]

Кээ бир түрк тилдериндеги (түрк) шилтеме ат атоочтордун алыстыкты үч баскычтуу кылып көрсөтүшүнө (трех степенное удаление) кыргыз тилиндеги тиги жана анын "туундуу" формаларын жакындатуу-

1 Г.Й.Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, 74-бет.
2 Г.Й.Рамстедт. Аталган чыгарма. 74-бет.

га болот. Кыргыз тилинде тиги деген шилтеме ат атооч сүйлөөчүдөн окчунураак турган затты, тетиги жана тээ андан алыс турган затты, тээтетиги өтө алыс турган затты көрсөтөт.

Кыргыз тилиндеги бул төрт шилтеме ат атоочтун ордуна башка тектеш тилдерде тиги же болбосо анав деген ат атоочтор колдонулат. Сүйлөөчүдөн алыста турган заттын кыргыз тилинде жогоркудай болуп төрт түрлүү формада берилиши заттын алыстагы ордун мейкиндик боюнча өз ара дифференцировать этип, тагыраак кылып көрсетүү менен байланыштуу. Буга караганда кыргыз тилин шилтеме ат атоочтор боюнча, айрыкча, ушул кийинки түру боюнча тектеш башка тилдерге караганда ийкемдүү деп эсептешке болот.

I. Нагыз шилтемелик маанили:

1) Тиги: Көрчү,
көрчү
көрчү мунун бир ташын!
Тиги
Тиги
Суу жеп кеткен жылгасын! (Жусуптан).

Тигил жээк тарапта кичирээк кайроонун ордундай аянтчага бүгүнкү сейил куруп чыккан боз балдар топтолду (Сыдыкбековдон).

2) Тээ: Бойлуу
Ойлуу
Бешмантчан,
Бат
Салт
Аттай басып батпактан
Тээ көчөдө
Салынды
Көрө салдым келаткан (Жусуптан).

3) Тетиги // тээтиги: Ой!.. кызыл жоолукчан!
Тетиги малды тосуп кой,
Тепсебесин эгинди
Арқы уйларга кошуп кой.

Тээтиги зоону ураткан
Омкоруп ташын кулаткан
Биздин арык казгандар
Чекеси тердеп суу аккан (Жусуптан).

4) Тээтетиги:

Тээтетиги
Бел баскагы олчойгон,
Олчойсо да,
Ал ордунан алынар...
Тээтетиги
Окшош боолордон томсоргон
Алтын, кумуш
Коргошун, мис табылар (Жусуптан).

П.Стилдик ыкма катарында колдонулушу жана заттанышы: Тигилер бири бирине алдыртадан карашты.

Айганыш менен Каныш тигини узатып, бирдемелерди божурашты (Сыдыкбековдон). Түрмөнү тешкен тетиги экен (Жантөшевден). Мыскал тигилердин эч бирин тааный албады (Сыдыкбековдон) ж.б.

Кээде тиги деген шилтеме ат атоочтон мурун ал деген ат атооч келиши мүмкүн. Кээде бул кыскарып "а" болуп да колдонулат. Бирок андан шилтеме ат атоочтун мейкиндик мааниси өзгөрбөйт. Болгондо, бул шилтеме ат атооч тиги катышкан сүйлөмдөгү затты мурдагы сүйлөмдөрдөгү саналган бир өңчөй заттар менен байланыштыруу үчүн колдонулган болуу керек:

Биз Чүй колхоздоруна конокко барып келатабыз, апай. Мына бу күнгөй элинен болобуз. Өзүбүз-сиздей эле колхозчу элбиз.Менин атым-Шамбет. Башкарма боломун. Өз катарыңызда олтурган-Зарыл деген кыз.Өзүңүздөй кемпир энеси бар.Он жылдыкты жаңы эле бүтүрдү. Бөбөктөрдү окутамын, мугалим боломун деп жүрөт... А тиги кетиреңдеп күлгөн келин-талаа бригадасынын звеновою Акия кетирекей дегенибиз болот.Өзү комсорг, азамат келин. А тигил четтеги кебелбеген жигит---Элөбес дегенибиз.Ушул тентек келиндин күйөөсү. Өзү колхоздун эсепчиси (Сыдыкбековдон).

"Тиги" дайыма эле затты көрсөтө бербейт.Кээде "ал" сыяктуу ат атоочтук мааниде (ал эми...) колдонулган учуру да болот.Кийинкисинде ал сүйлөөчүнүн затка кайрылгандагы субъективдүү мамилесин (жактырган-жактырбагандык, ачуусу келгендик) билдирет. Мисалы:

Мүдүрүлгөн атты Курман моюнга камчы менен чабат: Тигини! О, таягың жер баспай калгыр! Ырысы жок мал ушундай болот...("Ала-Тоо" журналынан). Тигини! Тигини! оозун алжандатып күлөйүн деп коёт ж.б.

5.Шилтемелик мааниде үчүнчү жактагы жактама ат атооч ал да колдонулат.Мындай учурда ат атооч "ал" сөзгө катышпаган "субъектини" билдирүү үчүн эмес, алыста турган затты көрсетүү үчүн айтылат. Аныкталгычсыз турганда анын шилтемелиги сезилбейт, жөн эле мурдагы сүйлөмдө берилген заттын ордуна колдонулган жактама ат атооч катарында кабыл алынат. Ат атооч "ал" шилтемелик мааниге аныкталгычтын кошулушу аркылуу жетишет.Салыштыр: Ал көрүнбейт-Ал бала көрүнбейт.

Ат атооч "ал" шилтемелик мааниде колдонулган учурда, мурда сөз болуп, алыста турган зат көрсетүлөт.Алыста турган зат сүйлөөчүгө көрүнүшү да мүмкүн, көрүнбөшү да мүмкүн. Мисалы:

Ал үй-завод, ал үйдө эмгек эрлэри бар ж.б.

6.Кыргыз тилинде шилтеме ат атоочтук мааниде береги да колдонулат. Береги бу деген шилтеме ат атоочтун морфологиялык өнүккөн формасы.Мааниси жагынан тиги деген шилтеме ат атоочко жакын, өз алдынча турганда сүйлөөчүдөн алыс турган затты көрсөтөт.

Мунун затты күчөтүп көрсөтүшү кызык.Эгерде береги'ге мына деген сөз кошулса, береги билгизген алыстагы зат күчөтүлүп көрсөтүлбөстөн, сүйлөөчүгө жакын турган зат көрсөтүлөт. Мындай учурда анын билгизген мааниси бу деген ат атоочко мына деген тактоочтун кошулушу аркылуу берилген менен бирдей, экөөнү бири бири менен алмаштырып колдонууга мүмкүн. Мисалы: береги киши (сүйлөөчүдөн окчунураак турган зат); мына береги киши (-сүйлөөчүгө жакын турган зат)=мына бу // мобу киши. Эгерде береги тиги деген шилтеме ат атоочтун фонетикалык өзгөргөн түрү тээ менен айкашса (тээ береги), анда алыста турган зат күчөтүлүп көрсөтүлөт. Мисалы: Береги сол көзү таңылган киши орой экен. Тээ береги, ортодогу жоноолда бир атчан бастырып келаткансыйт (Сыдыкбековдон) ж.б.

3. Сурама ат атоочтор

Белгисиз затты же сандык жана сапаттык белгилерди аныктоо үчүн колдонулуучу сөздөр сурама ат атоочтор деп аталат.Кыргыз тилиндеги сурама ат атоочтор төмөнкүлөр: ким?, эмне? (не?),кандай?, кайсы?, канча?, нече?, кайда? (кана?), кайдан?,качан?

Бул ат атоочтор сурамалык мааниде колдонулган учурда бир сөзгө же болбосо бүтүн бир сүйлөмгө да тиешелүү болушу мүмкүн. Бирок бул эки учурда тең затты жана сын-сыпаттык белгини көрсөтө албайт, мунун ат атоочтук көрсөтүү мааниси тыңдоочунун жообу аркылуу такталат. Мисалы: Бул ким?--Уулум. Кайсы үй?--Кийинкиси.

Өңү кандай?-Кызыл. Келтирилген мисалдардагы сурама ат атоочтор бир сөзгө тиешелүү болуп, анын сурамалык конкреттүү мааниси тыңдоочунун жообу болуп түшкөн сөз аркылуу аныкталып турат.

Жогорто айткандай,сурама ат атоочтор кээде бүтүн бир сүйлөмгө же болбосо бүт бир баяндамага да тиешелүү болушу мүмкүн.[1] Мындай учурда ат атоочтун белгисиз нерсени суроо үчүн колдонулгандагы конкреттүү мааниси аңгемеде баяндалган мазмун боюнча аныкталат.Мисалы, газета, журналдардын бетинен "Курулушка керектүү материалдарды кайдан табууга болот?","Керимбек качан оңолот?" деген сыяктуу темадагы макалаларды ишмери кезиктирүүгө болот.Бул убакта сурама ат атоочтор мааниси жагынан белгилүү жана белгисиз затка тиешелүү болушу мүмкүн. Эгерде темага катышкан ат атоочтук суроонун конкреттүү мааниси макаланын мазмунунда жооп катарында берилсе, анда ат атоочтун эмнеге тиешелүүлүгү конкреттүү болот, тескерисинче болсо, белгисиз затка тиешелүү болот.

Сурама ат атоочтор сүйлөмдүн контекстине, интонацияга байланыштуу кээде суроо маанисин бербей, модалдык мааниде колдонулуп калышы мүмкүн: Бүгүн ал кайдан келсин. Жер алыс эмеспи. Муну иштебегенде эмне ж.б.

Кыскача мүнөздөмөдөн кийин сурама ат атоочтордун ар бирине жекече токтолобуз.

I. Ким[2] деген сурама ат атооч,башка түрк тилдериндегидей эле,кыргыз тилинде да адамга гана берилет.Кең жана куш үндүүлүү

[1] Караңыз: Б.Н.Головин. О разновидностях грамматического значения вопросительно-относительных местоимений, Уч.записки Вологодского пед.инст-та им.В.М.Молотова, том XУШ,Филологический, Вологда, 1956, 366-367-бет.

[2] В.Шот. Түрк тилдериндеги "ким" деген ат атооч монгол тилиндеги кум+ун-киши деген сөздөн чыккан деген пикирди айткан. Салыштыр: бурятча хун-киши; байыркы түркчө кун -эл; монг. кара кун(простолюдин.С.Е.Малов)(Караңыз: А.Н.Кононов. Грамматика сов-го турецкого лит-ного языка, 177-бет, § 322).

боюнча гана айрылбаса, түрк тилдеринде сурама ат атоочтор негизинен бирдей. Алар монгол тилдеринде ушул мааниде колдонулуучу хэн (бурят-монг., монгол) менен салыштырыш мүмкүн.

2.Эмне, эмине, не. Сурама ат атооч "эмне" адамдан башка жандуу жана жансыз заттардын бардыгына колдонулат.Бул жагынан алганда кыргыз тилиндеги ат атооч эмне менен орус тилинде ушул мааниде колдонулуучу ат атоочтун ортосунда айрма бар. Орус тилиндеги эмне? (что?) адамдан башка жандуу заттарга да колдонулат. Кыргыз тилинде эмне? менен бирге сейрек болсо да ушул эле мааниде не да колдонулат. Бирок эмне'ге караганда не деген атоочтун колдонулуу сферасы тар. Ал жандуу жана жансыз заттар үчүн эмес, стилдик оборотторго жана айрым жазуучулардын чыгармасынан кезигет.

Кыргыз тилинин материалына караганда эки түрдүү маанидеги "не" деген сөздүн бардыгы байкалат.Мунун бирөө-фарсы тилинен кирген,"ни" деген тангыч маанидеги "не"I, экинчиси-түрк сөзү, кээде „эмне" деген сурама ат атоочко туура келет, кээде суроо маанисин сактабайт, башка маани берип калат.Бирок ал иран тилдеринен кирген тангыч менен омонимдеш.Фарсы тилдеринен кирген "не" орус тилине которулганда гана болбосо, кыргыз тилинде анын баштагы тангычтыгы сезилбейт, "же" деген ажыраткыч байланыштын маанисинде колдонулат.

Фарсы тилинен кирген тангыч не'ге мисал:

Мына үч айдын жүзү болду, жалгыз уулу Касеинден не кат, не кабар жок.

Мына төртүнчү айдын жүзү болду. Эч биринен не кат, не кабар келбей Каныш да,Айымжан да кайгыдан мелдешту.

Эшик жабык, сырт караңгы; не терезеден шоола түшпейт, не жетинчи лампа жарык күйбейт.

Не'нин ат атоочтук маанисине мисал:

-Э-э жолуңар болсун, байкелер!-дейт Чегиртке анткендерди далыга салып.-не керек кейип? Акча барбы чытырман токойдон жол табат. Тогуздан кийинкиге эсептин кереги не? Не сөздөр айтылбады (Т.Сыдыкбековдон).

Сурама ат атооч "эмне" кыргыз тилинин озеки речинде кээде эмине болуп да колдонулат. Мунун устүнө казак тилинде ушул мааниде колдонулуучу "не" менен бирге немене формасы да бар.Мындай фактыларга карап, кээ бир изилдөөчүлөр "эмне" деген ат атоочту казак тилиндеги "немене" менен байланыштырышат: эмне < эмине < эмене < немене[1]. Бирок немене өз ара не+ме+не элементтерине бөлүнөт дейт да, тарыхый жагынан булардын кандай сөз экендигин көрсөтпейт. Кыргыз тилинде эмне менен бирге эмине деген вариантын бардыгына караганда сөз болуп жаткан ат атооч башкача да талданышы мүмкүн: эмне < эмине < эми(й)не < эмейне. Эмне деген сурама ат атооч "эмей"+не деген бөлүктөрдөн тургандыгы алтай грамматикасынын авторлору тарабынан да көрсөтүлгөн.[2] Мындагы не белгилүү-сурама ат атооч.[3] Ал эми "эмейдин" татаал сөз экендигин анын морфологиялык варианты болгон "эмегенде" менен салыштырып

1 Ф.Г.Исхаков.Местоимения.Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, часть II,морфология, 236-бет.

2 Грамматика алтайского языка,составлена членами Алтайской миссии, Казань, 1869, 95-96-бет.

3 Эмне, нерсе (< не-ир-се), нече дегендердин составындагы жана өз алдынча колдонулуучу не кээ бир изилдөөчүлөрдүн пикири боюнча тек жагынан байыркы убакта "буюм" маанисиндеги нең деген сөз менен байланыштырылат (Караңыз: Н.А.Баскаков.К составу значений личных и указательных местоимений в тюркских языках.Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР,№ I,1951,135,140 бет).

Ушуга караганда башка тилдерде эмне'нин маанисинде колдонулуучу неме, нимне байыркы тилдердеги нечто, вещь дегенди билгизген неме менен тектеш болуш керек (Караңыз: С.Е.Малов.Памятники древнетюркской письменности, 402-бет).

билуу кыйын эмес: Эмегенде = эмей -а если не; эмей ∠ э ‖ +ме+й; эмегенде ∠ э ‖ +ме+ген+де [1]. Булардын биринчи жана экинчи составдык белугу атоочтук тангыс эмес, (∠эр+ме+з), эмесе (∠ эр-ме-се) дегендеги э+ме менен салыштырыш мумкун. Демек, эмей, эмегенде деген сөздөр өз ара байыркы убактагы эр (быть) деген жардамчы этиштин "р" тыбыш түшүп калгандагы э жана тангыч =ба мүчөсүнүн өзгөргөн түрү =ме деген элементтерден, чакчыл -й формасы (эме+й; салыштыр: санаба+й) менен атоочтуктун --ган формасынан турган болуу керек.

3.Кандай деген сурама ат атооч заттын же кыймыл-аракеттин сын-сыпаттык жана касиеттик белгилерин суроо үчүн колдонулат. Мындагы =дай мүчөсүнүн башкы формасы =даг экендигин жана ал тарыхый жагынан бүтүн сөз болгондугун белгилеп кетүүбүз керек. Мисалы: кыргызча кандай ∠ кандаг; =даг ∠ тег--окшош, сыяктуу маанисиндеги бүтүн сөз.[2]

4. Кайсы деген сурама ат атооч иреттик тартиптеги затты ~~ээ заттын жөн эле~~ башкалардан бөлүп ажыратып алуу үчүн суроо ирөтинде колдонулат. Кыргыз тилинде кайсы менен бирге ушул эле мааниде мунун кайсыл (∠ кайсы ол) формасы да колдонулат.Мисалы: Кайсы киши айтты? Кайсы күнү келет. Кайсыл убакта? Салыштыр, тувача: кайы чылыл (кайсы жыл ол)? кайызыл-кайсыл?

5.Кайда, кайдан орунду жана багытты суроо үчүн колдонулат. Заттын ордун суроо маанисинде кана деген сурама ат атооч да колдонулат. Кана деген сурама ат атооч түрк жана монгол тилдеринде (бурятча хаана?) да бар. Демек, бул ат атооч аталган тилдер үчүн жалпы; морфологиялык составы жагынан кан+=на элементтеринен

1 К.К.Юдахин.Киргизско-русский словарь,1965,951-бет.
2 С.Е.Малов.Памятники древнетюркской письменности, М.-Л.,1951, → 428-бет.

турат. Азыркы түрк тилдеринде кан деген негиз өз алдынча колдонулбайт (бул жөнүндө төмөндө токтолобуз). =на жатыш жөндөмөлүк мүчөнүн (=да) фонетикалык өзгөргөн түрү экендигин якут тилинин фактыларынан көрүүгө болот; салыштыр якутча: ханна-где, куда; манна-здесь, сюда.[1] Кайда менен кана заттын ордун сурсо үчүн колдонулганы менен, экөөнү бирдей колдуга болбойт. Сурама ат атооч "кана" территория жагынан сүйлөөчүгө жакын турган заттын ордун суроо үчүн колдонулат жана ага жооп болуп түшүүчү ана, мына, тигине деген үч гана сөз бар; булар да грамматикалык формасы жагынан өздөрүнүн суроо сөзүнө окшош, анын сырткы түрүн кабыл алган. Бул экөөнүн ортосундагы экинчи бир айырма кана? статикалык (орунду) түшүнүктү билдирүү үчүн колдонулгандыгында турат. Анын үстүнө кана? эч убакта этиш менен айкаша албайт. Ат атооч кайда, тескерисинче, статика (орун) менен бирге багытты, демек, динамикалык түшүнүктү суроо үчүн да колдонулат жана этиш менен айкашат. Мисалы: Китебиң кайда? // Китебиң кана? Бирок Кайда бара жатасың? же болбосо И Элиң кайда? болуп берилүүчү суроону кана аркылуу суроо мүмкүн эмес.

Жогорку ат атоочтордун (кайсы?, кандай?, кайда?, кайдан?) лексикалык мүнөздөмөлөрүнөн кийин булардын чыгышы жөнүндө да токтоло кетүүбүз керек.

Кайда менен кайдан'дын уңгусу кай, жана ага жатыш менен чыгыш жөндөмөлөрүнөн мүчөлөрү жалганган.

Айрым фактыларга караганда булар менен кайсы жана кандай деген ат атоочтордун уңгусу да тектеш болушу мүмкүн. Атайын тике айтпаганы менен, Ф.Г.Исхаков[2] салыштырма материалдардын негизинде

1 Л.Н.Харитонов. Современный якутский язык, фонетика и морфология. Якутск, 1947, 128-бет.
2 Ф.Г.Исхаков. Местоимения. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, часть II, морфология, М., 1956-жыл.

азыркы кездеги кандай жана кайсы дегендердин негизи үчүн кан // кай деген үңгуларды көрсөтөт. Мисалы: кырг., каз. кандай; ногойчо кайдай; хакасча хайдаг; шорчо кайдыг; ~~[illegible]~~ кырг.кайсы; азербайжанча hансы; якутча ~~[illegible]~~ ханнык. "н" менен "й" тыбышынын алмашышын же болбосо бул экөөнүн бири-бири менен туура келишин байыркы түрк тилдеринен жана түрк менен монгол тилдеринин ортосунан да көрүүгө болот. Мисалы: байыркы түркчө кантан-кырг. кайдан; кайда, канда-кайда; кан (какой)- кандай; кайу (какой, который)- кандай, кайсы; кайун (откуда, как)- кайдан; монг. хонь (хонин)- кырг. кой; байыркы түркч. кой, кон-кой.[I]

Азыркы кездеги кайда, кайдан, кандай, кайсы деген сурама ат атоочтордун түпкү үңгусу кан // кай экендигин, жана алардын үңгусу байыркы кезде өз алдынча колдонулгандыгын келтирилген тарыхый материалдардан көрүүгө болот.

Баяндоо процессинде кайсы'дан башкасынын морфологиялык элементтери жөнүндө айтылды. Ошондуктан кайсы'нын составдык элементтери тууралуу гана токтолуугa туура келет.Кыргыз жана башка кепчулук түрк тилдериндеги ат атооч кайсы байыркы түрк тилдеринде кайу (какой, который) формасында кезигет. Азыркы түрк тилдеринен мындай кыска форманы туза тилинен (кайы) гана табууга болот. Мындай фактыга караганда кайсы'нын алгачкы толук формасы кайысы (← кай+ы+сы) болушу керек. Кайу, кайы дегендеги жана кайсы дегендеги -у, -ы жана -сы элементтери-үчүнчү жактын таандык мүчөсү.Кыргыз тилинде түпкү үңгудан кийинки биринчи таандык мүчө түшүп калган да,экинчиси (-сы) үңгүнүн акыркы составдык бөлүгү катарында кабыл алынып калган. Бирок анын таандык мүчө экендиги азыр сезилбейт.Таандык мүчөнүн жогоркудай

I С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности, 410, 411, 414-бет.

кабатталып жалганышы азыр кээ бир сөздөрдөн кезигет: Балдардын кими // кимиси келди.

6.Качан, кайчан[1] убакыт мезгилге жана байланыштуу түшүнүктөрдү суроо үчүн колдонулат. Булар кумык жана татар тилдеринде кайчан болуп кезигет, калган көпчүлүк түрк тилдеринде качан же болбосо касан, кашан формаларында белгилүү. Кыргыз тилинде качан, кайчан менен бирге мезгилдик мааниде сөз айкашуулары да колдонулат: Качан келейин // Кай убакта келейин // кайченде келейин.

Көпчүлүк түрк тилдериндеги канча дегендин ордуна байыркы орхон-енисей жазуучуларында (Тоньюкук) кач[2] колдонулган.Бул сөз ушул эле мааниде, бирок өзгөргөн формада тува (каш: Бистин МТСте каш трактор барыл-Биздин МТСте канча трактор бар?), түрк (каж), якут (хас) тилдеринен кезигет.

Түрк тилдериндеги качан дегендин ордуна кээ бир адабияттарда кай+чаг+ын[3] деп белүнүп жүрөт.Бирок бул сөз мындан башкача да белүнүшү мүмкүн: качан < кай+чен (өлчөм маанисинде). Ушундай болууга ыктымал экендигин татар, кумык жана кыргыз тилинин фактылары ырастай алабы деп ойлойбуз. Анткени бизде качан, кайчан дегендин ордуна кээде кайчен (кайченде келди) деген сөз колдонулат. (Мунун биринчи белүгү-кай жөнүндө жогорто айтылды).

7.Канча, нече, нечен деген сурама ат атоочтор белгисиз санды суроо үчүн берилет. Канча дегендин ордуна тувача каш (Бистин МТСте каш трактор барыл---Биздин МТСте канча трактор бар),

1 К.К.Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, 323-бет.
3 В.В.Радлов.Опыт словаря и тюркских наречий,вып.УШ,334-столник. Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 104-бет.
2 С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности, 109, 62-бет.

Түрк (как), якут (хас) колдонулат.Көпчүлүк түрк тилдеринде сурама ат атоочтордун бул түрлөрү негизинен бирдей: канча,нече, канша, неше. Байыркы түрк тилдеринде бул мааниде, тува, түрк тилдериндегидей, кач (Тонукук эстелигинде—сколько), канча,каннча, жана канунча деген сөздөр колдонулган.Башкача айтканда,байыркы жазма эстеликтерде шарттуу түрдө толук жана кыска деп аталуучу эки форма тең болгон.Түрк тилдеринин айрымдарында колдонулуучу кач, каш, каж, хас деген сөздөр монгол тилиндеги хичнээн (сколько)дегендин биринчи бөлүгү менен салыштырылышы мүмкүн.

Нече, нечен деген сурама ат атоочтун кандай составдык элементтерден тургандыгы анчалык кыйын эмес. Мунун уңгусу -"эмне" деген мааниде колдонулуучу не деген ат атооч. Ушу сыяктуу эле, канча да өз ара составдык элементтерден турардыгы нече'ге катышкан -ча мүчөсүнөн көрүнүп турат.Болгондо, бул да, "нече" сыяктуу, -ча жана кан деген составдык элементтерден турган болуу керек. Мунун уңгулук бөлүгү болуп эсептелинүүчү кан, өзү биринчи иретте, байыркы түрк тилдеринде "кандай" деген мааниде колдонулган кан деген ат атооч менен тектеш болушу мүмкүн. Айрым фактыларга караганда, канча ат атоочунун маанисинде өзгөрүүлөрдүн болгондугу байкалат.Ал азыркыдай сан=өлчөмдүк мааниси менен бирге багытты (куда[I]—кай жакка, кайда) билгизүү үчүн да колдонулган.Мисалы, МК: канча колса-кандай кааласа (I, 228-29); Канча барса-каякка качса (III, 46)

4.АНЫКТАМА АТ АТООЧТОР

Заттын сандык жалпылыгын, толуктугун, бүтүндүгүн же жекелигин аныктап билдирүүчү ат атоочтор аныктама ат атоочтор деп аталат. Кыргыз тилинде аныктама ат атоочтор—бүткүл, бүтүн, баары,бардык,

I С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности, 411-бет.

ар жана өз деген сөздөр. Кээ бир адабияттарда булардын эң акыркы экөөнөн башкасы жалпылама ат атоочтор деп аталып жүрөт жана алардын мындай аталышы өздөрүнүн билгизген маанисине да туура келет. Ал эми өз болсо кээ бир адабияттарда "өздүк ат атооч" деп аталып, ат атоочтун өзүнчө бир түрү катарында[1] каралса, кээ бирөөндө жактама ат атоочтордун составында[2] каралып жүрөт. Чындыгында,"аныктама" ат атооч деп атала тургандардын эң биринчиси ушул "өз". Бирок мунун ат атоочтун өзүнчө бир түрү катарында каралышы ылайыксыз, анткени жалгыз сөздөн туруп өзүнчө бир түр боло албайт. Билгизген маанисине карата анын аныктама ат атоочтордун составында[3] каралганы ж оң. Анткени жогорудагы ат атоочтор заттын сандык жалпылыгын аныктап көрсөтүшсө, "өз" тигил же бул заттын өзүн аныктап көрсөтөт.Аныи үстүнө булар менен синтаксистик функциясы жагынан да жакын,аныктоочтук милдетти да аткарат: өз киши.

Аныктама ат атоочторду маанисине карата эки топко бөлүүгө болот.

Биринчи топко кирген ат атоочтор затты жеке-жекече белбестен, затты же алардын санын жалпы конунан көрсөтөт.Буга бүткүл (< бүт+=кыл), бүтүн (< бүт=ын), баары жана бардык (<бар+лык) деген ат атоочтор кирет.Бүткүл, бүтүн деген ат атоочтордун уңгулук белүгү-бүт монгол тилдеринде да бар: мон.бүтэх (<бүт)-закрываться; заживать (о ране); бүтэн (целый)-бүтүн; бүгд, баран-баары.Аныктоочтук айкашуудагы колдонулушуна караганда баары деген

I Караңыз: Казыркы казак тили, Алма-Ата, 1954, 272-273 бет.
2 Н.А.Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке,Тюркологический сборник,№ I, 1951, 57-бет.
3 Караңыз: Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 104-105-бет.

ат атоочтун аягындагы -ы тарыхый жагынан үчүнчү жактын таандык мүчөсү болуу керек (элдин баары). Бирок азыр мунун таандык мүчө экендиги сезилбейт, бүтүн сөз катарында кабыл алынып, ага 3 жактын таандык мүчөсү экинчи жолу жалганышы да мүмкүн: элдин баары ‖ баарысы ж.б.

Бүткүл, бүтүн, бардык көбүнчө аныктооч катарында колдонулса, баары заттанган мааниде колдонулат. Мисалы: Бүтүн ‖ бүткүл дүйнө пролетарлары бириккиле! Бардык эл келди. Баары кетти ж.б. Жалпылама маанидеги ат атоочтор морфологиялык жагынан анчалык өнүкпөгөн. Алар сөз өзгөртүүчү мүчөлөрдү кабыл алуу жагынан бирдей эмес. Булардын ичинен бүткүл (=гыл-сын атоочту жасоочу мүчө; салыш. алт. жет—жеткил—кырг. жеткилең) сөз өзгөртүүчү мүчөлөр менен өзгөрбөйт.

Бүтүн жөндөлөт, бирок ат атоочтук мааниде колдонулганда, таандык жана көптүк мүчө жалганбайт.

Баары, бардыгы дегендери таандык мүчө менен толук өзгөрбөйт: буларга 3-жактын жана биринчи эки жактын көптүк түрүнүн таандык мүчөлөрү гана жалганат; биринчи эки жактын жекелик түрүнүн таандык мүчөлөрү жалганбайт: баары ~ баары-сы, баары-быз, баары-ңар, баары-ңыздар; бардык-ы, бардык-ыбыз, бардык-ыңар, бардык-ыңыздар.

Ат атооч баары (өз алдынча туруп) 3-жактын таандык мүчөсү жалганган зат атоочтор сыяктуу жөндөлөт. Мунун аягындагы =ы тарыхый жагынан 3-жактын таандык мүчөсү экендигин ушу факт да ырастайт.

А.	баары	малы
И.	баары-нын	малы-нын
Б.	баары-на	малы-на
Т.	баары-н	малы-н

Ж. баары-н-да малы-н-да
Ч. баары-нан малы-нан

Ат атооч бардык өз алдынча туруп жөндөлбөйт. Жөндөлүү касиетине таандык мүчөлөрдүн жалгануусу аркылуу гана жетишет. Учунчу жактын таандык мүчесү жалганганда, баары сыяктуу жөндөлөт; биринчи эки жактын көптүк таандык мүчөлөрү жалганганда, аягы үндүү жана үнсүз менен бүткөн зат атоочтор сыяктуу өзгөрүүсүз жөндөлөт.

Жалпылама маанидеги ат атоочтордун баарына мүнөздүү бир, (=лар) нерсе билдирген маанисине байланыштуу буларга көптүк мүчө жалганбайт.

Экинчи топко кируучу ат атоочтор жалпысынан алганда заттын жекелигин аныкташат. Буларга ар менен өз кирет. Ар сандык жалпылыкка кируучу заттын белүнүшүн билдирет. Ат атооч ар түрк тилдерине иран тилдеринен кирген. Мунун баштапкы формасы нар[1]. Кыргыз тилинде "ар" өз алдынча колдонулбайт, ал дайыма башка сөздөрдүн алдында, аныктоочтун орунуна колдонулат да, ошондо гана анын ат атоочтук мааниде экендиги сезилет: ар ким, ар нерсе, ар күнү, ар бир (киши), ар бири ж.б.

Аныктама ат атоочтордун ичинен өз бир кыйла өзгөчөлүү. Бул сөз ат атоочтук мааниде аракеттенүүчү жактын конкреттүүлүгүн күчөтүп көрсөтөт жана дайыма таандык мүчөлөр жалганып колдонулат.

Ат атооч өз түрк тилдеринен кыргыз, казак, каракалпак, башкыр ж.б. кездешет. Ал монгол тилдери үчүн да мүнөздүү: өрө-өз (сам).[2] Өз деген сөздүн эң алгачкы мааниси-"бир нерсенин өзөгү,

I Караңыз: Н.К.Дмитриев. Грамматика башкирского языка, 104-бет.
2 С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности, 408-бет.

негизи". Г.Рамстедт түрк тилинде өз жогоркудай маани менен бирге "ички" (внутреннее), бир нерсенин өзөгү, среднее, индивид, сердцевина) дегенди да билдирет; түркчө өзөн-ич (внутренность, семя дерево); монг. өру-ич, жүрөк (внутренность, нутро, груд, сердце) деп көрсөтөт.[1] Демек, буга караганда түрк жана монгол тилдериндеги өз, ер-деген ат атоочторду фонетикалык жагынан гана эмес, тарыхый баштапкы маанисин боюнча да бирдей деп эсептөөгө болот, Жана муну менен өзөн жана өзөк деген сөздөр да тектеш болушу мүмкүн.

Жактама ат атоочтор менен өз деген ат атоочтун ортосундагы семантикалык айырма мында турат: эгерде жактама ат атоочтор аркылуу жөн гана жактык идея берилип, ага субъектинин өзү киргизилбесе, өз деген ат атоочто жак менен бирге иште тикеден тике иштөөчү субъектинин өзү да кируу маанисин бар деп, проф. Н.А.Баскаков[2] эң так жана кылдаттык менен байкаган (Салыштыр, мисалы: Мен бардым ~~жана~~ √Менин өзүм бардым).

Өз ат атооч иретинде өз алдынча колдонулбаганы менен, аныктооч болгондо өз алдынча колдонулат (өз киши) жана андан сын атооч~~тор~~ да жасалат: өзгө кишиге бербе.

5. ТАНГЫЧ АТ АТООЧТОР

Негизги ат атоочтор аркылуу берилген түшүнүктүн таанылгандыгын билдирет. Тангыч ат атоочтор иран тилдеринен кирген hеч деген бөлүкчөнүн сурама ат атоочторго кошулушу аркылуу жасалат. Тангыч ат атоочтор эмес, жок деген сөздөр жана -ба мүчесү менен бирге колдонулат. Мисалы: Баары келди-Эч ким келген жок. Баарын алдым-

1 Г.И.Рамстедт. Введение в алтайское языкознание, 196-бет.
2 Н.А.Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке, Тюркологический сборник, № I, 58 бет.

-Эч нерсе койбодум. Бардык ишти бүтүрдүм -Эч бир иш кылганым жок; качан-эч качан, эч убакта; кандай-эч кандай; кайсы-эч кайсы, кайдан-эч кайдан, кайда-эч кайда ж.б.

6. БЕЛГИСИЗ АТ АТООЧТОР

Затты, жакты же анын сан-сапаттык белгилерин болжолдуу түрдө ~~аныкынан~~ көрсөтөт.

Белгисиздик дегенде эки нерсе ажыратууга тийиш. Кээде сүйлөөчүнүн өзүнө жак, зат жөнүндөгү түшүнүк белгилүү болгону менен анын ким, эмне, экендиги, б.а. анын аныктыгы белгисиз болот. Мисалы: "Тур карачы! Кароого (кимдир) бирөө келди" дегенде кароого аракеттенүүчү жак же болбосо кандайдыр бир жандуу заттын келгендиги сүйлөөчү үчүн белгилүү, бирок аныкимдиги же эмне экендиги белгисиз. Мындай ат атоочтор белгилүүнүн белгисиздигин билдирет. Кээде, тескерисинче, зат жөнүндөгү түшүнүктүн өзү да жана анын аныктыгы да белгисиз болот. Мисалы: эмнегедир, кандайдыр бир иш дегенде сөз болуп жаткан нерсе, жана анын өзү да, б.а. жогорку айтылган бир нерсе, кимдир бирөө дегендердин эки учуру тең белгисиз.

Белгисиз ат атоочтор сурама ат атоочторго бир, алда деген сөздөрдүн кошулушу аркылуу жасалат: кай бир, кайсы бир, бир нерсе, кимдир бирөө, эмнегедир, кандайдыр бир, кээ бир, алда кандай, алда ким, бир канча ж.б.

ТҮРК ТИЛДЕРИНДЕГИ ЖАКТАМА АТ АТООЧТОР

	Жекелик түрү			Көптүк түрү		
I. азерб.	мән	сән	о	биз	сиз	онлар
2. түрк.	бен	сен	о	биз	сиз	онлар
3. чуваш.	эпе	эсӗ	вӑл	эпир	эсир	весем
4. ногой.	мен	сен	ол	биз	сиз	олар
5. кумук.	мен	сен	о	биз	сиз	олар
6. түркмен.	мен	сен	о	биз	сиз	олар
7. татар.	мин	син	ул	без	сез	алар
8. башкыр.	мин	һин	ул	без	һез	улар
9. кыргыз.	мен	сен	ал	биз	сиз, силер	алар
I0. казах.	мен	сен	ол	биз	сиз	олар
II. хакас.	мин	син	ол	пiс	сiрер	олар
I2. алтай.	мен	сен	ол	бис	слер	олор
I3. уйгур	мән	сән	у	биз	силәр	улар
I4. өзбек	мен	сен	у(ул)	биз	сиз	улар

МЕТОДИКАЛЫК КӨРСӨТМӨ

Ат атооч жөнүндөгү эң жөнөкөй түшүнүктү окуучулар башталгыч класста эле алышат.Бул теманын материалдары менен алар У класста кайрадан кездешишет.Бул жолу ат атооч жөнүндөгү материалдар менен тереңирээк таанышат.

Ат атооч жөнүндөгү материалдар менен тааныштырууну адатта мугалим башталгыч класста өтүлгөндөрдү эске салуудан баштайт.

Атооч менен этиштен турган маани берүүчү сөз түркүмдөрү дайыма үч түрдүү планда талданат: лексикалык (мааниси) жагынан, морфологиялык жагынан,синтаксистик (сүйлөмдө аткарган милдети) жагынан. Ошон үчүн кайсы сөз түркүмү болсо да ага адегенде жалпы түшүнүк берилет. Ат атоочтун материалынын өтүлүшү да ушундайча башталууга тийиш.

Башка сөз түркүмдөрүнө караганда ат атоочтор айтылуучу ойду жалпы билдирет.Алардын кимди, эмнени көрсөткөндүгү,б.а. кайсы сөздөрдүн ордуна колдонулгандыгы өздөрүнөн мурунку же өздөрү катышкан сүйлөмдөрдөн белгилүү болот.Башкача айтканда,ат атоочтордун жалпы маанилери сүйлөмдүн контекти аркылуу аныкталат. Ат атоочтордун мааниси жагынан болгон ушул өзгөчөлүгүн окуучуларга мугалим конкреттүү материалдарды талдоонун негизинде кылдаттык менен түшүндүрүүсү зарыл. Мисалы, мен деген ат атооч ар кандай эле сүйлөөчү жакты билдирет, жана ал Абыл да, Асан да, Айша да болушу мүмкүн. Ушул үч кишинин ичинен мен деген ат атооч кимге карата айтылгандыгы,кимди көрсөтүп тургандыгы сүйлөмдө гана белгилүү боло алат: Мен, Абыл Касымов, 1955-жылы туулгам."Мен эртең концертке барам",-деди Айша.Мында бир эле мен деген ат атооч бар, бирок ал биринчи сүйлөмдө Абылга, экинчи сүйлөмдө Айшага карата айтылды, кимди көрсөткөндүгү

өздөрү катышкан сүйлөмдөгү энчилүү аттар аркылуу аныкталып (конкреттешип) турат. Сен деген ат атоочтун жалпы маанисин да ушундай жол менен аныктоого болот, айырмасы анын тыңдоочу(П) жакты гана билдиргендигинде.Тыңдоочу экинчи жак кээде адамдан башка символикалык образ (түшүнүк) да болушу мүмкүн: Сен, Ала-Тоо, нечен тарыхый окуяны башынан өткөрдүң.Сен, Ысык-Көл, ырыстын бешиги ж.б.

Үчүнчү жактагы ат атооч сөзгө катышпаган жакты билдирерин жана анын мааниси көбүнчө өзүнөн мурунку сүйлөмдөгү сөздөр аркылуу аныктала тургандыгын айтууга керек.Мисалы: Ал биздин класска кечээ келди десек, ат атооч ал жалпы эле сөзгө катышпаган үчүнчү жакты көрсөтүп турат.Й Бирок конкреттүү кимдин келгендиги белгисиз,кимдин же кайсы сөздүн ордуна айтылгандыгы да түшүнүксүз. Эгерде Нурааалы мектепте көптөн бери тарбиячы болуп иштейт.Ал биздин класска кечээ келди десек, анын (ат атооч "ал") кимди көрсөтүп тургандыгы же кайсы сөздүн ордуна колдонулгандыгы биринчи сүйлөмдөн (Нурааалы деген энчилүү ат катышкан сүйлөм аркылуу) белгилүү болот.

Үчүнчү жактын жекелик түрүнүн маанисин окуучуларга түшүндүргөн учурда мугалим анын эки түрдүү мааниде колдонула тургандыгын эстен чыгарбоо керек. Ат атооч "ал" жактама жана шилтемелик мааниге ээ. Жактама ат атоочтук мааниде колдонулганда, аныкталгычсыз айтылат, сүйлөмдө, ээлик милдет аткарат: Ал мыкты окуйт.Шилтемелик мааниде колдонулганда, башка сөздүн алдына келет, аныктоочтук милдет аткарып калат: Ал бала мыкты окуйт. Ушинтип, ал деген ат атоочтун жактамалык же шилтемелик мааниде колдонулушу анын синтаксистик кызматына карата ажыратыла тургандыгын мисалдар менен түшүндүрүүгө болот.

Ат атоочтордун маанисин түшүндүрүп бүткөндөн кийин мугалим алардын грамматикалык мүнөздөмесүн өтөт.

Ат атоочтор жөнүндөгү жалпы түшүнүктү баяндоонун экинчи этабы (алардын грамматикалык белгилерин талдоо) анчалык кыйынчылык туудурбайт.Мында мугалим, башка атоочтор сыяктуу эле,ат атоочтор да жөндөлө тургандыгын, көптүк мүчө жалганарын мисалдар менен түшүндүрүүгө тийиш.Ат атоочтун өзгөчөлүктөрүнө байланыштуу бул жерде грамматикалык жалпы нормадан сыртка чыккан учурлар бар, мисалы, жактама жана шилтеме ат атоочтордун жөндөлүшү ж.б. Ат атоочтордун бул түрлөрү зат атоочтордон башкача жөндөлөт. Ошондуктан ат атооч жөнүндөгү жалпы түшүнүктү баяндоо сабагында түш келди эле ат атоочторду жөндөп, окуучуларды чаташтырбас үчүн зат атоочтор сыяктуу (таандык мүчөлөр уланбай тургандыгы) жөндөлө тургандарын тандап алуу сунуш кылынат. Бул үчүн жактама ат атоочтордун көптүк түрлөрүн жана зат атоочторду катар жөндөп көрсөтүүгө болот:

А. окуучу	биз	силер
И. окуучу-нун	биз-дин	силер-дин
Б. окуучу-га	биз-ге	силер-ге
Ж. окуучу-да	биз-де	силер-де
Ч. окуучу-дан	биз-ден	силер-ден

Ат атоочторго, зат атоочтор сыяктуу эле,көптүк мүчө жалганардыгын мисалдар менен айтуу аркылуу биринчисинин да атоочтор тобуна кире тургандыгын түшүнүүгө жетиштирүүгө болот.

Ат атоочтордун морфологиялык айрыкча белгиси сөз жасоочу мүчөлөр аркылуу башка сөз түркүмдөрүнөн жасалбай тургандыгында экендигин окуучуларга айрыкча баса айтуу керек. Ат атоочтор өздөрүнүн маанисн боюнча лексикалык составдан бөлүнүп чыгышкан

сөздөр экендигин мугалимдин өздөрү эстеринен чыгарбоого тийиш.

Толук маанилүү сөздөр сыяктуу синтаксистик жагынан сүйлөмдө ээлик, толуктоочтук, аныктоочтук жана баяндоочтук милдет аткарары жалпы түшүнүккө арналган сабакта көрсөтмө куралдар менен түшүндүрүлүшү керек.

Ат атоочтордун түрлөрүн өткөн учурда айрыкча көңүлдү жактама жана шилтеме ат атоочторго бөлүүгө болот (Жактама ат атоочтор жөнүндө аздыр=көптүр айтылды, ошондуктан аларга токтолбой койсок да болот).Мейкиндик жана мезгилдик мамилелердин негизинде затты башка бир өңчөй нерселерден бөлүп көрсөтүү---шилтеме ат атоочтордун жалпы мааниси. Мындан тышкары шилтеме ат атоочтордун жекече маанилери окуучуларга сүрөт тартылган көрсөтмө куралдар аркылуу түшүндүрүлүшү мүмкүн.Мектеп грамматикаларында төрт шилтеме ат атоочтор берилип келе жатат.Окуучулар үчүн алардын ар бирин мейкиндиктеги алган орду боюнча түшүндүрүү (мезгилдик мамилесин кошпой) жетиштүү болор деп ойлойбуз.

Бу,ушу деген шилтеме ат атоочтор сүйлөөчүгө жакын турган затты көрсөтөт(класска бир нерсенин сүрөтү тартылып коюлушу мүмкүн мүмкүн). Ошо-сүйлөөчүдөн окчун турган затты, тээтетигиөтө алыстагы нерсени көрсөтүү үчүн колдонулат; көрсөтүлүүчү зат сүйлөөчүдөн канчалык анча алыс болбосо ошо деген ат атооч пайдаланылат.Шилтеме ат атоочтордун жакындагы же алыстагы затты көрсөткөндүгүн кандайдыр бир сүрөттөрдү илип коюп,окуучулардан алардын "кайсысын сурайсың","кайсынысы жакшы" деген сыяктуу суроо=жооп менен да түшүндүрүү мүмкүн. Бул үчүн мугалим алдын ала даярданган болушу керек.Даярдалган сүрөттөрдү эки түрдүү пайдаланууга болот:

I) белгилүү бир нерсени башка бир өңчөй нерселерден бөлүп

көрсөтүү үчүн б.а. шилтеме ат атоочтордун жалпы маанисин аныктоо үчүн (мындай учурда сүрөттөр катарынан көлөлүшү же илиниши мүмкүн).

2) Нерсенин сүйлөөчүдөн жакын же алыста турган ордун белгилөө үчүн да сүрөттөрдү көзөгө же илүүгө болот. Шилтеме ат атоочтордун маанисин түшүндүрүү үчүн класс шартында сүрөттөн башка да ыкмаларды пайдаланууга болот.Бирок кандайда болсо көрсөтмөлүүлүк орун алынышы керек, анткени шилтеме ат атоочтор үчүн ушул жол эффективдүү.

Ат атоочторду класста өтүүдө жана ага тиешелүү материалдарды окуучулардын өздөштүрүшү үчүн кыйынчылык келтирүүчү учурлардын бири ат атоочтордун жөндөлүшү.

Азыркы кыргыз тилинде ат атоочтор, айрыкча жактама жана шилтеме ат атоочтор,атоочтордун башка топторуна караганда өзгөчөөк жөндөлөт,б.а. уңгулары морфологиялык жагынан өзгөрүүгө дуушар болушат.Ушунун негизинде ат атоочтордун жөндөмөлөр менен өзгөрүшү жөндөлүштүн өзүнчө бир түрүн түзөт.

Жактама ат атоочтордун жекелик түрлөрүнүн жатыш менен чыгыштан башка жөндөмөлөрдө морфологиялык бөтөнчөлүктөрү бар. Аны төмөнкүдөй салыштырма таблица аркылуу көрсөтүүгө болот.

I.Зат атоочтун жөндөлүшү

А. мал	бала
И. мал-дын	бала-нын
Б. мал-га	бала-га
Т. мал-ды	бала-ны
Ж. мал-да	бала-да
Ч. мал-дан	бала-дан.

2. Жактама ат атоочтун жөндөлүшү

а) Жекелик түрү

А. мен	сен	ал
И. менин	сенин	анын
Б. ма-га	са-га	а-га
Т. мени	сени	аны
Ж. мен-де	сен-де	ан-да
Ч. мен-ден	сен-ден	ан-дан

б) Көптүк түрү

А. биз	силер	алар
И. биз-дин	силер-дин[I]	алар-дын
Б. биз-ге	силер-ге	алар-га
Т. биз-ди	силерди	алар-ды
Ж. биз-де	силер-де	алар-да
Ч. биз-ден	силер-ден	алар-дан

Жактама ат атоочтордун көптүк түрү зат атоочторго таандык мүчө уланбай тургандагы калыбындай өзгөрөт, б.а. жөндөмө мүчөлөрдүн морфологиялык толук түрү жалганат, ошо уңгулары (ат атоочтук жана зат атоочтук) өзгөрүүлөргө учурабайт.

Жактама атоочтордун жекелик түрүнүн жөндөлүшү булардан башкача" меннин дегендин ордуна менин; сеннин-сенин; алның же аннын-анын; менге ‖ манга -дегендин ордуна мага; сенге ‖ санга-

I Көпчүлүк түрк тилдеринде экинчи жактын көптүк түрү үчүн колдонулуучу сиз бизде ушул эле жактын жекелик сылык түрү болуп эсептелет; бирок жөндөлүшү боюнча көптүк түрдүн морфологиялык өзгөчөлүктөрүнө ээ (б.а. жөндөмө мүчөлөр толук жалганат, уңгусу болсо өзгөрүүгө учурабайт.

-сага; алга || анга-ага; менни дегендин ордуна мени; сенни-сени, алны || анны-аны түрүндө колдонулат. Азыркы мезгилде илик-тин мүчөсү =нын, табыштыкы- =ны деп эсептелинет. Бирок аталган жөндөмөлөрдүн байыркы мезгилдеги абалы башкачараак экендигин жогорудагы салыштырма таблицадан кийинки тарыхый экскурстан көрүп өттүк (орх. =ен. бен-иң || мен-иң—кыр. менин; бен-и-мени, сен-и ж.б.) Ат атоочтордун жөндөлүшүн окуучуларга түшүндүрүү-дө жогорудагыдай тарыхый жагына токтолуунун зарылдыгы жок,ант-кени ал мектеп окуучулары үчүн оордук кылат.Ошондуктан азыркы мезгилдеги абалын түшүндүрүү менен чектелүүгө болор. Илик жөн-дөмөнүн мүчөсү =нын, табыштыкы =ны экендигин окуучулар жөндөмө-лөрдү өткөндөгү материал боюнча мурун эле билишет. Жактама ат атоочтордун жекелик түрүнүн жөндөлүшүндө кандайдыр бир жалпылык бар; азыркы мезгилдеги грамматикалык норма боюнча алганда илик, барыш, табыш жөндөмөлөрүнүн мүчөлөрүнүн морфологиялык түзүлүшү толук сакталгансып турат:

ме-нин	ма-га	ме-ни
се-нин	са-га	се-ни
а-нын	а-га	а-ны

Жактама атоочтордун ушул жөндөмөлөр боюнча болгон өзгөчөлүгүн түшүндүрүүнү мугалим, тигилерди доскага жазып туруп, окуучу-лардын өздөрүнөн суроодон баштаганы дурус.Мисалы: илик, табыш, барыш жөндөмөлөрүн кайсы мүчөлөр уюштурат? Доскага жазыл-гандардан аларды ким табат? Ушу жөндөмөлөрдө турган сөздөр атооч жөндөмөсүндө кандай айтылат жө алардын уңгулары кайсы? Уңгулары-мен,сен,ал; атооч жөндөмөлөрдө да ушундайча айтылат деп окуучулар жооп берүүгө тийиш.

Доскага жазылган сөздөрдө сызыкчадан кийинкилери- =нын || =нин, =га, =ны || =ни -жөндөмө мүчөлөр болсо, алар жалганган

сөздөрдүн атооч жөндөмөдөгүсүндөгү уңгулары мен, сен, ал болсо, азыркы жөндөлүшүндө уңгунун кайсы тыбышы түшүп калган деп суроо керек. Эгерде окуучулар мен, сен, ал дегендердин аягындагы "н","л" тыбыштары илик, барыш жана табыш жөндөмөлөрүндө түшүп калгандыгын айтып бере алышпаса, аны мугалим өзү түшүндүрүүгө тийиш. Барыш жөндөмөсүндө атоочтук уңгунун аягындагы "н","л" тыбыштарынын түшүп калганына карап, иреттүүлүктү сакташ үчүн илик менен табыш жөндөмөсүндө да ат атоочтун аягындагы үнсүз тыбыштар түшүп калган (тарыхта алар түшкөн эмес, ал жөнүндө жогор то айтылган) деп түшүндүрүүнү практикалык максатка ылайык деп табабыз. Ушундайча түшүндүрүүнүн ылайыктуулугунун экинчи бир жагы бар.Эгерде аталган жөндөмөлөрдө уңгунун аягындагы үнсүз тыбыштар түшүп калган десек, уңгудан мүчөлөрдү жеңил бөлүп алууга болот, жана алар азыркы кезде зат атоочторго жалганган илик, барыш, табыш жөндөмө мүчөлөрү менен да окшошот. Мында мүчөлөр боюнча морфологиялык бирдиктүүлүк сакталган болот, жана окуучулар да чаташпайт.

Үчүнчү жактын жекелик түрүнүн жөндөлүшүндө да өзгөчөлүк бар. Уңгусу жана атооч жөндөмөдө үчүнчү жак үчүн ал колдонулат.Бирок жатышта "ал+да" болуунун ордуна анда түрүндө белгилүү. Мунун себеби эки түрдүү болушу мүмкүн. Азыркы грамматикадагы тартиби боюнча табыш жөндөмөсү жатыш жөндөмөсүнөн мурун келет: аны (Окуучуларга муну түшүндүрүүдөн мурун ат атоочтордун жекелик түрүнүн жөндөлүшү доскага жогорудагыдай тартипте жазылып коюлууга тийиш).Бул сөздүн ан-бөлүгү табыштан кийин келүүчү жатыш жөндөмө мүчөнүн жалганышы үчүн жөндөлүүчү негиз катарында кабыл алынып, жатыштын мүчөсү =да ушу негизге жалганып, ан+да болуп айтылып калган болушу мүмкүн.Же болбосо биринчи эки жактын жеке-

лик түрү жатыш жөндөмөсүндө мен-де, сен-де болуп айтылып, ат атоочтордун аягы "н" тыбыштары менен бүткөнүнө окшоштурулуп үчүнчү жак бул жөндөмөдө ан-да түрүн кабыл алган болушу керек.Бирок эки учурда тең =да--жатыш жөндөмөсүнүн мүчөсү; ан=мүчө жалганып турган жөндөмөлүк негиз экендигин окуучуларга айтып түшүндүрүү керек.

Ушу сыяктуу эле үчүнчү жак атооч жөндөмөсүндө ал болуп айтылганы менен, чыгыш жөндөмөсүндө ан-дан болуп айтылат.Мында да жөндөмө мүчө (=дан) жөндөмөлүк ан--деген негизге жалганардыгы айтылууга тийиш.

Жактама ат атоочтордун биринчи үч жагынын жекелик түрүнүн жөнделүш өзгөчөлүгүн окуучуларга жогорудагыдай тартипте түшүндүрүүгө болот, жана ал илимий жагынан да чындыкка жакын. Ат атоочтун жөнделүш өзгөчөлүгүн түшүндүрүүдө, практикада мурда болуп келгендегидей, 3-жактагы ат атооч жөнделгөн учурда жатыш менен чыгыш жөндөмөдө "н" тыбышы пайда болот деш сөз болуп жаткан бөтөнчөлүктү чечип бере албайт, анткени анын кайдан келип чыккандыгы белгисиз бойдон кала бермекчи.

Жактама ат атоочтордун жөнделүшү сыяктуу, шилтеме ат атоочтордун жөнделүшүндө да өзгөчөлүктөр бар. Шилтеме ат атоочтордун жөнделүшү жатыш менен чыгыш жөндөмөдө үчүнчү жактын жекелик түрүнүн жөнделүшүнө окшош. Мында да аталган жөндөмөлөрдүн мүчөлөрү мын-, ушун,-ошон-,тигин-деген жөндөмөлүк негиздерге жалганат:

А. бу	ушу	ошо	тиги
И. му-нун	ушу-нун	ошо-нун	тиги-нин
Б. бу-га	ушу-га	ошо-го	тиги-ге

Т. му-ну	ушу-ну	ошо-ну	тиги-ни
Ж. мын-да	ушун-да	ошон-до	тигин-де
Ч. мын-дан	ушун-дан	ошон-дон	тигин-ден

Шилтеме ат атоочтордун жөндөлүшү боюнча жатыш менен чыгыш жөндөмөлөрдөн башкасында морфологиялык жагынан өзгөчөлүктөрдүн жоктугу келтирилген таблицадан ачык болуп турат. Аталган жөндөмөлөрдүн (Жатыш менен чыгыш жөндөмөнүн) мүчөлөрү ат атоочтук уңгуга эмес (ушу уңгулары бу,ушу,ошо,тиги), мын-, ушун-,ошон-, тигин-деген жөндөмөлүк негизге (склоняемая основа) жалганган; жөндөмөлүк бул негиздер жатыш, менен чыгыштан мурунку турган табыш жөндөмөсүндөгү ат атоочтордун мун-,ушун-,ошон-, тигин-деген бөлүктөрүнөн алынган болуу керек; алардын аягындагы жөндөмө мүчөлөрдүн үндүү тыбыштары түшүп калган.Окуучуларга шилтеме ат атоочтордун жөндөлүш өзгөчөлүгүн түшүндүргөн учурда жатыш жана чыгыш жөндөмөлөрүнүн мүчөлөрү ат атоочтук уңгуга эмес, жөндөмөлүк негизге жалганандыгын гана айтуу менен чектелүүгө керек. Аларга калгандарын түшүндүрүү кыйынчылык келтирет.

Баары деген ат атоочтун жөндөлүшүндө да өзгөчөлүк бар.Бул сөз үчүнчү жактын таандык мүчөсү жалганган сөздөрдөй өзгөрөт. Ошондуктан баары жана үчүнчү жактын таандык мүчөсү уланган сөздөрдүн жөндөлүшүн алдын ала доскага жазып коюу керек. Андан окуучулар кайсы жөндөмөлөр боюнча окшоштуктар бар экендигин өз алдыларынча таба алышат:

А. баары	баласы	аты
И. баары-нын	баласы-нын	аты-нын
Б. баары+н-а	баласы+н-а	аты+н-а
Т. баары-н	баласы-н	аты-н
Ж. баары+н-да	баласы+н-да	аты+н-да
Ч. баары-нан	баласы-нан	аты-нан.

Жак мүчөлөрү сыяктуу эле, биринчи жана жактын таандык мүчөлөрү да ат атоочтордон чыккандыгы түркологиялык адабияттарда белгилүү.[1] Ушу сыяктуу эле, кээ бир материалдарга караганда үчүнчү жактын таандык мүчөсү да, биздин пикирибизче, ат атоочтон чыкса керек. Мындай ойго бизди маньчжур тилинин фактысы алып келди. Анда биринчи жана жак үчүн би-мен, си-сен жана үчүнчү жак үчүн и ~ ин =(ал), чэ ~ чэн=(алар) деген ат атоочтор колдонулат. "и", "чэ"-ат атооч, ин-, чэн--алардын жөндөмөлүк негиздери. Маньчжур тилиндеги бул ат атоочтор ("и" жана "чэ")[2] тунгус тилдеринин ичинен жаңы тилинде 3-жактын таандык мүчөсүнө айланып кеткен.[3] Түрк тилдериндеги =ы жана =сы да ушулар менен тектеш жана тунгустар менен качандыр бир убакта карым=катышта болгон учурда алардан түрктөргө өткөн болуу керек. Таандык мүчөнүн үчүнчү жагынын чыгышы жөнүндөгү маселеден кийин жогорудагы сөздөрдүн (баары, баласы, аты) жөндөлүш өзгөчөлүктөрүн окуучуларга кандайча түшүндүрүүгө керек экендигине өтөлү.

Баары жана баласы, атасы сыяктуу таандык мүчөнүн үчүнчү жагы жалганып турган сөздөрдүн жөндөлүшүндөгү окшоштук көкүсүнөн эмес. Бул кубулуш баары деген сөздүн аягындагы =ы да тарыхый жагынан таандык мүчө экендигин көрсөтөт.

Баары деген сөздүн жөндөлүшүндө төмөнкү жөндөмөлөр боюнча өзгөчөлүктөр бар.

---

1 кара: А.Н.Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, 222-бет.

2 Захаров Иван. Грамматика маньчжурского языка, 108-бет.

3 В.А.Аврорин. Грамматика нанайского языка, I том, М.-Л., 1959, 153-бет. А.Ф.Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке, 1-2-3-бет.

Барыш жөндөмөдө =га мүчөсүнүн ордуна =а колдонулган. Орхон=Енисей эстеликтеринде таандык мүчөлөрдөн кийин барыш жөндөмөсү үчүн көбүнчө =а пайдаланылган. Енисей жазмаларында муну менен бирге барыш жөндөмөнүн (=а мүчөсүнүн ордуна) =ка мүчөсү аркылуу да берилген учуру да кездешет. Ушу фактынын өзү эле барыштын =а мүчөсү =ка || =га формантынан чыккандыгын айгинелейт: орх.=ен. оглум-а (уулум-а); будунум-а (элим-е); йашым-а (жашым=а, жашым-да) каганың-а (ханына), илиң-е (элиңе, уруулук союзуна); ен. йашым-ка, йерим-ке, элим-ке (Ен.№ 3,4,8 ж.б.); байыркы уйгурча инимке-иниме; йолуң-а (Алтун йарук чыгармасынан); орх. йашың-а — жашыңа, йашында).

Жазма эстеликтерден келтирилген фактылардан кийин таандык мүчөлүү сөздөрдө барыш жөндөмөсү үчүн =на эмес, =а [< =(к)а] колдонулардыгы ачык болуп турат. Демек, окуучуларга барыш жөндөмөнүн мүчөсү -=а, бирок бул мүчө баары, баласы деген сөздөргө эмес, алардын жөндөмөлүк негиздерине (баарын-, баласын-) жалганган деп түшүндүрүүбүз керек. Жөндөмөлүк бул негиздер баласынын деген сөздүн биринчи бөлүгүнөн (баласын-) алынган болушу мүмкүн.

Ушу сыяктуу эле, жатыш жана чыгыш жөндөмөлөрүнүн мүчөлөрү да жөндөлүүчү негизге жалганган, бирок азыркы учурда чыгыш жөндөмө мүчөнүн башындагы "д" тыбыш түшүп калган: салыштыр түркчө бабасын-дан-кыр. бабасы-нан.[I] Тарыхый жагынан чыгыштын мүчөсү менен жөндөлүүчү негиздин ортосунда жогорудай фонетикалык өзгөрүүлөр болсо да окуучуларга муну айтпай эле чыгыштын мүчөсү баары, баласы, аты деген сөздөргө тике жалганган деп

I кара: А.Н.Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, § II4. Грамматика алтайского языка составлена членами алтайской миссии, 45-бет.

түшүндүрүү керек. Анткени аларга жалганғандағы мүчө (=нан) башка сөздөргө (зат атоочторго) улангандағы азыркы абалынан айырмаланбайт (салыштыр: ата-дан ж.б.)

Жатыштын мүчөсү =нда эмес, =да эле, бул мүчө баарын-деген жөндөмөлүк негизге жалганган деп айтуубуз керек. =да мүчөсүнүн алы алдындағы "н" тыбышы жөндөлүүчү негиз катарында бул жөндөмөдөн мурунку турган баласы+н деген сөздөн алынган болушу мүмкүн, =да мүчөсү ошол негизге жалганган.

Таандык мүчө уланган сөздөрдөн кийин орхон=енисей эстеликтеринде табыш жөндөмөсү =ын (үнсүздөрдөн кийин), =н (үндүүлөрдөн кийин) мүчөлөрү аркылуу берилө тургандыгын жогоруда айтып өткөн элек. 3-жактын таандык мүчөлөрү жалганган сөздөрдөн кийин азыркы көпчүлүк түрк тилдеринде байыркы убактагыдай эле =н колдонулат: орх.-ен. сү=си=н , эли-н-кыр. ас-кери-н, элин;байыркы уйгурча аның савы=н алып-аның сөзү-н алып ("Алтун йарук" чыгармасынан, ПДТП., 117-бет, 61-сап); белгуси-н-белгисин (Аталган эмгек) 194-бет). Азыркы өзбек жана уйгур тилдеринде 3-жактын таандык мүчөлөрүнөн кийин табыш жөндөмө =ны формасында колдонулат: баласы-ны, аты-ни ж.б. Байыркы түрк тилдеринде таандык мүчөлүү сөздөр табыш жөндөмөсүндө =ын, =н формасында колдонулгандыгын эскерип (азыркы кыргыз тилинде да =н: аты-н, суусу-н!), окуучуларга 3-жактын таандык мүчөлөрүнөн кийин (баары деген сөздө да!) табыш жөндөмөсүн=н уландысы (=ны ның ордуна) уюштурат деп түшүндүрүү жеңил жана илимий жагынан негиздүү болобу деп ойлойбуз.

Ат атоочтун калган түрлөрүнүн жөндөлүшүндө олуттуу өзгөрүүлөр жок. Алар (таандык мүчөлөрү уланбаган) зат атоочтор сыяктуу эле өзгөрөт, окуучулардын өздөштүрүшү үчүн кыйынчылык келтирбейт.

Акырында ат атоочтордун материалдарын өздөштүрүүнү бекемдөө

үчүн окуучуларды өз бетинче иштөөгө үйрөтүү керек. Бул үчүн окуучуларга алдын ала чакан аңгемелерди жазып келүү тапшырылса дурус болушу керек.Адабий тилдеги мага, сага, ага дегендердин ордуна кыргыз тилинин түндүк диалектисинин кээ бир говорлорунда маа,саа,аа, же маган, саган,аган же баарыны, баарыга,баарын, баарына дегендердин ордуна) түрүндө айтылган диалектизмдердин кезигишине мугалим айрыкча маң көңүл буруу керек жана аны адабий тилибиздин нормасына салып, класста окуучулардын өздөрүнө талдатса бир канча натыйжалуу болот.

Ушундайча жөндөлүүгө тийиш экендигин түштүк батыш тобундагы түрк тилдеринин материалдарынан көрүү анча кыйын эмес (кара. А.Н.Кононов. грамматика современного турлукого литературного языка). Биреөнө (62-бет), алтооно (63-бет) дегендер да ушундай. 4. 115-16 бетте тилек ыңгайдын мүчөлөрү так эмес, тилек ыңгай=чай+эле аркылуу уюшулат, калган 2, 3-пунктагылары болсо грамматикалык ошол формалардын эле маанилери. Чы+кел,бар,жок деген конструкцияга =чы мүчөсүнө таандык мүчөлөр жалганат (баргым жок ж.б.), а ыңгайча болсо сөз өзгөртүүчү категориялардын формалары мүнөздүү эмес. Ошондуктан автор муну ойлонушу керек.

Аталган замечаниелер майда, жана алар эмгектин жалпы сапатын төмөндөтө албайт.

Эмгек материалды билгендик менен жазылган, теориялык жана практикалык ролу зор. Басмага сунуш кылууда болот.

Филология илимдеринин
доктору С.Кудайбергенов.
6 апрель 1973-жыл.

эчтемеге таянбаган эрежебиз бар. Жөндөмө мүчөлөр жөнүндө автор кийинки изденүүлөрүндө ойлонууга тийиш. Бул жөнүндө менин методикалык сунуштарым тууралуу "Ат атоочту окутуунун методикасын" /36/37,68-беттер/ караса болот.

2.Жекече мүнөздөгү замечаниелер. Эмгекте майда кемчиликтер бар жана аларды редакциялоо жолу менен оңой эле оңдоп коюга болот, анын үстүнө анда көп эмес.

Ушундай мүнөздөгү кемчиликтерге төмөнкүлөр кирет:

1. 5-бетте аныктоочтук позицияда турган зат атоочтор менен сын атоочтун айырмасын аныктоодо „жаңылыш" түрдө кандай? деген суроо берилет.дегилген. Суроо туура эле, бирок сөзду өзүнчө алып кароо керек, ага эмне? деген суроо берилет.(Бул жөнүндө менин "Сын атооч, сан атоочтун методикасында" толук айтылган, ошону кара).

2. 28-29 бетте сын атоочтун заттык мааниде колдонулушу боюнча карама-каршылык бар. Муну бир тартипке салуу керек. (Бул маселе боюнча да жогоруда аталган менин китепчемди кара).

3. 62-бетте 3-жактын таандык мүчөсү жалганган сөздөр үңгү жана жөндөмөлүк мүчөлөрдө туура эмес ажыратылган: баласт-на эмес, эле баластн-а, баластн-я болуп бөлүнүүгө тийиш. Бирок биздин азыркы эрежебизге ылайык бала-ст-н-а, бала-ст-н-да түрүндө бөлүнөт. А чындыгында төмөндөгүдөй жөндөлүүгө тийиш жана ал келечектеги иш:

А. бала-ст
И. баластн-ын
Б. баластн-а
Т. баласт-н-(ы)
Ж. баластн-да
Ч. баластн-(дан).

М А З М У Н У

I. Мугалимдер үчүн материал. . . . . .
I.Ат атоочтун лексикалык мүнөздөмөсү. . . . . .
2.Ат атооч жана анын түрлөрү. . . . . .
I) Жактама ат атоочтор . . . . . .
2) Шилтеме ат атоочтор . . . . . .
3) Сурама ат атоочтор . . . . . .
4) Аныктама ат атоочтор . . . . . .
5) Тангыч ат атоочтор . . . . . .
6) Белгисиз ат атоочтор . . . . . .
3. Түрк тилдериндеги жактама атоочтор . . . . . .
4. Жактама ат атоочтордун жөнделүш таблицасы. . . . . .
I) Илик жөндөмө. . . . . .
2) Барыш жөндөмө. . . . . .
3) Табыш жөндөмө. . . . . .
П Методикалык көрсөтмө. . . . . .